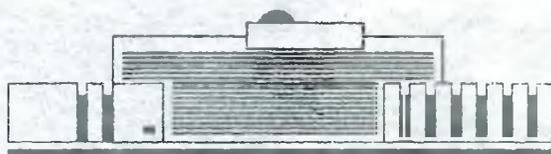


ВЕСНІК

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта



2006 № 3(41)

В Е С Н І К

Віцебскага дзяржаўнага
універсітэта

НАВУКОВЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з верасня 1996 года
Выходзіць чатыры разы ў год

2006 № 3(41)

Рэдакцыйная калегія:

А.У. Русецкі (галоўны рэдактар),
І.Я. Андрушкевіч (нам. галоўнага рэдактара),
Г.І. Міхасёў (нам. галоўнага рэдактара),
А.І. Мацяюн (адказны сакратар),
С.Л. Багамаз, А.А. Бачкоў, А.В. Ванкевіч, М.Ц. Вараб'ёў,
Я.А. Васіленка, Н.С. Віслабокава, В.І. Гідрановіч,
В.П. Клімовіч, В.А. Космач, В.Я. Кузьменка, В.М. Куліева,
І.Л. Лапін, С.А. Матораў, Г.М. Мезенка, В.М. Мінаева,
П.І. Навіцкі, В.І. Несцярловіч, А.А. Несцярэнка,
В.П. Пракапцова, І.М. Прышчэпа, Э.І. Рудкоўскі, Ю.А. Русецкі,
М.А. Слямнёў, М.К. Талочка, Т.М. Тузова, І.А. Фурманаў,
У.Л. Фядотаў, У.М. Хоміч, А.Г. Цікавенка,
Ю.М. Чурко, У.А. Янчук

Адрас рэдакцыі:

210038, Віцебск, Маскоўскі пр-т, 33,
пакой 123, т. 22-33-79
E-mail: rio@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Рэдактар
Камп'ютэрны набор
Карэктар

А.М. Фенчанка
Г.У. Разбоева
Л.В. Прыстаўка

Рэгістрацыйны № 1313 ад 2.07.1999.

Ліцэнзія ЛВ № 02330/0056790 ад 1.04.2004.

Падпісана ў друк 11.09.2006. Фармат 70x108 1/8. Папера друкарская. Афсетны друк.
Ум. друк. арк. 25,90. Ул.-выд. арк. 10,70. Тыраж 110 экз. Заказ 114.

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны універсітэт імя П.М. Магэрава»
210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.

З М Е С Т

Сацыялогія. Філасофія

- ✓ *Юдин В.В.* Религиозность и религиозный экстремизм в молодежной среде 3
- ✓ *Половцев Д.О.* Постструктуралистические концепции инаковости и их прочтение в мультикультурализме 6

Гісторыя

- ✓ *Моторова Л.А., Моторова Н.С.* Медицинское обслуживание и здравоохранение населения Витебской губернии (1903–1914 гг.) 10
- ✓ *Лавринович Д.С.* Деятельность Конституционно-демократической партии в Витебской губернии (1905–1917 гг.) 14
- ✓ *Елизаров С.А.* Районы в системе административно-территориального деления Белорусской ССР в 1930–1941 гг. 19
- ✓ *Здановіч У.В.* Аб перыядызацыі вывучэння гісторыі Вялікай Айчыннай вайны 25
- ✓ *Яковчук В.И.* Деятельность правительства БССР по совершенствованию организации противопожарной защиты белорусской деревни (1955–1971 гг.) 31
- ✓ *Ващилко Г.Г.* Культурное сотрудничество Беларуси и Польши в 90-е годы XX в. 36

Педагогіка. Псіхалогія

- ✓ *Новицкий П.И., Иванова М.В.* Волонтерство как актуальная педагогическая проблема в воспитательной работе высшего учебного заведения 42
- ✓ *Корзунова Т.В.* Предпосылки развития специального образования Республики Беларусь в условиях трансформации современного общества 46
- ✓ *Андрущенко Н.Ю.* Становление и развитие института социальной педагогики в Республике Беларусь (1990–2007 гг.) 51
- ✓ *Ноздрин-Плотницкий В.И.* Некоторые аспекты исследования понятий «профессия» и «специалист» 56
- ✓ *Волчок В.П.* Теоретические подходы бихевиоральной и гуманистической психологии в изучении взаимодействия родителей с детьми ... 61

Мовазнаўства

- ✓ *Муратова Е.Ю.* Терминологические проблемы в теории интертекстуальности 65
- ✓ *Ван Ли.* Спорные вопросы номинации внутригородских объектов ... 70
- ✓ *Тулинова О.А.* Особенности референции в бэджевых текстах 74

Літаратуразнаўства

- ✓ *Русецкі А.У., Русецкі Ю.А.* «Букварь» з Куцейны 81
- ✓ *Киселев К.Л.* К проблеме типологии характеров в творчестве Леонида Леонова (на материале романов 1950–1990-х годов) 85

Мастацтвазнаўства

- Улановская С.И.* Творческий стиль Р. Поклитару: к вопросу о стилевых инновациях в современной белорусской хореографии 93
- Майсяюк А.М.* Узнікненне і станаўленне бісерапляцення на тэрыторыі Беларусі: да пастаноўкі праблемы 100

Біялогія. Хімія

- Гричик В.В., Ивановский В.В.* Географическая изменчивость ястреба-тетеревятника (*Accipiter gentilis* L., 1758) в Беларуси 104
- Рупасова Ж.А., Игнатенко В.А., Варавина Н.П., Рудаковская Р.Н., Рубан Н.Н., Яковлев А.П.* Особенности накопления углеводов, органических кислот и терпеноидов в плодах голубики высокорослой на фоне внесения минеральных удобрений в разных агроклиматических областях Беларуси 109
- Заборовская Г.В.* Организация мониторинга пресных подземных вод на территории нефтяных месторождений Беларуси 121
- Казимиров И.С.* Использование *Cissus rhombifolia* Vahl в озеленении производственного интерьера 127

Кароткія паведамленні

- Девярых С.Ю.* Мотивы сексуального воздержания в старшем юношеском возрасте 133

Бібліяграфія 135

Персаналіі 136

Рэфераты 140

Звесткі пра аўтараў 146



В.В. Юдин

Религиозность и религиозный экстремизм в молодежной среде

Религия, пожалуй, единственный социальный институт, который успешно развивается в нашем переходном обществе, что проявляется в росте религиозности населения, а также в увеличении численности религиозных общин. Человек, верующий в Бога и регулярно ходящий в церковь, сегодня более естественен, чем атеист лет двадцать тому назад. Религия проникает в сознание представителей всех социальных слоев, в том числе в сознание молодежи. Некоторая часть молодежи при определенных обстоятельствах как носитель религиозного сознания может стать проводником религиозного экстремизма, проявляющегося в нетерпимости, фанатизме, религиозной исключительности.

Среди молодежи практически каждый второй представитель (61,2% по исследованию 2002 года, опрошено 600 респондентов по областной выборке, и 62,3% опрошенных молодых людей в 2004 году, опрошено 600 респондентов по областной выборке) считает себя верующим, заявляя о своей вере в Бога (в традиционном понимании). Почти каждый пятый (17%) предполагает, что существуют сверхъестественные силы и верит в них. Небольшая часть молодежи заявляет о своих атеистических убеждениях – 7,2% опрошенных. Среди молодежи присутствует определенное количество индифферентных по отношению к религии: 15% опрошенных молодых людей не задумывались над тем, каково их отношение к религии.

Большинство молодежи заявляет о своей принадлежности к тому или иному вероисповеданию. Для молодежи восточных регионов Беларуси характерно причисление себя прежде всего к православию, что наглядно показано в таблице.

Таблица

**Динамика конфессиональной самоидентификации молодежи
восточных регионов Беларуси, в %**

| Конфессии | 2002 г. | 2004 г. |
|----------------|---------|---------|
| Православие | 77,5 | 79,8 |
| Католицизм | 2,7 | 1,7 |
| Протестантизм | 1,2 | 1,0 |
| Не задумывался | 9,8 | 8,3 |
| Нет ответа | 0,5 | 0,5 |

Отметим, что, по исследованиям 2002 и 2004 годов, от 5 до 7% респондентов при ответе на вопрос о конфессиональной идентификации заявили о своих атеистических взглядах.

Несмотря на общий процесс роста религиозности населения Беларуси, регулярное участие в богослужениях характерно для относительно небольшого числа молодых людей, систематичность посещения религиозных богослуже-

ний присуща менее чем 5%. Посещают богослужения с частотой один раз в неделю 2,3%, раз в месяц – 2,7% представителей молодого поколения. Обязательно по большим религиозным праздникам, таким, как Пасха, Рождество, Вход Господень в Иерусалим (этот религиозный праздник, как правило, респонденты называют Вербным воскресеньем), – 20,2% молодых людей; довольно значительное число – богослужений не посещали (42,3%). Посещения богослужений молодежь не являются устойчивыми и периодичными, а характеризуются случайностью.

Религиозное поведение проявляется также в участии в таинствах и обрядах. Как показывает исследование, большинство молодых людей (87,7%) не принимали участия ни в исповеди, ни в таинстве причастия. Хотя бы один раз в жизни исповедовались и причащались 12% молодых людей, то есть даже по самым оптимистическим оценкам можно сказать, что воцерковленными, с точки зрения официальной Церкви, являются 12% молодых людей.

Примерно так же обстоят дела с соблюдением таинств и обрядов среди граждан России. По данным исследований российских социологов, среди населения Российской Федерации только 8% причащается хотя бы раз в течение года. Большинство граждан, относящих себя к приверженцам православия (80%), не соблюдает никаких постов [1]. С рекомендованной церковью частотой – раз в месяц причащается и исповедуется не более 5% от общего числа религиозно настроенных людей [2].

Характеризуя уровни религиозно-экстремистских настроений молодежи, мы не можем не остановить наше внимание на некоторых положительных моментах, касающихся ее религиозных настроений. Мы говорим о религиозной терпимости большинства нашей молодежи, что большинство молодежи не является носителями религиозно-экстремистских настроений. Среди молодежи в возрасте от 16 до 30 лет 75,9% от общего числа опрошенных считает, что все вероисповедания и религии должны пользоваться в нашем государстве равными правами. Однако часть молодого поколения убеждена, что христианство должно преобладать над другими религиями. Придерживаются такого мнения 13,5% молодежи. За преобладание православия над другими конфессиями высказались 9,1% респондентов.

За мирное, без борьбы, сосуществование различных религий и вероисповеданий высказываются четверо из десяти представителей молодежи (41,7%). Данного мнения больше придерживаются девушки (45,1%), среди молодых мужчин за мирное сосуществование религий и вероисповеданий высказались 38,4% опрошенных.

Каждый пятый представитель молодежи (21,2%) считает приемлемой идейную борьбу между религиями, но без применения насильственных методов. Среди молодых мужчин такого мнения придерживается 19,3%, среди девушек признают идейную борьбу между религиозными мировоззрениями уже 23,1%.

Проблемы взаимоотношений религий в нашем обществе не интересуют 28,5% молодых людей. Среди молодых мужчин и женщин к сосуществованию различных религиозных убеждений индифферентно относится 33,1% и 23,7% опрошенных соответственно.

Каждый двадцатый представитель молодежи (5,3%) считает, что с иными религиозными взглядами, иной верой нужно бороться всеми средствами, даже насильственными.

Мы видим, что среди молодежи каждый двадцатый признает вполне допустимым использование насильственных средств в борьбе с иными религиозными убеждениями и взглядами. Но в данном случае мы имеем дело лишь с высказанным мнением, которое может не обязывать ни к каким определенным действиям. Вопрос в другом: примут ли молодые люди участие в конкретных религиозно-экстремистских акциях, таких, как захваты и погромы хра-

мов иноверцев, погромы кладбищ, избиения священнослужителей? При каких условиях молодежь может устроить религиозно-экстремистские акты?

По идейным соображениям в погромах и захватах храмов иноверцев, в погромах кладбищ молодежь принимать участия не будет. Возможны лишь единичные проявления некоторых религиозно-экстремистских действий отдельными индивидами. Могут принять участие в религиозно-экстремистских действиях, направленных против культовых зданий, мест погребений иноверцев, не более 1% от общего числа опрошенных молодых людей.

В захвате храмов однозначно не будет участвовать девять из десяти (90,3%) представителей молодежи. Невозможным считает свое участие в погромах церковей 91,5% опрошенных. В погромах кладбищ иноверцев определенно не примут участия 92,7% молодых людей.

Среди молодежи мы можем выделить группу, члены которой потенциально могут стать религиозными экстремистами. Позволяют сделать такой вывод следующие факты. Не смогли однозначно и определенно заявить, что не примут участия в конкретных действиях религиозно-экстремистского характера до 9% от общего числа опрошенных. Возможно примут участие, а возможно не будут участвовать в погромах кладбищ иноверцев 6,5% опрошенных, в погромах культовых зданий – 7,3%, в насильственных захватах храмов – 9%.

При определенных жизненных обстоятельствах, например при возникновении острой нужды в финансовых средствах, до 4% молодых людей от общего числа опрошенных в 2004 году смогли бы за плату совершить какое-либо религиозно-экстремистское действие, направленное против священнослужителей, храмов и погребений иноверцев. Отметим, что на такие действия, как показывают результаты исследования, способны, прежде всего, молодые мужчины в возрасте от 16 до 20 лет.

Количество носителей религиозно-экстремистских настроений среди молодежи составляет до 10% молодых людей. Глубоко религиозными среди молодежи являются до 12% молодых людей.

Переход к рыночным отношениям, совершающийся в постсоветском обществе, неизбежно вовлекает в рыночную сферу религию – формируется религиозный рынок. Попавшему в «религиозный супермаркет» молодому человеку трудно разобраться самостоятельно в качестве предлагаемых товаров. Выбор часто обусловлен яркой упаковкой.

Индифферентность молодежи по отношению к религии в сложившейся ситуации, может быть, даже и благо – есть шанс избежать стихии религиозного рынка, на котором сейчас можно выкупить даже смертный грех, на котором можно стать и фабрикантом, и неимущим пролетарием.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Веремчук В.И.** Социология религии. – М., 2004. – С. 205.
2. **Филатова О.Г.** Социология: Учебник для вузов. – СПб., 2002. – С. 302.

S U M M A R Y

The article is based on the data of the sociological research, carried out among the youth of Mogilev and Mogilev region in 2002–2004. Religiousness and display of religious extremism in youth environment are considered. The young people are noted for quite a low level of religiosity, what presents one of the factors accounting for the absence of mass manifestations of religious extremism.

Поступила в редакцию 21.03.2005

Д.О. Половцев

Постструктуралистические концепции инаковости и их прочтение в мультикультурализме

Тема Другого является одной из значимых тем XX века. Как полагает И.П. Ильин, Другой – «основополагающий концепт современного европейского принципа самоосознания» [1]. Более того, «вне понятия Другого как составной и неотъемлемой части своей собственной идентичности, – продолжает известный литературовед и философ, – сегодня невозможно ни одно серьезное размышление...» [1]. Интерес к проблеме Другого обозначился более остро в XX веке.

Категории инаковости и Другого используются теоретиками большого количества школ и направлений. Проблема исследовалась и исследуется в различных дисциплинах – герменевтике (М. Хайдеггер, Г. Гадамер), теории права (Дж. Ролз), семиотике и логике, психоанализе, теории речевых актов, эстетике (Х. Яусс, А.В. Аксенов), социологии (Г. Гарфинкель, Э. Гидденс, Э. Тоффлер), теории коммуникации (Х. Парре, М. Даммит, К. Бюлер, Т. Себек) и т.п. Политические теории сконцентрированы на изучении классовых Других; феминизм исследует женскую другость; эстетика изучает художественную инаковость; психоанализ требует рассмотрения Другого-внутри-себя; Другой подвергается интерпретации в литературоведческой практике. Оригинальную точку зрения высказывает современная зарубежная исследовательница Дж. МакВикер: литературные произведения, «в которых речь идет об инаковости, изображают самость..., сформированную... [такими] силами..., как, например, "Другой"» [2]. Очевидно, что Другой и его инаковость играют магистральную роль в формировании Я.

Человек находит себя вне самого себя. Личность конституируется в непрерывном общении с внешней по отношению к нему средой обитания, существенным элементом которой является другая личность. Человек для раскрытия и развития собственных сил, для формирования себя в качестве личности, должен выйти за пределы самого себя, то есть вступить в интересующие отношения диалога-коммуникации. Главной составляющей человеческого существования является диалог. Совершенно верно отмечает по этому поводу психолог А.Е. Шерозия, что «отношение к "Другому", вошедшее в структуру личности, является фундаментальным межличностной коммуникации.... Относясь к "Другому", личность оценивает себя и удостоверяется в своей самостности» [3].

В постструктурализме (Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.) Я предстает как постоянная самоинтерпретация, находящаяся во взаимосвязи с интерпретацией мира Другим, с его интерпретацией Я; сами постструктуралисты нередко обращаются к бессознательному.

Так, например, Ж. Лакан, рассматривая Другого (Ж. Лакан различал Другого с большой буквы и другого с маленькой буквы, «который и есть мое собственное "Я"». – Д.П.), связывает его с областью бессознательного. Человеческая психика, по Лакану, состоит из нескольких структурообразующих «ин-

станций»: Воображаемого, Символического и Реального. Реальное представляет собой все то, что существует помимо субъекта и от его воли не зависит. К нему относятся, например, объекты внешнего мира. Реальное заявляет о себе в каждую секунду существования индивида. Оно всегда «здесь». Воображаемое может быть определено как «... комплекс... представлений, который человек создает сам о себе» [1]. Оно формируется на «стадии зеркала». Символическое представлено составляющими культуры, которые индивид усваивает бессознательно. Другой принадлежит «порядку» Символического, ибо «как только... ребенок столкнется с Другим, он немедленно... начинает защищаться от реальности посредством языка» [4]; Другой означает для него встречу с культурой. Так как Символическое, по Лакану, усваивается в основном бессознательно, то его известный афоризм «Бессознательное – это дискурс Другого» может быть интерпретирован следующим образом: в процессе развития человека решающим оказывается момент овладения символической составляющей культуры. При этом Другой представляется как инстанция, которая контролирует наши способы вхождения в мир символов. Более того, по Лакану, человек всегда ищет себя через Другого, часто изобретая и Другого и себя.

Отметим, что лакановская концепция не замыкается рамками психоанализа. Например, И.П. Ильин указывает на работу Динизла Ганна «Психоанализ и литература: Исследование границы между литературным и психоаналитическим» в качестве «примера более или менее буквального переноса собственно лакановских представлений на сферу художественной литературы» [1]. Или, например, Дуглас Келнер пишет о том, что «... лакановское прочтение Фрейда было подхвачено лингвистами и литературоведами, культурологами и социологами» [1].

Если лакановскую концепцию используют для различных интерпретаций в художественном творчестве, то Ж. Делез проецирует свою концепцию Другого непосредственно на художественное произведение.

Жиль Делез развивает тему Другого, обращаясь к роману французского писателя Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб». Делез написал к нему статью-комментарий под названием «Мишель Турнье и мир без Другого». Эксперимент Турнье, по словам Делеза, состоит в «островном мире без другого». Развивая тезис, Делез анализирует, что есть человек без Другого на своем острове? Почему вопрос об отсутствии Другого стоит так остро в статье-комментарии Ж. Делеза?

Делез сразу предлагает нам следующий план: «посмотрим посему сначала, что же означает другой по своим действиям или последствиям: рассмотрим последствия отсутствия другого на острове, выведем следствия присутствия другого в обычном мире, заключим, что же есть другой и в чем состоит его отсутствие» [5]. Кажется, что мир без Другого звучит парадоксально, так как мир – всегда мир Других. Мир без Другого сразу ставит под сомнение сам мир, в котором не стало Другого. Возможен ли такой мир одиноких и изолированных Я, где никто ни к кому не обращается на Ты? Полагаем, что в мире, в котором отсутствует Другой, не может быть и того Я, которое рождается каждый раз в обращении к Ты. Человек находит, формирует свое Я благодаря встрече с Ты.

Делез считает, что в выяснении вопроса о том, кто же такой Другой, многие исследователи допускают ошибку, анализируя его в терминах объекта и субъекта. По Делезу, Другой «... не есть ни объект в поле моего восприятия, ни субъект, меня воспринимающий, – это, прежде всего, структура поля восприятия, без которой поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает. ... Но какова эта структура? Это структура возможного» [6]. Таким образом, Другой, по Делезу, – воплощение категории возможного. Мир без Другого оказывается миром без «потенциальностей».

Концепция Ж. Делеза, полагающего Другого как структуру, не противоречит теории известного французского ученого М. Фуко, для которого Другим является безумец. Безумие и безумец – ключевые понятия системы М. Фуко. По Фуко, смысл человеческого существования, способность человека к самопознанию проверяется отношением к безумию, которое существует как в себе, так и вне себя.

М. Фуко всегда интересовало то, что выявляет другость, инаковость в человеке. Примечательно, что «как все ... постструктуралисты, – пишет по этому поводу И.П. Ильин, – он [М. Фуко. – Д.П.] видел в литературе наиболее яркое и последовательное проявление этой "инаковости", которой... лишены тексты философского и юридического характера» [1].

По мнению Фуко, грань между нормальным и безумным подвижна: «человек и безумный объединены связью неуловимой и взаимной истины; они говорят друг другу эту истину о своей сущности» [7]. В безумии, как полагает Фуко, существует проблеск «истины», который недоступен разуму.

Анализ становления безумия в европейской истории позволил сформировать Фуко концепцию «дисциплинарной власти», где он делает акцент на роли безумия и безумца в становлении европейской рациональности. М. Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху» раскрыл историю иного, того, что имманентно культуре и в то же время ею отчуждается: случайности, непоследовательности, нетипичности.

Нет сомнений, что концепция Фуко остается актуальной и в XXI веке: безумец, который «присутствует в каждом» ставит человека на грань, человек *постоянно балансирует* на этой грани, именуемой «Я – Другой». Так, например, С. Жижек полагает, что «... наша нетерпимость к внешнему (этническому, половому, религиозному) Другому [это] суть выражение якобы "более глубокой" нетерпимости к вытесненной или отринутой инаковости в нас самих: мы ненавидим и нападаем на чужое, потому что не можем прийти в согласие с чужаком в себе» [8]. Следовательно, для гармоничного существования человеку необходимо найти примирение с инаковостью внутри себя. Или, говоря словами классика английской литературы Э.М. Форстера, он должен «соединиться» («connect»).

Нам представляется верным утверждение И.П. Ильина, что «практически для всех постструктуралистов было важно понятие "Другого" в человеке, или его собственной по отношению к себе "инаковости" – того не раскрытого в себе "другого", "присутствие" которого в человеке, в его бессознательном, и делает человека нетождественным самому себе [курсив наш. – Д.П.]» [1]. Полагаем, что, с одной стороны, присутствие Другого делает человека «нетождественным самому себе», но, с другой стороны, без Другого как неотъемлемой части своей идентичности нет системы различий «Я» – «не Я», «свой» – «чужой», «мы» – «они» и т.д.

Идеи постструктуралистов на проблему инаковости оказались подхвачены мультикультурализмом. Так, М.В. Тлостанова отмечает, что «из выделенного Фуко ряда: социальных изгоев, безумцев, ... слабых и, наконец, просто "других", которых можно обнаружить в собственном подсознании, – мультикультуралисты выбирают прежде всего... маргинальных субъектов, "других" не по своей воле, но из-за цвета кожи или... акцента» [9].

В энциклопедии «Западное литературоведение XX века» [10] мультикультурализм трактуется как «сложное междисциплинарное явление, ... [в котором] слились проблемы соотношения единства/разнообразия/различия в культуре, субъектно-объектная проблематика, ... кризис национальной, культурной и личностной идентификации» [10]. Мультикультурализм выражает и обосновывает «плюралистичную культурную парадигму»; его основными ха-

рактическими являются множественность, многообразие, гетерогенность. Следовательно, он не может обойти стороной проблему Другого. Мультикультурализм проповедует концепцию толерантности; совмещая в себе различные концепции и системы, он пытается примирить инаковости. Согласимся с теоретиком мультикультурализма, что «к концу XX века... варианты мультикультурализма... признали, что другой существует..., что нужно уважать его различия» [11]. Мультикультурализм, однако, не просто проявляет «повышенный интерес к проблеме “другого”» [10], но и переводит инаковость во «внутриличностный пласт».

Понимание того, что тождественность человеческого Я – не более чем иллюзия, и стало одним из значительных результатов социально-гуманитарных исследований XX века. Человек не обладает постоянным и устойчивым Я, он является непрерывно изменяющимся отношением «Я – Другой». Человеческое Я не может быть определимо, так как оно всегда в поисках себя самого и может быть репрезентировано только через Другого. В XX веке произошла деконструкция понятия «цельная личность», произошел перенос фокуса с внутренней самодостаточности Я на его взаимоотношения с самим собой Другим.

Проблема инаковости и Другого продолжает оставаться одной из ключевых проблем современности. Актуальность проблемы инаковости несомненна, ибо, говоря словами Ж. Деррида, сегодняшний «фрагментарный человек» может быть собран только посредством Другого. Вследствие этого Другой оказывается не периферийным элементом социального познания, а его «ядром». Другой является пространством, в котором Я способно активизировать свои потенции. Без инаковости Другого представляется невозможным выработать представления о «своем»; Другой определяет не только наше существование в целом, но и пространство и время нашего существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. – М., 2001. – С. 83–246.
2. *McVicker, Jeanette.* The Life Writing of Otherness: Woolf, Baldwin, Kingston and Winterson (Book) // *An Interdisciplinary Quarterly.* Summer 2004. Vol. 27. Issue 3. – P. 636.
3. *Шерозия А.Е.* Психика, сознание, бессознательное: к общей теории психологии. – Тбилиси, 1979. – С. 82.
4. *Новейший философский словарь.* – 3-е изд., испр. – Мн., 2003. – С. 343.
5. *Турнье М.* Пятница, или Тихоокеанский лимб. – СПб., 1999. – С. 285.
6. *Делез Ж.* Мишель Турнье и мир без другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. – СПб., 1999. – С. 287.
7. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999. – С. 316.
8. *Жижек С.* Война в Ираке: В чем заключается подлинная опасность? // *Логос*, № 1 (36). – М., 2003. – С. 162.
9. *Тлостанова М.В.* Направления и тенденции в современном литературоведении и литературной критике // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: РЖ / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. наук. – Информ. исслед. Отд. литературоведения.* – М., 2002, № 3. – С. 38.
10. *Западное литературоведение XX века:* Энциклопедия. – М., 2004. – С. 266.
11. *Тлостанова М.В.* Нюансировка инаковости в постмодернистских эссемах // *Личность. Культура. Общество.* – М., 2003. – Т. V. – Вып. 3–4 (17–18). – С. 123.

S U M M A R Y

The article deals with the problem of otherness in terms of poststructuralism. Having singled out some theories of the Other in the paradigm of poststructuralism the author investigates the problem of otherness as applied to multiculturalism.

Поступила в редакцию 27.12.2005



Л.А. Моторова, Н.С. Моторова

Медицинское обслуживание и здравоохранение населения Витебской губернии (1903–1914 гг.)

В начале XX в. произошли качественные изменения в развитии системы здравоохранения и медицинского обслуживания населения белорусских губерний. Это было связано с созданием в 1903 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях Управлений по делам земского хозяйства, которым были переданы все медицинские учреждения Приказа общественного призрения и сельской медицины. Для жителей было введено бесплатное медицинское обслуживание. Количество сельских врачебных участков в Витебской губернии возросло в 2,5 раза. В каждом уезде в дополнение к двум ранее существовавшим участкам был создан третий участок с амбулаторным пунктом. К 1910 г. количество сельских врачебных участков в регионе выросло до четырех на уезд, а в Лепельском уезде – до пяти [1].

Но в результате данных преобразований остались лишь единичные медицинские учреждения для обслуживания городского населения, так как земства требовали от городских управ плату за больных, лечившихся в земских больницах. Они закрывали медицинские учреждения, в которых получали помощь преимущественно городские жители (инфекционные отделения, амбулатории при губернских больницах и пр.). Чтобы найти выход из создавшегося положения, в Витебске в 1908 г. городская дума начала субсидировать амбулатории при губернской земской и еврейской больницах для оказания бесплатной медицинской помощи городским жителям. С 1908 г. за счет средств городского бюджета были организованы дежурства врачей, стала оказываться медицинская помощь бедным больным на дому. В 1911 г. открылась больница для больных инфекционными заболеваниями на 30 кроватей. Также в городе действовала одна самостоятельная амбулатория Общества пособия бедным. Стационарная медицинская помощь жителям города оказывалась губернской и еврейской больницами за плату [2].

Все вышеперечисленные мероприятия привели к расширению сети медицинских учреждений. Так, согласно отчету «О положении медицинского дела в Витебской губернии за 1906 год», в это время в губернии уже функционировало 10 стационарных лечебных заведений (Губернская земская больница в Витебске, 9 городских больниц в следующих уездных центрах: Велиже, Двинске, Дриссе, Лепеле, Люцине, Невеле, Полоцке, Режице и Себеже), из которых 7 имели свои отделения в сельской местности. Кроме того, население региона обслуживали 22 сельские лечебницы (по 2 в каждом из уездов), 28 фельдшерских пунктов (по 1 в Витебском и Себежском уездах; по 2 в Велижском, Городокском, Дриссенском, Полоцком; по 3 в Люцинском и Невельском; по 4 в Двинском, Лепельском и Режицком), 29 участковых лечебниц

(по 2 в Витебском, Городокском, Двинском и Режицком уездах; по 3 в Велижском, Дриссенском, Лепельском, Люцинском, Невельском, Полоцком и Себежском), 41 «приемный покой» [3].

После вступления в силу «Положения о земских учреждениях в западных губерниях» от 14 марта 1911 г. развитие системы медицинского обслуживания населения по сравнению с «полуземским» периодом несколько ускорилось. Увеличился объем денежных средств, отпускаемых земствами на строительство новых медицинских учреждений, увеличилось количество медицинского персонала, стали ставиться вопросы о коренной реорганизации всей системы здравоохранения. Кроме того, расширилась сеть медицинских учреждений, была перестроена организация участковых, уездных и губернских больниц, выросло число врачебных участков. Благодаря увеличению числа врачебных участков территория, которую обслуживал один участок, сократилась в Витебской губернии с 1760 (1903 г.) до 678 квадратных верст (1913 г.), а радиус действия — с 17,0 до 14,7 версты соответственно [2, с. 132–134].

Расширение сети медицинских учреждений на территории Витебской губернии сопровождалось увеличением расходов на эту сферу социального обслуживания. В 1906 г. расходы на медицинское обслуживание населения губернии составили 221183 руб. 34 коп. В разрезе уездов эта сумма была распределена следующим образом: Невельский — 26401 руб. 82 коп.; Двинский — 25575 руб. 66 коп.; Режицкий — 25514 руб. 80 коп.; Лепельский — 23566 руб. 48 коп.; Люцинский — 20322 руб. 82 коп.; Велижский — 19861 руб. 22 коп.; Полоцкий — 18907 руб. 86 коп.; Дриссенский — 18345 руб. 48 коп.; Себежский — 17177 руб. 89 коп.; Городокский — 13563 руб. 92 коп.; Витебский — 11945 руб. 39 коп. Кроме того, 11800 рублей было затрачено на содержание Губернской земской больницы в Витебске. Средний расход денежных средств по медицинскому обслуживанию одного человека в губернии составлял 15 руб. 24 коп. В то же время средние расходы на содержание одного амбулаторного больного в год составляли 38 руб. 38 коп. [3, с. 21–23]. В 1912 г. расходная часть бюджета Витебской губернии составила 706825 рублей за год (в 1911 г. — 646825 рублей). 140456 рублей из указанной суммы было направлено на медицинское обслуживание населения (в 1911 г. — 116668 руб.). Эти финансовые средства распределялись следующим образом: 83722 руб. — на содержание Губернской земской больницы, 15271 руб. — расходы по предупреждению и прекращению эпидемий, 7195 руб. — на мероприятия, направленные на улучшение санитарных условий и правильную постановку медицинского дела и т.д. [4].

Начиная с 1903 г., когда было введено бесплатное обслуживание больных, поток обращений в медицинские учреждения начал постоянно расти. В определенной степени этому способствовали и достигнутые успехи российской и мировой медицины, новые открытия и изобретения, которые довольно быстро внедрялись в практическую деятельность медиков. В медицинских учреждениях появились такие новинки, как офтальмо-, цисто-, эзофаго-, бронхоскопы, маточные зеркала, рентгеновский аппарат и пр. В это же время возросло число научных врачебных обществ и активизировалась их деятельность по введению в практику работы врачей новейших медицинских разработок, улучшению качества медицинского обслуживания.

В течение 1906 г. медицинской помощью воспользовались 603914 жителей Витебской губернии, из них: 9371 чел. прошел лечение в условиях стационара, а 594543 больных — амбулаторно. За данный период времени было принято 2228 родов, в то время как за предыдущий, 1905 год, — 1344 [3, с. 15].

За 1909–1911 гг. в течение каждого месяца медицинской помощью в стационарных условиях воспользовалось в среднем 2000 человек, тогда как ле-

чебные учреждения были рассчитаны примерно на 618 мест. Смертность в больницах и лечебницах составляла в среднем 58 человек в месяц, или чуть менее 3%. Для медицинских работников Витебской губернии наиболее актуальной оставалась по-прежнему борьба со вспышками инфекционных заболеваний. Так, в течение 1909–1911 гг. каждый месяц регистрировалось в среднем 1912 случаев инфекционных заболеваний (таких, как оспа, корь, скарлатина, грипп, брюшной и сыпной тиф, холера). Наиболее часто летальным исходом завершались следующие заболевания: скарлатина, туберкулез легких, порок сердца, отек легких, инсульт («кровоизлияние в мозг»), брюшной и сыпной тиф, оспа, инфаркт («паралич сердца»), гнойный плеврит, сифилис. За месяц делалось в среднем 1054 хирургические операции амбулаторно и 200 – стационарно. Наиболее часто в стационарных условиях проводились полостные, глазные, акушерские, гинекологические операции, а также ампутации и удаление новообразований. За месяц принималось в среднем 238 родов, делалось 68535 посещений и 50258 приемов врачами, фельдшерами и акушерками [5].

В 1914 г. только в Витебской Губернской земской больнице ежемесячно в пяти отделениях стационара (хирургическом, терапевтическом, венерическом, «разном» (или инфекционном), родильном) проходили лечение 230–240 человек [6]. В то же время в больницах и лечебницах Витебской губернии ежемесячно производилось в среднем по 270 операций в стационарных условиях [6, с. 28].

Следует отметить, что официальные документы того времени, констатируя достигнутые успехи по развитию медицинского обслуживания и системы здравоохранения населения России вообще и Витебской губернии в частности, указывали и на нерешенные проблемы, недостатки в этой сфере. В качестве примеров можно привести выдержки из отчетов о состоянии системы здравоохранения и санитарного дела витебского губернатора Николаю II. «... Существенный недостаток медицинской части прежнего управления хозяйством заключался в ограниченности врачебного персонала, недостаточности сельских лечебниц..., а также в скудном вознаграждении медицинских чинов за их тяжелый и почти непосильный труд, часто совершенно недостаточном для самого скромного существования» [7]. «Особое внимание обращает на себя крайне неудовлетворительное санитарное состояние городов, а между тем городские управления не проявили ровно никаких забот к улучшению этой важной для здоровья жителей части...» [7, с. 245]. В результате давалась объективная, истинная картина реального положения дел в области медицинского обслуживания и здравоохранения населения. «Несмотря, однако, на наблюдаемое таким образом некоторое улучшение общего состояния народного здоровья, Россия в этом отношении все еще остается позади большинства государств Западной Европы...» [8].

Для Витебской губернии, как и для всего Северо-Западного края, была весьма актуальной проблема подготовки медицинского персонала. В регионе работали врачи, закончившие Московский, Харьковский, Киевский, Тартуский (Дерптский), Казанский, Варшавский университеты, Петербургскую медико-хирургическую академию, а также некоторые зарубежные учебные заведения. Тем не менее, на местах зачастую ощущалась нехватка достаточного количества профессиональных медицинских кадров с высшим образованием [1, с. 166]. В то же время проблема подготовки среднего медицинского персонала была частично разрешена. Так, акушеров готовили в Могилеве в Центральной повивальной школе для Могилевской, Минской и Витебской губерний, а фельдшеров – в Центральной фельдшерской школе для Могилевской, Минской и Витебской губерний на сто человек, которая также располагалась в Могилеве. В 1913 г. эти средние медицинские заведения были объединены в одну Центральную фельдшерско-акушерскую школу [9]. В самом Витебске

специальное среднее медицинское учебное заведение появилось лишь в 1906 г. – это была частная фельдшерско-акушерская школа [2, с. 273].

Таким образом, к началу XX в. прогресс в области медицинского обслуживания и здравоохранения населения Витебской губернии стал очевидным. Позитивные изменения в этой сфере явились результатом самоотверженного труда земских врачей губернии, а также усилий со стороны гражданских властей региона. Достаточно широкий охват медицинским обслуживанием всех категорий и слоев населения губернии позитивно сказался и на улучшении общей демографической ситуации, и на темпах роста численности губернского населения в пореформенный период. Вследствие этого относительно низкими были показатели детской смертности и смертности от инфекционных болезней. Отсутствовали и факты вспышек массовых эпидемий различных болезней с большим количеством летальных исходов. Убедительным косвенным подтверждением значительных успехов, достигнутых в сфере медицинского обслуживания и здравоохранения населения Витебской губернии, является тот факт, что всего за 16 лет после проведения Первой Всероссийской переписи населения оно увеличилось с 1 миллиона 489 тысяч человек [10] до 1 миллиона 953 тысяч, или почти на одну треть [8, с. 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гісторыя Беларусі*: у 6 т. – Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / *М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч і інш.*; Рэд. кал.: *М. Касцюк* (гал. рэд) і інш. – Мн., 2005. – С. 374.
2. *Крючок Г.Р.* Очерки истории медицины Белоруссии. – Мн., 1976. – С. 141.
3. *О положении медицинского дела в Витебской губернии за 1906 год.* – Витебск, 1906. – С. 67.
4. *Сметы и раскладки Витебского Губернского земства на 1912 г.* – Витебск, 1912. – С. 33–34.
5. Подсчитано по: *Сведения о деятельности врачебно-медицинского персонала и о движении заразных заболеваний по Витебской губернии.* 1909, № 1–12; 1910, № 1–12; 1911, № 1–4, 6–8.
6. *Врачебно-санитарная хроника Витебской губернии*, 1914, № 6–7. – С. 25.
7. *Документы и материалы по истории Белоруссии*: в 3 томах. – Т. 3 (1900–1917 гг.) / Под ред. *В.Н. Перцева и др.* – Мн., 1953. – С. 245–246.
8. *Россия. 1913 год*: Статистико-документальный справочник / Ред.-сост. *А.М. Анфилов, А.П. Корелин.* – СПб., 1995. – С. 321.
9. *Поджаров Г.В.* Зарождение и развитие среднего медицинского образования в Белоруссии (К истории Могилевского медицинского училища) // Вопросы истории медицины и здравоохранения: Материалы третьей научной историко-медицинской конференции Белорусской ССР. Ред. кол.: *Г.Р. Крючок* (отв. ред.) и др. – Мн., 1968. – С. 93–94.
10. *Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года.* V. Витебская губерния. Тетрадь 3. – СПб., 1903. – С. 2.

S U M M A R Y

The basic lines in organization of medical service and health care in Vitebsk province in 1903–1914 are characterized. The data on the number of medical institutions, birth- and death-rate in them, and the most widely spread diseases among the population of the region are provided. Besides, the level of training and proficiency of medical personnel in Vitebsk province is described.

Поступила в редакцию 22.03.2006

Д.С. Лавринович

Деятельность Конституционно-демократической партии в Витебской губернии (1905–1917 гг.)

Кадетская партия играла значительную роль в общественно-политической жизни России начала XX в. Активно действовали конституционные демократы и на территории Беларуси, но в отечественной историографии им уделено мало внимания. Задачей статьи является исследование, на примере Витебской губернии, процесса формирования местных отделов Конституционно-демократической партии (КДП), их структуры и численности, социального и национального состава, особенностей идеологии и тактики, взаимосвязей с центральными партийными органами, издательской деятельности, участия в выборах I–IV Государственных дум.

Кадетская партия организационно оформилась осенью 1905 г., причем в одном из самых первых заседаний ее ЦК 14 ноября принимал участие и представитель Витебской губернии – С. Лопацинский (1851–1933) [1]. Он был дворянином Дриссенского уезда, сыном участника восстания 1863 г. По окончании Варшавского университета Лопацинский работал адвокатом в Санкт-Петербурге, Бердичеве и Киеве, сблизился с русскими либералами. После смерти отца успешно занимался хозяйством, стал видным общественным деятелем на родной Витебщине: являлся земским гласным, руководил местными обществами сельского хозяйства и взаимного кредита [2]. В феврале 1906 г. он, однако, отходит от КДП, переключившись на Конституционно-католическую партию Литвы и Беларуси, созданную виленским архиепископом Э. фон Роппом [2]. Уход Лопацинского замедлил процесс образования местных организаций кадетов.

В Витебске отдел кадетской партии начал формироваться в самом конце 1905 г. Об этом свидетельствует письмо некоего В.Г. Бетениба к неизвестному адресату от 11 декабря того же года. В письме сообщалось о желании создать витебский отдел КДП и ставился ряд вопросов организационного характера: каковы права и обязанности местных комитетов, на каких условиях можно приобрести партийную литературу и т.п. Бетениб просил прислать также устав партии и правила приема новых членов [3].

Неизвестно, получил ли он ответ, но прошло еще полтора месяца, прежде чем в целях объединения местных сторонников Конституционно-демократической партии начала выходить ежедневная газета «Витебская жизнь». Ее издателем являлся присяжный поверенный Ф.Ю. Држевинский, а редактором – общественный раввин Г.Я. Брук. Помощь газете обещали оказывать видные российские кадеты: П.Н. Милюков, М.М. Винавер, П.Б. Струве и И.В. Гессен. Политическая платформа издания была напечатана в первом номере, вышедшем 1 февраля 1906 г., и фактически полностью совпала с основными программными положениями КДП: «Имея в виду предстоящее обновление всего нашего государственного строя, "Витебская жизнь" будет защищать, и отстаивать всеми средствами независимого органа печати гражданские и политические свободы, равенство всех перед законом, всеобщее, равное, прямое и

тайное избирательное право для народных представителей, широкое местное самоуправление, реорганизованное на демократических началах». В конце программы делался своеобразный реверанс в пользу народа: содержалось обещание «всемерно отстаивать интересы трудящихся масс» [4].

Резкие, направленные против политики правительства, публикации в «Витебской жизни» способствовали росту ее популярности. С другой стороны, антиправительственные выпады настроили против газеты местную администрацию. В итоге «Витебская жизнь» просуществовала всего месяц, успело выйти лишь 22 номера. За это время отдел КДП так и не смог сформироваться. В последней передовой статье от 28 февраля 1906 г. редактор газеты констатировал: «Нет у нас теперь организованных партий [леволиберальных. – Д.Л.], а имеются лишь отдельные лица, которые придерживаются той или другой программы» [5]. В конце статьи Г.Я. Брук поставил перед витебскими конституционными демократами задачу: успеть организовать до выборов в I Государственную думу.

Но только в апреле 1906 г. процесс создания отдела кадетской партии в Витебске, наконец, завершился. В него вошло около 100 человек, председателем был избран Г.Я. Брук [3, л. 20]. Заметную роль в отделе играл бывший витебский городской голова А.О. Волкович.

Помимо Витебска организации Конституционно-демократической партии оформились в Невеле и Дрисе. Их численный состав неизвестен, но по сведениям губернского жандармского управления действительные члены КДП имелись почти во всех уездных городах [3, ф. 102, оп. 236, д. 828, ч. 1, л. 1 об.]. Новым печатным органом конституционных демократов стала газета «Витебский голос» [3, ф. 102, оп. 236, д. 828, ч. 1, л. 3].

Наибольшей поддержкой кадеты пользовались в городах. Так, витебский губернатор признавался Департаменту полиции МВД в 1906 г.: «Кадетская партия теперь самая сильная из городских» [3, ф. 102, оп. 236, д. 828, ч. 1, л. 1 об.]. Ее социальную основу составляли предприниматели, особенно евреи, и представители интеллигенции. В частности, губернатор не преминул отметить в сообщении Департаменту полиции: «Евреи почти все левые: или бундисты или члены партии "Народной свободы". Заодно с ними идет и значительная часть христианской городской интеллигенции» [3, ф. 102, оп. 236, д. 828, ч. 1, л. 1]. Много было среди конституционных демократов и чиновников. По данным губернского жандармского управления в Витебске к КДП принадлежали ветеринарный инспектор Пушкарев, акцизный чиновник Марциновский, нотариус Самоквасов, инженер Риго-Орловской железной дороги Смольянинов. В Невеле среди кадетов числились городской врач Юдин, акцизные чиновники Еланский, Иванов, Боричевский, Шляков, Лищинский, Поставец, инспектор народных училищ Никифоровский и кассир на железной дороге Чарторийский. В Дрисе к партии кадетов из государственных служащих примыкали казенный раввин Шпиомензон, уездный врач Микулинский и декан Рожан [3, ф. 102, оп. 236, д. 828, ч. 1, л. 1 об.].

На первых порах поддерживало Конституционно-демократическую партию католическое духовенство. На заседании ЦК 14 ноября 1905 г. С. Лопацинский особо отметил, что ксендзы «имеют огромное влияние на крестьян и присоединяются к нашей партии» [1, с. 41].

Вступали в КДП и представители местного дворянства, но, по словам губернатора, они примыкали к крайне правому ее крылу [3, ф. 102, оп. 236, д. 828, ч. 1, л. 1]. Многие же дворяне, особенно из числа поляков, вообще отрицательно относились к деятельности кадетов, в частности, из-за их аграрной программы, допуская принудительное отчуждение помещичьей земельной собственности в пользу крестьянства.

Между тем, привлечение крестьян на свою сторону было очень важным для кадетов, стремившихся стать массовой партией. С. Лопацинский, вопреки солидарности с представителями своего класса, говорил ЦК: «Население примкнет к нам, если программа будет более определенно выражена в смысле возможности прирезок [земли крестьянам. – Д.Л.]». Более того, он выдвинул идею переименования КДП в «народническую партию», но его предложение не прошло [1, с. 41].

Отстаивая свой земельный проект, кадеты критиковали деятельность правительства в аграрной сфере. Например, «Витебская жизнь» 10 февраля 1906 г. обрушилась с резкими нападками на Крестьянский банк, покупавший землю у помещиков по завышенным ценам с целью перепродажи ее крестьянам. «Из мужика, которого вдоволь землей не наделили при освобождении, бюрократия сделала главный доход», – к такому выводу подводила читателей газета [6]. Она указывала, что царское правительство для крестьян ничего полезного сделать не может, оно способно только на проведение репрессий. Редакция пыталась убедить крестьян в необходимости передачи власти в руки либералов: «Создается тяжелое положение, предотвратить которое может не власть, сильная оружием и нагайкой, а власть, которая, выйдя из народа, найдет к себе доверие в крестьянском населении» [7].

Кадеты предпринимали и конкретные шаги по организации пропаганды среди крестьян, начав налаживать связи с сельским населением. В январе 1906 г. в ЦК КДП обратился бывший полицейский урядник М.И. Жигунов, житель п. Савино Велижского уезда Витебской губернии, выразивший желание вступить в ряды партии и вести пропагандистскую работу среди крестьянства [3, л. 7–7 об.]. Невельские конституционные демократы агитировали крестьян-выборщиков в Государственную думу [3, л. 18]. В Себежском уезде значительную работу по привлечению новых членов в кадетскую партию провел крестьянин С.Д. Зенченко [3, л. 11–11 об.].

Пропагандистская работа кадетов принесла свои результаты в период избирательной кампании в I Государственную думу. Особый успех им сопутствовал в Витебске, где они получили свыше 4 тысяч голосов выборщиков, в то время как их соперники – октябристы набрали всего лишь тысячу голосов [3, ф. 102, оп. 236, д. 828, ч. 1, л. 2]. Всего от Витебской губернии в Думу было избрано 3 конституционных демократа: Г.Я. Брук, А.О. Волкович и крестьянин Е.П. Филиппов [3, л. 22]. Однако первый созыв народных представителей проработал всего 72 дня и был распущен Николаем II. В знак протеста против действий царя Г.Я. Брук и А.О. Волкович совместно с другими депутатами левых фракций подписали Выборгское воззвание [3, ф. 102, оп. 236, д. 828, ч. 1, л. 1 об.].

Выборы во II Государственную думу проходили в обстановке правительственных репрессий, под сильным давлением со стороны местных властей, стремившихся провести правых кандидатов. Витебские конституционные демократы были вынуждены перейти на полулегальное положение. Губернатор сообщал Департаменту полиции 20 октября 1906 г.: «Открыто действующих комитетов [КДП. – Д.Л.] нет, но агитация ведется более видными членами партии». Благодаря этому, по его мнению, при новых выборах голоса могли распределиться «почти также, как и во время первой избирательной кампании» [3, ф. 102, оп. 236, д. 828, ч. 1, л. 1 об.–2]. Чтобы не допустить такого исхода голосования, губернатор совместно с полицией направил свои усилия на нейтрализацию наиболее выдающихся членов кадетской партии.

7–8 ноября 1906 г. судебный следователь по особо важным делам провел допрос Г.Я. Брука и А.О. Волковича по делу о Выборгском воззвании. Им было предъявлено два обвинения: 1) в подписании воззвания, 2) в его распро-

странении. Первое обвинение они приняли, а от прямого ответа на второе уклонились [6, с. 2]. Оба бывших депутата были привлечены к судебной ответственности, а А.О. Волкович впоследствии даже отбыл тюремное заключение [3, ф. 102, оп. 238, д. 47, л. 43 об.].

Из-за противодействия властей во II Государственную думу прошел только 1 представитель КДП от Витебской губернии – землевладелец Э.А. Казарич [8].

После окончания первой российской революции положение кадетов еще более ухудшилось. Численность их значительно сократилась, связи с ЦК ослабли, деятельность отделов проявлялась лишь в период избирательных кампаний в III и IV Государственные думы. Но в них представители Конституционно-демократической партии попасть не смогли. В 1913 г. известный деятель кадетской партии А.И. Шингарев, посетивший Витебск, доложил на заседании ЦК о положении дел в городе: «...настроение благоприятное, но группы нет». Докладчик предложил ЦК возобновить связи с Г.Я. Бруком и А.О. Волковичем [9]. Видимо, это было сделано, т.к. в марте 1914 г. в работе общероссийской конференции КДП впервые за много лет принимал участие и делегат из Витебска [10]. Кто он был, к сожалению, неизвестно.

Предпринимала попытки оживить оппозиционную деятельность на местах и всероссийская масонская политическая организация – «Великий Восток народов России». В 1915 г. депутатом IV Государственной думы кадетом А.М. Колюбакиным была создана масонская ложа в Витебске. Одними из первых ее членов стали Г.Я. Брук, А.О. Волкович и еще один витебский конституционный демократ В.В. Федорович [11]. Политическое масонство являлось мощным фактором в борьбе за власть накануне и во время второй российской революции.

После свержения царизма условия функционирования кадетской партии кардинально изменились: из полулегальной она превратилась в правительственную. Так, А.О. Волкович в марте 1917 г. был избран витебским губернским комиссаром и оставался на этом посту до ноября того же года [12]. В состав новой администрации вошли и другие конституционные демократы.

В мае 1917 г. официально возобновил деятельность витебский отдел КДП, о чем его председатель, некто Теодорович, протелеграфировал лидеру кадетов П.Н. Милюкову [3, ф. 579, оп. 1, д. 1063, л. 1]. В июне тот сам побывал в Витебске и некоторых уездных городах, выступив с разъяснением новых программных положений партии [13]. Это способствовало поднятию ее престижа.

В июле 1917 г. комитет витебского отдела Конституционно-демократической партии состоял из 28 человек, председателем его, как и до революции, являлся Г.Я. Брук, затем его сменил М.Г. Цитович [12, с. 68; 13, с. 5]. Кроме Витебска кадетские организации действовали в Городокском и Невельском уездах, объединяя соответственно около 200 и 600 человек, с. Алексеево Витебского уезда и м. Прель Двинского уезда [13, с. 4]. 3 июля в Витебске состоялся кадетский съезд, избравший временный губернский комитет [12, с. 68].

Социальную основу КДП в 1917 г. составляли представители состоятельных городских слоев: гласные земских и городских органов самоуправления, чиновники, офицеры, представители «цензовой» интеллигенции и другие. В сельской местности опорой кадетской партии были помещики. Как и в годы первой российской революции, кадеты пытались привлечь в свои ряды крестьянство. Особенно активно их агитаторы из числа учителей и священников действовали в Городокском уезде: из 21 волости в 6 крестьяне склонялись в пользу КДП [13, с. 5]. В основном за кадетами шли хуторяне. Осенью 1917 г. в целом наблюдалась тенденция к расширению социальной базы и численности Конституционно-демократической партии в белорусских губерниях [12, с. 69]. В витебской организации постепенно на первые роли выходят представители

офицерства, в частности, в октябре председателем отдела уже значился поручик С. Вейс [13, с. 6].

Дальнейшему развитию деятельности кадетов помешал приход к власти большевиков, официально запретивших существование КДП. К концу 1917 г. организации конституционных демократов на территории Витебской губернии распадаются.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: во-первых, отделы кадетской партии на Витебщине сформировались довольно поздно, во время выборов в I Государственную думу; во-вторых, созданию отдела КДП в Витебске предшествовало издание газеты «Витебская жизнь», которая сыграла роль идейного центра для местных либералов; в-третьих, кадетов было не много, но они пользовались поддержкой общества, в т.ч. крестьянства, что позволило им завоевать места в I и II Думах; в-четвертых, благодаря членству в партии значительного числа государственных служащих и деятельности политического масонства удалось сохранить основу витебского отдела в межреволюционный период; в-пятых, во время революции 1917 г. структура и деятельность Конституционно-демократической партии в Витебской губернии была не только восстановлена, но и расширилась, но ее развитию помешали репрессивные меры советского правительства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии*. 1905 – середина 1930-х гг.: в 6 т. – М., 1994–1997. – Т. 1. Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. – М., 1994. – С. 41.
2. *Brzoza C., Stepan K.* Posłowie polscy w parlamencie Rosyjskim 1906–1917. Słownik biograficzny. – Warszawa, 2001. – S. 123.
3. *Государственный архив Российской Федерации* (ГАРФ). Ф. 523, оп. 1, д. 176, л. 5.
4. *Витебская жизнь*, 1.02.1906, № 1. – С. 1.
5. *Витебск, 28 февраля* // *Витебская жизнь*, 28.02.1906, № 22. – С. 1.
6. *Наши корреспонденты* // *Свободное слово*, 16.11.1906, № 145. – С. 1.
7. *Дин. Витебск, 10 февраля* // *Витебская жизнь*, 5.02.1906, № 4. – С. 2.
8. *Забайскі М.М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.). – Мн., 1999. – С. 172.
9. *Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии*. 1905 – середина 1930-х гг.: в 6 т. – М., 1994–1997. – Т. 2. Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1912–1914 гг. – М., 1997. – С. 223.
10. *Съезды и конференции конституционно-демократической партии*: в 3 ч. – М., 1996–2000. – Т. 2. 1908–1914 гг. – С. 503.
11. *Вольныя муляры ў беларускай гісторыі*. Канец XVIII – пачатак XX ст. – Вільня, 2005. – С. 170.
12. *Сяменчык М.Я.* Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.): у 2 ч. – Мн., 2001. – Ч. 1. – С. 118.
13. *Шардыка І.* Да пытання аб колькасным і сацыяльным складзе кадэцкай партыі на Беларусі ў 1917 г. // *Веснік БДУ*, серыя 3, 1992, № 3. – С. 4.

S U M M A R Y

The article analyses the process of forming the departments of Constitutional-democratic party in Vitebsk province, their structure and numbers, social and national composition, peculiarities of ideology and tactics, cooperation with the central bodies, publishing activity, participation in the elections to the I – IV State Dumas.

Поступила в редакцию 28.04.2006

С.А. Елизаров

Районы в системе административно-территориального деления Белорусской ССР в 1930–1941 гг.*

Советское партийно-государственное руководство рассматривало административно-территориальное устройство главным образом в качестве одного из главных средств реализации конкретных стратегических и тактических целей. Сила этого средства определялась многочисленностью, разветвленностью и повсеместностью административно-территориальных органов управления и возможностью относительно быстрой перестройки (полной или частичной) административно-территориального устройства.

В Советской Беларуси, как и в других республиках СССР, процессы изменения в административно-территориальном делении проходили практически постоянно. При этом изменения эти были напрямую связаны с корректировкой властных приоритетов («нэповский» период, период «форсированного строительства социализма», хрущевская «оттепель», брежневская «стабильность»).

Решающим в системе административно-территориального деления всегда считалось районное звено, которое наиболее часто подвергалось разнообразным преобразованиям. Деление Советской Беларуси на районы как административно-территориальные единицы среднего порядка было осуществлено в 1924 г., в период проведения крупномасштабной реформы по замене дореволюционной системы «губерния-уезд-волость» на новую систему «округ-район-сельсовет». Первоначально на территории БССР было образовано 100 районов (распределенных по 10 округам), а в 1927 г. в результате частичного пересмотра республиканского административно-территориального деления количества районов сократилось на 17.

Формирование нового административно-территориального деления БССР проходило в условиях нэпа, в целом отвечало ее потребностям и основывалось на принципах экономического районирования с выделением объективно сложившихся экономических территориальных общностей и перехода от собственно административно-политического деления к делению административно-хозяйственному, совмещавшему экономическое и административное районирование. При таком подходе район рассматривался в качестве территориальной единицы советского управления с местным хозяйственным центром – торгово-промышленным поселением.

С конца 1920-х гг. на смену нэпу пришла иная стратегическая линия – линия на форсированное строительство социализма с усилением роли государственного централизованного управления обобществленным народным хозяйством. В связи с этим менялась и сущность работы государственных органов – централизованное планирование и всеобщий контроль выполнения планов становился основным методом государственного управления. Это, в свою очередь, привело к реконструкции системы административного деления как одного из средств решения новой политической задачи.

* Исторический аспект.

Решающим толчком к пересмотру сложившегося в 1920-е гг. административно-территориального деления стал курс на массовую форсированную коллективизацию сельского хозяйства. Первые месяцы ее осуществления выявили недостатки в работе районных и сельсоветовских структур, очевидной для партийно-советского руководства стала необходимость упрощения системы управления и прямого подчинения центру (минуя округа) местных органов власти (прежде всего районов как «узловых пунктов осуществления директив партии и Советской власти»), укрепления низового партийно-советского аппарата работниками, способными наиболее эффективно проводить партийную линию в деревне. В связи с этим в БССР (как и в целом по СССР) в 1930 г. с целью «максимального приближения партийного, советского, хозяйственно-кооперативного и профсоюзного аппарата к району и деревне» были ликвидированы округа, а районы перешли в непосредственное подчинение республиканским органам власти [1].

Постановлением ЦИК и СНК СССР «О ликвидации округов» райисполкомам передавались права и обязанности окрисполкомов, а также их «материальные средства и культурные силы» для того, чтобы сделать из них «крепкие и близкие к населению органы власти по руководству всей политической, хозяйственной и социально-культурной жизни районов». Это сопровождалось своеобразным «переделом» собственности в пользу центральных органов – в ведение райисполкомов передавались только предприятия местного значения, а все более-менее крупные предприятия закреплялись «за краевыми (областными) исполнительными комитетами и центральными органами союзных республик» [1, с. 74]. В результате районы, даже в условиях быстрого промышленного развития республики и географического расширения промышленных зон за пределы крупных городов, так и не стали реальными полноправными субъектами экономической деятельности, не превратились в целостные административно-хозяйственные единицы. Наоборот, они еще в большей степени, чем прежде, стали ориентироваться на преимущественное выполнение административных функций.

Ликвидация округов проводилась без изменения границ районов, хотя несовершенство существовавшей районной сетки с точки зрения основного принципа 1920-х гг. – совмещения экономического и административно-территориального деления – было очевидно еще в 1929 г. В мае 1929 г. правительство БССР приняло постановление «Аб арганізацыі работы па вывучэнні справы эканамічнага раянавання БССР», которым были утверждены принципы дробного сельскохозяйственного районирования для «выпрацоўкі навуковага раённага падзелу тэрыторыі» Советской Беларуси [2]. Со временем начинает преобладать точка зрения, что это районирование должно иметь более широкую, чем только сельскохозяйственную, основу, учитывать и перспективы развития промышленности для образования районов как агроиндустриальных производственных единиц с выделением в них производственных центров.

В декабре 1930 г. 3-я сессия ЦИК БССР IX созыва поставила вопрос о реорганизации районного деления республики. В письме в ЦК ВКП(б) ЦК КП(б)Б необходимость этого шага объясняло следующим образом: «Размещение промышленных предприятий, обобществление и производственная специализация сельского хозяйства требуют соответствующего корректирования существующих административных границ с целью максимального приближения последних к выявившимся и намечаемым производственным районам, представляющим собой определенный промышленный и сельскохозяйственный комплекс» [2, ф. 4, оп. 21, д. 271, л. 213].

Основными целями реформы в 1931 г. были определены: создание производственно-административных районов при единстве их производственного

направления; приближение центрального аппарата к районам и усиление районного и сельсоветовского аппарата; создание более мощных районов как хозяйственных единиц; усиление плановой работы [2, ф. 4, оп. 21, д. 271, л. 209]. По сути, это свидетельствовало о сохранении ориентации на дальнейшую реализацию «нзповского» принципа совмещения экономического и административного районирования. Однако такой подход уже не отвечал новым реалиям, и на практике задуманная широкомасштабная перестройка районного звена свелась к ликвидации 23 наиболее слабых районов [1, с. 76–80].

По площади 5 из 23 ликвидированных районов занимали территорию в 2 раза меньшую, чем среднестатистический район республики, 13 районов – от 60 до 75%, и только 2 района (Кохановский и Гресский) примерно соответствовали среднереспубликанской районной территории. По количеству населения 3 района имели жителей в 2 раза меньше, чем в среднестатистическом районе БССР, а в 13 районах проживало от 50 до 75% от среднестатистического показателя. Из 23 ликвидированных районов только в 12 имелись цензовые промышленные предприятия, да и те были представлены в лучшем случае 1–2 винокурными заводами, в редких случаях – лесопильными и льнозаводами. Во всех 23 районах расходы превышали доходы на протяжении многих годов существования.

Таким образом, под ликвидацию попали районы, отвечавшие следующим критериям: – тыловые (непограничные), малые по территории и населению, постоянно дефицитные, имевшие низкий уровень промышленного развития при отсутствии перспектив промышленного строительства. Все попавшие под эти критерии районы республики (за исключением Буда-Кошелевского и Комаринского) были в 1931 г. ликвидированы. Идея производственного районирования, заявленная как основная, в 1931 г. так выполнена и не была.

В начале 1930-х гг. еще продолжалась линия на создание в республике национальных административно-территориальных единиц. Постановлением ЦИК БССР от 15 марта 1932 г. в республике был создан первый (и единственный) национальный район – Койдановский район был преобразован в Койдановский национальный польский район в составе 16 сельсоветов (из них 10 – польские национальные) и Койдановского местечкового совета [3]. Летом 1932 г. Койданово был переименован в Дзержинск, соответственно и район получил название «Дзержинский».

После ликвидации окружного звена (1930 г.) и укрупнения ряда районов (1931 г.) достаточно очевидной стали излишне большие размеры административных районов, которые в условиях ужесточения централизованного руководства оказались трудноуправляемыми. Дробление административных районов диктовалось необходимостью «усиления конкретного управления» процессами массовой коллективизации на этапе ее завершения, когда основной партийной задачей было определено организационное укрепление уже созданной колхозно-совхозной системы. Ноябрьский (1934 г.) Пленум ЦК ВКП(б) в целях «завершения, начатого еще при ликвидации округов, районирования и полного приближения органов управления к селу», дал указание преобразовать политотделы МТС в обычные партийные райкомы, а «особенно большие районы разбить на несколько новых районов». Перед обкомами, крайкомами и ЦК компартий союзных республик ставилась задача представить в ЦК ВКП(б) к 1–15 января предложения об организации новых районов.

Пленум ЦК КП(б)Б на заседании 9 декабря 1934 г. в резолюции «Аб выніках лістападаўскага Пленума ЦК ВКП(б)» поручил Бюро ЦК «неадкладна прыступіць да распрацоўкі і правядзення ўсіх рацэнняў, вынясеных Пленумам ЦК ВКП(б)» [3, 1938, № 13, с. 11]. Соответственно, Бюро ЦК КП(б)Б принимает 16 декабря 1934 г. постановление «Аб выдзяленні новых раёнаў па БССР»,

в котором перед Госпланом республики ставилась задача «апрэдняліць колькасць, межы і раённыя цэнтры новых раёнаў». Предполагалось, что новые районы должны быть образованы при наличии МТС [2, ф. 4, оп. 3, д. 206, л. 4].

Времени для детального рассмотрения вопроса не было: необходимо было (в традициях того времени) в кратчайшие сроки отчитаться о выполнении решений ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б). В связи с этим вся реорганизация 1935 г. проходила в спешке путем восстановления некоторых ранее ликвидированных районов в их прежних границах.

Было предложено несколько вариантов: ликвидация от 10 до 15 районов. Во всех вариантах дробление районов по всем перечисленным группам обосновывалось одним и тем же основным аргументом – необходимостью уменьшения «радиуса обслуживания райцентрами населения» (в среднем по всем проектам в 2–2,5 раза). Это, по сути, и являлось главным мотивом всех административно-территориальных преобразований в 1930-е гг. Такой подход к реформированию административно-территориального устройства логически вытекал из официальной линии административно-командной системы на постоянный и мелочный контроль за нижестоящими органами в условиях продолжения массовой коллективизации. При этом приоритет, безусловно, предоставлялся непосредственному посещению руководителями вышестоящего звена подконтрольной территории. Этот тип руководителя постоянно противопоставлялся как положительный образец типу негативного руководителя-бюрократа с присущей ему манерой общения с помощью технических средств (телеграф, телефон, почта).

Принцип «наличие в каждом новом районе МТС» по объективным обстоятельствам не удалось реализовать: на 1 ноября 1934 г. в республике действовало 76 МТС, которые обслуживали только 66 сельских районов из 73, да и те охватывали своей помощью только 61,7% колхозов в обслуживаемых районах [4]. Поэтому только небольшая часть планировавшихся к образованию районов имела МТС.

На заседании Бюро ЦК КП(б)Б 23 декабря 1934 г. для «проработки вопроса» была образована специальная комиссия в составе 9 человек во главе со вторым секретарем ЦК Волковичем Д.И. [2, ф. 4, оп. 1, д. 206, л. 4]. Вариант образования 15 районов, предложенный этой комиссией, и был утвержден 22 января 1935 г. Бюро ЦК КП(б)Б в качестве окончательного [2, ф. 4, оп. 1, д. 219, л. 7]. Официально решение было оформлено постановлением ЦИК и СНК БССР «О новой сети районов Белорусской ССР» от 12 февраля 1935 г. [1, с. 80–83]. Все 15 районов были воссозданы в пределах ранее существовавших районов, ликвидированных в 1927 г. (6 районов) и 1931 г. (9 районов) с переносом в некоторых случаях райцентров. После разукрупнения число районов в республике достигло 88.

В 1937 г. на волне борьбы с «врагами народа и вредителями» был ликвидирован, не только как национально-польский, но и вообще как административно-территориальная единица, Дзержинский район, а его территория была распределена между Заславльским, Узденским и Минским районами [3, 1938, № 1, ст. 22]. Это был единственный случай в истории административно-территориального деления БССР, когда целый район перестал существовать по политическим мотивам как «вредительский».

После «чистки» организаций и учреждений бывшего Дзержинского района решением Бюро ЦК КП(б)Б от 3 июля 1938 г. «в целях приближения районного руководства к совхозам и колхозам и усиления массово-политической работы в пограничной полосе» Дзержинский район восстанавливался с центром в г. Дзержинске в составе 15 сельсоветов. В советском порядке это решение

было оформлено 4 февраля 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета БССР [3, 1938, № 13, с. 78–79].

Ликвидация в 1930 г. округов привела к выпадению среднего звена административно-территориального устройства, усложнению процесса руководства районами, непосредственно подчинявшихся республиканским органам. Переход к политике «организационного укрепления» уже созданной колхозной системы потребовал корректировки и самой системы управления. В 1935 г. в БССР было принято решение о частичном восстановлении окружной системы (было создано 4 округа – Мозырский, Слуцкий, Лепельский и Полоцкий), а в 1938 г. в БССР было введено областное деление – создано 5 областей: Минская, Витебская, Могилевская, Гомельская и Полесская [1, с. 85–87]. При образовании областей районная сетка сохранялась без изменений: районы входили в состав областей в прежних границах. Лишь в связи с большими размерами Речицкого района было принято решение из его состава выделить отдельный Василевичский район (с центром в м. Василевичи) с добавлением ряда сельсоветов Домановичского, Хойникского и Мозырского районов. При этом «новый» Речицкий район вошел в состав Гомельской области, а Василевичский – в состав Полесской [3, 1935, № 5, ст. 39].

После образования областей продолжился процесс дробления административно-территориальных единиц в БССР. В 1939 г. ЦК КП(б)Б одобрило предложения областей о создании 8 новых районов за счет разукрупнения существовавших. Из всех этих предложений было реализовано на практике лишь предложение образовать Стрешинский (в Гомельской области), Октябрьский и Калинковичский (в Полесской области) районы [3, 1938, № 13, с. 84–85]. Другие проекты в Москве поддержки не получили, хотя с точки зрения официальной линии на разукрупнение административно-территориальных единиц с целью «улучшения руководства хозяйственно-политической жизнью» варианты образования некоторых других районов имели по крайней мере не меньше оснований, чем поддержанные в Москве.

14 ноября 1939 г. Законом БССР «О принятии Западной Белоруссии в состав Белорусской Советской Социалистической Республики» Президиуму Верховного Совета БССР поручалось «определить административное деление областей и районов Западной Белоруссии и ... предоставить на утверждение Верховного Совета СССР проект об организации новых областей» [1, с. 90].

Административно-территориальному упорядочению после утверждения белорусско-украинской границы подлежала территория в 100 тыс. км². В решении Бюро ЦК КП(б)Б от 19 ноября 1939 г. «Об областях и областных центрах Западной Белоруссии» признавалась необходимость приведения административно-территориального деления западных территорий БССР в соответствие с аналогичным на восточных территориях республики с целью унификации советской системы на новых территориях [2, ф. 4, оп. 21, д. 1504, л. 15].

В основу образования районов была положена система районирования восточной части БССР. Там наиболее оправдавшим себя районом в условиях Белоруссии был признан район с территорией примерно от 900 до 1300–1400 км² с населением в 35–50 тыс. человек. Районы должны были формироваться «с учетом необходимости создания экономически жизненных административных единиц, образуемых за счет территорий, тяготеющих к сложившимся экономическим центрам». При этом, учитывая задачи социалистического переустройства западнобелорусских территорий, предполагалось установить более жесткий административно-политический контроль, что логикой административно-командной системы требовало образования «сравнительно небольших по размерам территорий и количеству населения районов».

В особенности данное требование необходимо было соблюдать относительно пограничных районов [2, ф. 4, оп. 5, д. 2118, л. 17].

Указом Президиума Верховного Совета БССР от 15 января 1940 г. упразднилось существовавшее деление западных областей республики на уезды и устанавливалась районная система: 24 района в Белостокской области, 26 районов в Барановичской, 18 – в Брестской, 22 – в Вилейской, 11 – в Пинской [1, с. 91–94].

Партийно-государственная установка на дробление административно-территориальных единиц, взятая с начала 1930-х гг., еще в большей степени проявилась в западнобелорусских областях. Если в восточных областях БССР районы с площадью до 1 тыс. км² составляли 16% районов этого региона, то в западных – 57%. В начале 1940 г. из 73 районов БССР с площадью до 1 тыс. км² 58 районов (79%) находились в Западной Белоруссии. Районы с населением до 35 тыс. в западных областях составили 24%, в восточных – 14%, от 35 до 50 тыс. (плановая ориентировочная цифра) – соответственно 50% и 42%.

По сути, с начала 1930-х гг. явно прослеживается отход от принципов административно-хозяйственного районирования 1920-х гг. в пользу районирования административно-политического. Сложившиеся представления об административно-территориальных единицах как главным образом пространственных пределах компетенции местных органов власти делали возможным их изменения в зависимости от меняющихся схем построения этих органов, их функций и компетенций. Район перестает рассматриваться как низовая комплексная экономико-территориальная единица, а предстает как единица административно-политическая с превалированием политических приоритетов (прежде всего задач массовой коллективизации), формировавшаяся на основе требований усиления оперативности руководства, приближения государственного и партийного аппаратов к отдельным субъектам сельскохозяйственного производства и учета состояния путей сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Административно-территориальное устройство БССР*. Справочник: в 2 т. – Т. 1. (1917–1941). – Мн., 1987. – С. 73–76.
2. *Национальный архив Республики Беларусь*. Ф. 7, оп. 1, д. 712, лл. 3–7.
3. *СЗ БССР*, 1932, № 19. Ст. 74.
4. *БССР к XI съезду Советаў*. – Мн., 1935. – С. 55.

S U M M A R Y

The article deals with the issues of reforming the region section of administrative territorial division of the BSSR in 1930s when the Soviet party leadership viewed a region as the chief link in the implementation of high-speed socialism building policy.

Поступила в редакцию 1.06.2005

У.В. Здановіч

Аб перыядызацыі вывучэння гісторыі Вялікай Айчыннай вайны

Адной з важнейшых метадалагічных праблем далейшага развіцця гістарычнай навукі аб Вялікай Айчыннай вайне з'яўляецца праблема яе перыядызацыі. Як вядома, навукова абгрунтаваная перыядызацыя дапамагае аб'ектыўна, з улікам гістарычных умоў, прааналізаваць апублікаваную літаратуру і дазваляе адказаць на шэраг істотных пытанняў аб характары і ступені дакладнасці гістарычных распрацовак тэмы на розных этапах яе вывучэння, аб перспектывах далейшага даследавання гісторыі Вялікай Айчыннай вайны.

Пытанне аб перыядызацыі неаднаразова абмяркоўвалася на навуковых канферэнцыях і ў гістарычнай літаратуры. У ходзе абмеркавання склалася некалькі пунктаў погляду на этапы развіцця даследаванняў па гісторыі вайны. Большасць савецкіх гісторыкаў выдзялялі тры этапы: першы – ваенны (1941–1945 г.); другі – пасляваенны (1946–1955 г.); трэці – з сярэдзіны 1950-х г. да нашых дзён, г.зн. часу напісання той ці іншай працы. Адным з першых трохэтапнае развіццё гістарычных ведаў аб Вялікай Айчыннай вайне прапанаваў А.В. Карасёў, які, у прыватнасці, адзначаў, што «ў развіцці гістарыяграфіі вайны больш ці менш дакладна выдзяляюцца тры перыяды: вайна, ад заканчэння вайны да XX з'езда партыі і ад XX з'езда да сучаснасці» [1].

Такую перыядызацыю падтрымалі П.А. Жылін, Г.А. Куманёў, А.В. Пазняк, А.І. Красюк, Г.Д. Камкоў і іншыя. Падрабязна праблему перыядызацыі разгледзелі М.М. Еўланава і А.В. Мітрафанава, якія выдзелілі шэраг крытэрыяў для вызначэння этапаў развіцця навукі, на падставе чаго вылучылі таксама тры перыяды. Пры гэтым М.М. Еўланава прапанавала падзяліць апошні перыяд на два прамежкавыя, мяжой паміж якімі з'яўляецца 1964 г. [2–3].

Іншы пункт гледжання на перыядызацыю вывучэння Вялікай Айчыннай вайны выказалі аўтары гістарыяграфічнага раздзелу ў 6-м томе «Истории Великой Отечественной войны». На падставе аналізу аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў яны прапанавалі разглядаць гістарыяграфію вайны ў рамках двух перыядаў: ад пачатку Вялікай Айчыннай вайны да XX з'езда КПСС і ад XX з'езда да сучаснасці [4].

У аснове разыходжанняў паміж прыхільнікамі трохэтапнага дзялення гістарыяграфіі вайны і прадстаўнікамі двухэтапнага дзялення ляжыць прызнанне перыяду вайны як самастойнага этапу ў развіцці гістарычных ведаў аб Вялікай Айчыннай вайне і ўключэнне 1941–1945 г. і пасляваеннага дзесяцігоддзя ў адзін перыяд.

Новую перыядызацыю ў 1969 г. прапанаваў М.К. Казыбаеў, які ў доктарскай дысертацыі выказаў меркаванне аб якасна новым этапе гістарыяграфіі вайны, які наступіў пасля кастрычніцкага 1964 г. Пленума ЦК КПСС [5]. Чатырохэтапную перыядызацыю падтрымаў У.Г. Яромін [6].

Некаторыя гісторыкі імкнуліся выдзеліць у асобны перыяд гістарыяграфіі 1970-я гг. Напрыклад, з такой прапановай выступіла Е.Л. Храмкова, аналізуючы літаратуру аб укладзе працоўных Паволжскага рэгіёна ў перамогу над фашызмам. Аднак, у дысертацыі, якая была абаронена на два гады пазней, ёй была прапанавана іншая перыядызацыя: першы этап – 1941–1945 гг.;

другі – другая палова 40-х гг. – першая палова 60-х гг.; трэці этап – другая палова 60-х гг. – першая палова 80-х гг. [7].

Частка даследчыкаў прапанавала некалькі нетрадыцыйны варыянт перыядызацыі асвятлення ваенных падзей. Так, Г.Г. Загвоздкін вызначыў наступныя перыяды: першы – сярэдзіна 1940-х – сярэдзіна 1960-х гг.; другі – сярэдзіна 1960-х – сярэдзіна 1980-х гг.; трэці – з 1985 г. [8].

Пачынаючы з канца 1980-х гг., праблема перыядызацыі гістарыяграфіі Вялікай Айчыннай вайны стала актыўна даследавацца беларускімі гісторыкамі, якія вылучылі новыя падыходы. Так, Я.С. Паўлаў назваў гістарыяграфію аб барацьбе беларускага народа супраць акупантаў падзяліў на тры этапы: з канца 1941 г. да канца вайны; з канца вайны да другой паловы 1960-х гг.; з пачатку 1967 г. да сучаснасці. Трэці этап даследчык пачынае з моманту стварэння ў Інстытуце гісторыі партыі пры ЦК КПБ праблемнай групы па комплексным даследаванні гісторыі ўсенароднай барацьбы ў Беларусі [9].

Я.У. Бараноўскі ў развіцці беларускай ваеннай гістарыяграфіі выдзяляе наступныя этапы: перыяд вайны і першыя пасляваенныя гады: 1953–1964 гг.; 1964–1985 гг.; з 1985 г. па сучасны момант [10].

Аналізуючы ўдзел беларускай моладзі ў Вялікай Айчыннай вайне, А.А. Каваленя вызначае пяць этапаў гістарыяграфіі праблемы: 1941–1944 гг.; 1944 г. – сярэдзіна 1950-х гг.; сярэдзіна 1950-х – сярэдзіна 1960-х гг.; сярэдзіна 1960-х – сярэдзіна 1980-х гг.; другая палова 1980-х гг., уключаючы і 1990-я гг. [11].

Выступаючы на «круглым stole» «Беларусь у гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы», А.М. Літвін вылучыў два асноўныя перыяды вывучэння гісторыі Беларусі часоў Вялікай Айчыннай вайны: савецкі і сучасны (ці постсавецкі). Першы перыяд – чэрвень 1941 – канец 1991 г.; другі – канец 1991 г. – па сённяшні дзень [12].

Неабходна адзначыць, што дадзеную перыядызацыю падтрымлівае пераважная большасць айчынных гісторыкаў. Разыходжанні існуюць пры вызначэнні этапаў савецкага перыяду.

У прыватнасці, А.М. Літвін падзяляе яго на тры этапы: ваенны (чэрвень 1941 г. – канец вайны); канец 1945 г. – канец 1950-х гг.; канец 1950-х – канец 1991 г. Па сутнасці, даследчык падтрымлівае трохэтапнае дзяленне гістарыяграфіі вайны, вылучае савецкімі гісторыкамі. Аўтары навукова-папулярнага выдання «Беларусь в годы Великой Отечественной войны» (дарэчы, адным з аўтараў з'яўляецца А.М. Літвін) выступілі ў падтрымку двухэтапнага дзялення.

Такім чынам, навуковыя спрэчкі аб перыядызацыі гістарыяграфіі Вялікай Айчыннай вайны, якія пачаліся ў 1950-я гг., да гэтага часу не завершаны. У вырашэнне пытання перыядызацыі гістарыяграфічных ведаў аб вайне ўнеслі ўклад многія навукоўцы. Аднак, існаванне шырокага спектру меркаванняў і прапаноў даследчыкаў сведчыць аб тым, што на сучасны момант адзінай перыядызацыі гістарычнай літаратуры па праблемах ваеннай гісторыі не існуе. У сувязі з гэтым і ўлічваючы значнасць пытання лічым неабходным унесці пасільны ўклад у яго вывучэнне.

Адзначым, што на вызначэнне храналагічных рамак этапаў развіцця ведаў аб вайне істотна ўплывае ўзровень развіцця грамадства, ад якога залежыць доступ да крыніц, магчымасць навукоўцаў выказаць сваё меркаванне. Акрамя гэтага, на фарміраванне этапаў гістарыяграфіі аказвае ўплыў агульны стан навукі. Вехамі перыядызацыі могуць служыць значныя паваротныя з'явы ў палітычным развіцці грамадства.

На падставе вышэйадзначанага мэтазгодна выдзеліць наступныя перыяды і этапы гістарыяграфіі гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны:

першы перыяд – савецкі (1941 – канец 1991 г.); другі – сучасны (ці постсавецкі): з канца 1991 г. і па сённяшні дзень.

Кожнаму з перыядаў адпавядалі розныя гістарычныя ўмовы, пэўныя задачы, формы і метады арганізацыі навуковых даследаванняў, стан крыніцазнаўчай базы, наяўнасць кадраў даследчыкаў, узровень ведаў фактаў і падзей, з'яў вайны ў дадзены перыяд, своеасаблівыя падыходы да даследаванняў. У сувязі з гэтым літаратура кожнага з этапаў у развіцці гістарыяграфіі адчувае ўплыў таго часу, калі яна стваралася, а таксама адлюстроўвае агульны ўзровень развіцця гістарычнай навукі.

У першым перыядзе можна выдзеліць тры этапы. Першы – ваенны (чэрвень 1941 г. – канец вайны) – пачатак стварэння тэматычнай літаратуры, першыя крокі ў арганізацыі навуковых даследаванняў. Выдзяленне гадоў вайны ў самастойны перыяд, на наш погляд, тлумачыцца наступнымі акалічнасцямі: па-першае, накіраванасць прац мела больш канкрэтны характар, таму што перад даследчыкамі таго часу стаялі іншыя, чым у мірных умовах, задачы; па-другое, гісторыю вайны пісалі непасрэдня ўдзельнікі падзей; па-трэцяе, вузкая крыніцазнаўчая база не давала магчымасці абагульніць матэрыял і зрабіць фундаментальныя тэарэтычныя высновы.

Працы ваеннага часу неслі адбітак культу асобы Сталіна. Значны ўплыў на гістарыяграфію дадзенага перыяду аказала кніга І.В. Сталіна «О Великой Отечественной войне Советского Союза», у якой былі сфармуляваны першыя ўстаноўкі па тэорыі вывучэння падзей Вялікай Айчыннай вайны.

Створаныя ў складаных умовах працы, хаця і не з'яўляюцца строга навуковымі творами, маюць вялікае значэнне таму, што ў іх адлюстравана зараджэнне барацьбы супраць захопнікаў па «гарачых слядах» і перададзены дух таго часу. Важнае значэнне для назапашвання фактаў мела дзейнасць Камісіі па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны пры ЦК КП(б)Б, а таксама дзейнасць Надзвычайнай Дзяржаўнай Камісіі па раследаванню злачынстваў нямецкіх акупантаў. На гэтым этапе былі створаны перадумовы для далейшага паглыбленага вывучэння падзей Вялікай Айчыннай вайны, адбывалася складванне канцэпцый іх асвятлення.

Другі этап – пасляваенны (канец 1945 г. – сярэдзіна 1950-х гг.). Гэта этап далейшага назапашвання дакументальнага матэрыялу, спроб з пазіцыі мінулага часу асэнсаваць і абагульніць вопыт барацьбы насельніцтва Беларусі супраць захопнікаў. З пункту гледжання зместу, метадалогіі даследавання другі перыяд адрозніваўся ад першага перыяду пашырэннем гістарыяграфічнай і крыніцазнаўчай базы, дыяпазінам даследуемых праблем, выкарыстаннем у якасці крыніц мемуарнай літаратуры. У той жа час гістарыяграфіі першага і другога перыядаў былі ўласцівыя такія агульныя недахопы, як ілюстраваны метады выкарыстання крыніц, вузасць гэтых крыніц, спрошчанае трактоўка гістарычнага працэсу, недастатковая тэарэтычная аснова, перавага апісальнага характару выкладання матэрыялу. У значнай ступені недахопы былі звязаны з недаступнасцю для даследчыкаў шэрагу важнейшых крыніц, а таксама дагматычнымі адносінамі да выказванняў І.В. Сталіна. Ваенная гісторыя стала разглядацца праз прызму «асноватворных ідэй» І.В. Сталіна, што абмяжоўвала асвятленне падзей Вялікай Айчыннай вайны жорсткімі рамкамі, штучнымі схемамі і трактоўкамі.

Аднак, недахопы, якія мелі месца ў гістарыяграфіі дадзенага перыяду, не даюць падстаў ацэньваць яго толькі негатыўна. Спробы асэнсавання і навукова-папулярнай распрацоўкі асобных аспектаў барацьбы насельніцтва Беларусі ў тыле ворага, зробленыя гісторыкамі першага пасляваеннага дзесяцігоддзя, закладвалі фундамент для наступнага паглыбленага вывучэння праблемы.

Трэці этап (другая палова 1950-х гг. – канец 1991 г.) – азначаны колькасным і якасным ростам навуковых даследаванняў па праблемах гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны. Ён ахоплівае «хрушчоўскую адлігу», «брэжнеўскі застоі», «гарбачоўскую перабудову». У гістарычнай навуцы паўстала пытанне аб пераглядзе шэрагу існуючых схем, палажэнняў. Аналіз апублікаванай літаратуры і крыніц паказвае, што многія аспекты гісторыі Беларусі атрымалі ґрунтоўнае асвятленне, былі падвергнуты крытыцы дагматычныя напластаванні і скажэнні, якія адмоўна адбіліся на навуковай дзейнасці, створаны спрыяльныя ўмовы для далейшага росту навуковых ведаў. Разам з тым, шэраг пытанняў заставаўся па-за полем зроку даследчыкаў. Прычым, сістэма жорстка кантралявала гэты працэс, што садзейнічала стварэнню міфаў аб вайне.

Пасля развалу Савецкага Саюза і набыцця Рэспублікай Беларусь статуса незалежнай і суверэннай дзяржавы ў 1991 г. пачаўся новы перыяд у вывучэнні гісторыі Беларусі часоў Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў, які мае свае характэрныя рысы.

Значна пашырылася і стала больш рэпрэзентатыўнай крыніцазнаўчая база навуковых даследаванняў. Для даследчыкаў былі адкрыты (хаця і не поўнасцю) фонды Палітбюро і Сакратарыята ЦК ВКП(б), фонды раней закрытых дзяржаўных і ведамасных архіваў, у тым ліку Камітэта дзяржаўнай бяспекі, Міністэрства ўнутраных спраў і Міністэрства замежных спраў. Гісторыкі пачалі выкарыстоўваць дакументы і матэрыялы архіваў замежных краін, у першую чаргу Германіі і Польшчы. Значную працу за гэты перыяд правялі архівісты рэспублікі, якія падрыхтавалі і апублікавалі шэраг зборнікаў дакументаў і даведнікаў, у тым ліку «Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь» (1998 г., перавыдадзены ў 2003 г.), «Месцы прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва на часова акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны» (1996 г., перавыдадзены ў 2002 г. на рускай і нямецкай мовах), «Нацистское золото из Беларуси» (1998 г.), «Холокост в Беларуси» (2002 г.), «Озарици – лагерь смерти» (1997 г.), «Белорусские остарбайтеры» (1996–1998 гг.), «Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі» (1995 г.), «Мінскае антыфашысцкае падполле» (1995 г.).

Акрамя гэтага пазітыўным момантам стала ўключэнне ў навуковы ўжытак літаратурных, навуковых твораў, перыядычных выданняў, якія былі перададзены з «спецхранаў» у адкрытыя фонды бібліятэк. Даследчыкі атрымалі таксама доступ да раней закрытых прац замежных аўтараў, у першую чаргу, беларускіх эмігрантаў.

Пашырыўся ў колькасных і якасных адносінах кадравы патэнцыял гістарычнай навукі. За 1990–2004 гг. па гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны абаронена 30 дысертацый, у тым ліку – 4 доктарскія. «Амаладзіліся» навуковыя кадры гісторыкаў, якія выходзілі на абарону дысертацый.

Характэрнай асаблівасцю новага перыяду беларускай гістарыяграфіі стала з'яўленне побач з традыцыйнымі тэмамі новых накірункаў даследаванняў, якія ў савецкія часы па розных прычынах, у першую чаргу ідэалагічных, заставаліся па-за сферай інтарэсаў даследчыкаў.

Адным з такіх накірункаў з'яўляецца праблема калабарацыянізму. З 22 абароненых у 1995–2004 гг. дысертацый 10 прац, у тым ліку 2 доктарскія, непасрэдна прысвечаны разглядаемай праблеме ці ў значнай ступені закранаюць яе. Гэтаму прысвяцілі свае даследаванні А.А. Каваленя, А.М. Літвін, А.К. Салаўёў, У.Ю. Сервачынскі, У.І. Кузьменка. Некаторыя аспек-

ты калабарацыянізму закраналі І.А. Валахановіч, С.А. Сільвановіч, К.І. Дама-рад, В.В. Барабаш, С.У. Сілава, А.А. Мігунова, Г.А. Болсун, М.Г. Жылінскі, У.І. Кузьменка.

Шэраг прац прысвечаны дзейнасці на тэрыторыі Беларусі Арміі Краёвай, антысавецкага падполля. У манаграфічных і кандыдацкіх даследаваннях, асобных артыкулах І.А. Валахановіча, С.У. Жумара, А.М. Літвіна, В.В. Барабаша, Н.А. Рыбак, Я. Сямашкі, В.І. Ермаловіча, У.І. Гуленкі, С.А. Сільвановіча прааналізаваны значны матэрыял, у якім раскрываюцца працэс станаўлення, структура і дзейнасць антысавецкіх падпольных і акаўскіх фарміраванняў на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны і першае пасляваеннае дзесяцігоддзе.

Нацысцкую палітыку ў адносінах да яўрэйскага насельніцтва на тэрыторыі Беларусі даследавалі Э.Г. Іофе, Л. Смілавіцкі, Я.С. Разенблат, І.Э. Яленская, Г.Дз. Кнацько, Р.А. Чарнаглазава і інш.

Важнай падзеяй у вывучэнні гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны стала з'яўленне гістарыяграфічных і крыніцазнаўчых прац. У пачатку 1990-х гадоў XX ст. дадзеная праблема была прадстаўлена, у асноўным, невялікімі артыкуламі. У 1999 г. убачыла свет самая значная праца беларускіх гісторыкаў «Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства. Зборнік артыкулаў», у якой акцэнтаецца ўвага на найбольш значных пытаннях вывучэння гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Айчынную і польскую гістарыяграфію польскага падполля на тэрыторыі Беларусі ў 1939–1954 гг. прааналізаваў у кандыдацкай дысертацыі С.А. Сіткевіч.

Крыніцазнаўчы аналіз дакументаў справаводства органаў нямецкага акупацыйнага кіравання на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны, якія знаходзяцца ў фондах Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці, ажыццявіла І.Э. Яленская.

Гістарыяграфічнаму і крыніцазнаўчаму вывучэнню падзей Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі рэспублікі садзейнічала з'яўленне ў кандыдацкіх і доктарскіх даследаваннях асобнага раздзелу «Гістарыяграфія праблемы і крыніцы».

Адметнай з'явай у асвятленні гісторыі Вялікай Айчыннай вайны стала з'яўленне гісторыка-дакументальных хронік «Памяць». На дадзены момант выдадзены хронікі па ўсіх абласцях і раёнах Беларусі.

Да характэрных рыс новага перыяду неабходна таксама аднесці з'яўленне спецыялізаваных часопісаў: «Беларускі гістарычны часопіс», «Спадчына», «Беларуская думка», «Беларуская мінуўшчына» і інш. Практычна ва ўсіх універсітэтах выдаюцца «Веснікі». Такія перыядычныя выданні, па-першае, даюць магчымасць даследчыкам апублікаваць свае працы, па-другое, знаёмяць шырокае кола грамадскасці з навейшымі дасягненнямі навукоўцаў у вывучэнні праблем Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Беларусі.

Аб творчым уздыме айчыннай гістарычнай навукі на сучасным этапе сведчыць і той факт, што па розных аспектах гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны праведзены дзесяткі навуковых канферэнцый рознага ўзроўню, у тым ліку міжнароднага, тэматыка якіх не толькі адлюстравала разнастайны спектр даследчыцкіх пошукаў навукоўцаў Беларусі, але і акрэсліла новыя актуальныя праблемы.

Прымаючы за аснову дадзеную перыядызацыю неабходна адзначыць, што не заўсёды з празмернай дакладнасцю можна фіксаваць межы перыядаў.

У некаторых выпадках дакладнае ўказанне нават года можа аказацца занадта вузкай храналагічнай мяжой. На наш погляд, метаэгодна ўжываць у такіх выпадках больш працяглы прамежак часу, які падзяляе асобныя этапы гістарыяграфіі.

ЛІТАРАТУРА

1. **Карасёв А.В.** Краткий обзор литературы по истории Великой Отечественной войны // Вопросы истории, 1961, № 6. – С. 30.
2. **Евланова М.Н.** Историография борьбы Коммунистической партии за создание социально-экономических условий победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. – М., 1983.
3. **Митрофанова А.В.** Об основных этапах советской историографии Великой Отечественной войны / Историография советского тыла в периоды Великой Отечественной войны. – М., 1976. – 442 с.
4. **История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945:** в 6 т. – Т. 6. – М., 1965. – С. 403.
5. **Козыбаев М.К.** Коммунистическая партия Казахстана в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ...докт. ист. наук. – Алма-Ата, 1969. – С. 13.
6. **Ерёмин В.Г.** Некоторые вопросы деятельности комсомола как боевого помощника партии в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории КПСС, 1980, № 5. – С. 62.
7. **Храмкова Е.Л.** Вклад трудящихся Поволжья в победу советского народа в Великой Отечественной войне (Советская историография 1941–1986 гг.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 1987. – С. 6.
8. **Загвоздкин Г.Г.** Социальная политика ВКП(б) и Советского государства в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ...докт. ист. наук. – Л., 1991. – С. 11.
9. **Павлов Я.С.** Проблема борьбы советского народа с фашистской агрессией в начале войны в трудах белорусских историков // 1941 год: трагическое и героическое. Тезисы межреспубликанской научной конференции, посвященной 50-летию начала Великой Отечественной войны. 19–21 июня 1991 г. – Мн., 1991. – С. 8.
10. **Мужество и трагедия народа:** По материалам «круглого стола», посвященного 55-летию Победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред.: **Р.П. Платонов, В.В. Федосов.** – Мн., 2000. – 72 с.
11. **Каваленя А.А.** Моладзь Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны / Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства: Зб. артыкулаў. – Мн., 1999. – С. 153–154.
12. **Літвін А.М.** Беларусь у гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай вайны: стан гістарыяграфіі і перспектывы далейшага даследавання праблемы // Беларусь у гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы: Матэрыялы «круглага стала» / Рэдкал.: **А.А. Каваленя, А.М. Літвін** (адк. рэд.) і інш. – Мн., 2005. – С. 9.

S U M M A R Y

Different views on the stage development of the Great Patriotic War history are considered in the article. It is mentioned that a wide range of views and assumptions on the given problem have been presented by researchers. At present there is no single approach to the period study of the Great Patriotic War history. The author suggests his variant of the study.

Поступила в редакцию 13.03.2006

В.И. Яковчук

Деятельность правительства БССР по совершенствованию организации противопожарной защиты белорусской деревни (1955–1977 гг.)

Развитие сельского хозяйства, социально-экономическое положение его тружеников в рассматриваемый период достаточно глубоко изучены белорусской историографией и изложены во многих исторических трудах. В них отмечается, что к началу 50-х годов XX в. на всей территории Белорусской ССР была проведена сплошная коллективизация. Этому способствовало постановление правительства СССР «О выселении кулаков из Белорусской ССР», принятое в сентябре 1951 г., в результате которого только в 1952 г. за пределы республики была выслана 4431 семья. Ряд мероприятий по подъему сельского хозяйства был определен сентябрьским (1953 г.) пленумом ЦК КПБ. Посевные площади к концу 1953 г. по сравнению с довоенным уровнем увеличились более чем в 1,5 раза, хотя и не достигли довоенного уровня. За 1951–1955 гг. белорусская деревня расширила посевные площади на 540 тыс. га, в основном за счет осушения торфяных болот и распашки залежных земель. Доходы колхозов и колхозников республики увеличились в 1953 г. по сравнению с 1952 г. на 2,5 млрд. руб. [1; 2]. После внесения в марте 1953 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР изменений в порядок планирования сельскохозяйственного производства появились первые сдвиги в развитии сельского хозяйства [1; 2].

Однако, происходящие в условиях повсеместного послевоенного недостатка пожары в белорусской деревне серьезно тормозят темпы восстановления сельского хозяйства, сильно бьют по бюджету сельских районов республики. Вместе с тем, изучение деятельности белорусского правительства по противопожарной защите белорусской деревни в рассматриваемый период осталось вне зоны внимания наших историков. Исследование истории развития пожарного дела на территории Беларуси подтолкнуло автора к необходимости более детальной научной проработки этого вопроса.

Несмотря на активную работу правительства по принятию нормативных правовых актов в области организации противопожарной защиты (за 10 лет было принято более десятка правительственных постановлений, еще больше актов приняли министерства и ведомства), должного эффекта они не давали. Главная причина здесь видится в слабом ресурсном обеспечении принимаемых решений. Вместе с тем в условиях административно-командной системы правительство в основном использует методы давления, усиливает контроль. Однако, организованные проверки выполнения решений правительства по усилению пожарной безопасности показали, что органами власти на местах принимаются далеко не все меры по их выполнению. Так, в Молодечненской области мероприятия, изложенные в постановлениях правительства, в большинстве районов выполнялись неудовлетворительно, вследствие чего количество пожаров в области в 1956 г. увеличилось на 11%, а убытки – на 22%.

Особенно плохо обстояли дела в Сморгонском, Воложинском и Видзовском районах. Например, в 1956 г. количество пожаров в Воложинском районе выросло в 2,5 раза по сравнению с предыдущим годом [3].

В 1955–1956 гг. в процессе первичной обработки льна в колхозах республики произошло 226 пожаров, которыми уничтожено более 500 т льна. Большое количество пожаров произошло в Брестской, Гродненской и Молодечненской областях, где основная масса сырья перерабатывалась непосредственно в колхозах. Анализ пожаров показал, что 85% всех пожаров при первичной обработке льна происходило в процессе его сушки. При этом одним из основных недостатков было отсутствие достаточного количества типовых пожаробезопасных сушилок. Колхозы и совхозы производили сушку льна в самых разных зданиях и помещениях с грубым нарушением противопожарных правил. Так, в 1955 г. в Молодечненской области сгорело 45 сушилок, в 1956 г. – 50.

В целях выработки необходимых мероприятий по обеспечению пожарной безопасности при первичной обработке льна в колхозах в 1957 г. Советом Министров (СМ) БССР было проведено производственно-техническое совещание с привлечением руководителей и специалистов отрасли, ученых, председателей колхозов, на котором были детально рассмотрены вопросы обеспечения пожарной безопасности при сушке льна, даны задания по разработке конструкции пожаробезопасных сушилок. Был также принят ряд мер организационного характера на местах. Так, 19 июля 1957 г. исполком Молодечненского Совета депутатов трудящихся принял решение № 375 «О противопожарном состоянии предприятий областного льнотреста Белглавзаготльнопрома», которым определил комплекс мер по повышению пожарной безопасности данных объектов.

В конце 1950-х годов в республике сложилась неблагоприятная обстановка с пожарами на животноводческих фермах колхозов и совхозов. Только за 4 месяца 1958 г. в республике на животноводческих фермах произошло 20 пожаров, которыми было уничтожено 200 голов крупного и 862 мелкого скота. Такое положение явилось следствием того, что многие председатели колхозов и директора совхозов не приняли необходимых мер по организации надлежащей пожарно-сторожевой охраны хозяйств. Для освещения животноводческих помещений применялись неисправные фонари, при устройстве электроосвещения не соблюдались электротехнические правила, в помещениях допускалось курение, печи и дымоходы в кормокухнях эксплуатировались в неисправном состоянии. При строительстве животноводческих зданий допускались грубые отступления от проектов, кормокухни от животноводческих помещений огнестойкими стенами не отделялись, для устройства кровли использовалась солома. Многие здания не были обеспечены молниезащитой и первичными средствами пожаротушения.

19 февраля 1958 г. в колхозе «Красный Октябрь» Воложинского района во время пожара погибло 85 коров, а 6 мая того же года в колхозе им. Куйбышева Островецкого района от зажженного фонаря, оставленного уснувшим сторожем, возник пожар, уничтоживший животноводческое помещение, 255 овец, 119 ягнят и 112 кроликов. 18 мая 1958 г. в результате пожара, произошедшего в свинарнике колхоза «Добровичи» Кривичского района Молодечненской области от искр, вылетающих из неисправного дымохода кормокухни, был уничтожен свинарник и 80 свиней, а также находящаяся рядом типовая льносушилка со всем оборудованием. Аналогичные пожары произошли ранее в колхозе им. Суворова Мядельского района, где погибло 236 свиней, в колхозе им. Сталина Браславского района, где погибло 159 свиней.

В Могилевской области в 1958 г. произошло 4 пожара в животноводческих зданиях, которыми уничтожено 133 головы скота, в Молодечненской – 5 по-

жаров и 881 голова скота, в Гродненской – 3 пожара и 88 голов скота, Гомельской – 4 пожара и 30 голов скота, Витебской – 2 пожара и 47 голов скота. Всего за 5 месяцев 1958 г. в республике пожарами уничтожено 19 жилищно-коммунальных зданий, погибло 1062 животных, ущерб составил 344866 руб. [3, ед. хр. 2243, л. 102–108].

В справке референта СМ БССР И. Синкевича от 14 января 1958 г. «О состоянии пожарной безопасности в БССР» большое количество пожаров и ущерб от них объяснялись тем, что руководители министерств и ведомств, председатели исполкомов местных Советов депутатов трудящихся мало внимания уделяли вопросам обеспечения пожарной безопасности в народном хозяйстве. Со стороны министерств и исполкомов областных, городских, районных и сельских Советов депутатов трудящихся снизилась требовательность к руководителям предприятий и организаций за выполнение законодательства по обеспечению пожарной безопасности. Многие промышленные предприятия и около 60% колхозных строений не имели водоисточников для целей пожаротушения. В связи с этим 7 февраля 1958 г. правительство принимает постановление № 64 «О мерах по усилению пожарной охраны объектов народного хозяйства БССР» [3, ед. хр. 782, л. 10–19].

1 августа 1959 г. СМ БССР принимает постановление № 508 «О ходе выполнения постановления Совета Министров БССР «Об усилении пожарной безопасности объектов народного хозяйства» в Копыльском, Свирейском и Оршанском районах БССР», которым показывает типовые недостатки в обеспечении пожарной безопасности сельских районов и предписывает к выполнению ряд противопожарных мероприятий.

Осуществляя контроль за выполнением принимаемых решений по вопросам пожарной безопасности правительство 3 февраля 1960 г. издает постановление № 52 «О ходе выполнения постановлений Совета Министров БССР по вопросам обеспечения мер пожарной безопасности на объектах народного хозяйства», 20 июня 1960 г. № 348 «О мероприятиях по выполнению постановлений Совета Министров БССР по вопросам усиления пожарной безопасности на объектах народного хозяйства республики» [3, ед. хр. 884, л. 413–414; ед. хр. 962, л. 21–26; ед. хр. 969, л. 116–121].

В этот период в вопросах обеспечения пожарной безопасности, проведения предупредительных противопожарных мероприятий еще больший акцент делается на общественность. Во исполнение постановления СМ БССР от 03.02.1960 г. № 52 в Брестской, Гродненской и Витебской областях при сельских советах были созданы противопожарные комиссии из числа сельского актива, участковых уполномоченных милиции и начальников ДПД, которые проверяли противопожарное состояние жилых домов колхозников, школ, магазинов, детских и лечебных учреждений с принятием на месте мер по устранению обнаруженных недостатков, проводили беседы по разъяснению правил пожарной безопасности.

В Минской, Гомельской и Могилевской областях в целях предупреждения пожаров в колхозах, совхозах, МТС были организованы пожарно-технические комиссии из числа специалистов сельского хозяйства.

По ходатайству МВД БССР, ЦК ЛКСМБ 7 июля 1960 г. обратился с письмом ко всем секретарям комсомольских организаций республики с призывом о привлечении комсомольцев и молодежи к проведению мероприятий по предупреждению пожаров. Это письмо было обсуждено на бюро обкомов и райкомов ЛКСМБ, а также на собраниях первичных комсомольских организаций, что значительно активизировало участие комсомольцев в проведении мероприятий по предупреждению пожаров. Только в Минской и Витебской областях из числа комсомольцев было создано 564 бригады содействия пожарной охране.

В помощь районным пожарным инспекторам во всех районах были созданы группы внештатных инспекторов в количестве 2652 человека.

В райцентрах были проведены выборы общественных уполномоченных пожарной охраны по жилым домам. Всего по республике было избрано 7400 человек общественных уполномоченных. В ряде районов к предупреждению пожаров были привлечены и члены народных дружин.

Во исполнение решений правительства в республике была проведена значительная работа по повышению боеспособности ДПД. В колхозах и совхозах, помимо дружин на центральных усадьбах, были созданы их отделения в бригадах и на животноводческих фермах. К началу 1961 г. в колхозах и совхозах республики было создано 2925 ДПД с числом членов в них 74325 человек, отделений в бригадах и на фермах – 6631, в которых насчитывалось 79572 человека. В 662 колхозах было организовано постоянное дежурство членов дружин при пожарных депо.

В период подготовки к уборке и обмолоту урожая, сушке и обработке льна, а также подготовке животноводческих помещений к зимнему стойловому содержанию работниками пожарной охраны и членами ДПО в 116 районах республики использовалась такая форма работы, как противопожарные автоагитпробеги, которыми было охвачено 1208 колхозов и 185 совхозов. За время агитпробегов было продемонстрировано 1747 киносеансов на противопожарные темы, которые просмотрело 187350 человек, прочитано 6800 докладов и лекций, которые прослушали 414748 человек, проинструктировано свыше

100 тыс. механизаторов сельского хозяйства и колхозников, занятых на уборке и обмолоте урожая, сушке и обработке льна, и животноводов [3, ф. 1139, оп. 1, ед. хр. 115, л. 34–57].

В целях повышения боеготовности дружин во многих районах были проведены соревнования ДПД по пожарно-прикладным видам спорта. Хорошо была организована и проведена эта работа в Минской, Гродненской и Витебской областях. В ряде районов соревнованиями руководили председатели райисполкомов и секретари райкомов КПБ.

Постановлением СМ БССР от 24 декабря 1963 г. «Об установлении штрафов за нарушение правил пожарной безопасности» вводится административная ответственность должностных лиц и рядовых граждан за нарушение требований пожарной безопасности [3, ф. 1139, оп. 1, ед. хр. 192, л. 8–80].

Согласно постановлению СМ БССР от 10.07.1964 г. № 316 «Об утверждении Положения о пожарно-сторожевой охране колхозов Белорусской ССР» была проведена значительная работа по организации и укреплению ПСО в колхозах республики. К 1965 г. ПСО была организована во всех 1350 колхозах республики. К этому времени в колхозах и совхозах республики было организовано 3304 ДПД численностью 129940 человек, 2613 ДПО численностью 154716 человек, построено 565 пожарных депо и 3928 пожарных сараев, приобретено 423 пожарных автомобиля, 1837 пожарных мотоциклов, 6881 ручной пожарный насос и т.д. Хорошо организовывали и проводили работу по борьбе с пожарами ПСО колхозов «Большевик» Малоритского и «Светлый путь» Ивановского районов Брестской области, им. Куйбышева Чашникского и «Красное объединение» Оршанского районов Витебской области, им. Лепшинского Чечерского и им. Ленина Рогачевского районов Гомельской области и многих других колхозов. Вместе с тем, дружинам не хватало 1805 пожарных депо, 3676 пожарных сараев, 2074 пожарных мотоциклов, 453 пожарных насосов и т.д. Это свидетельствует о том, что большинство совхозов и колхозов республики не имело надежной противопожарной защиты своих объектов [3, ф. 1139, оп. 2, ед. хр. 222, л. 1–35].

Поэтому 30 апреля 1969 г. СМ БССР принял постановление № 162 «О мерах по усилению пожарной безопасности в колхозах, совхозах и сельских населенных пунктах Белорусской ССР». Для выполнения постановления хозяйствами за три года (1970–1972 гг.) было построено 301 пожарное депо, 3250 водоемов, оборудовано навесными насосами 875 автомобилей и тракторов, приспособлено для забора воды на нужды пожаротушения 3908 водонапорных башен, установлено 70209 молниеотводов. Были разработаны и изданы типографским способом инструкции о мерах пожарной безопасности в животноводческих и птицеводческих помещениях, при монтаже и эксплуатации теплогенераторов, работающих на жидком топливе, проведены противопожарные инструктажи и занятия с работниками сельскохозяйственных предприятий. В результате проведенной работы в 1972 г. количество пожаров в животноводческих помещениях уменьшилось на 8,3% и убытки снижены на 4,1% в сравнении с 1971 г. На 56% уменьшилась гибель скота в колхозах и совхозах.

18 мая 1977 г. СМ БССР принял постановление № 153 «О мерах по усилению пожарной безопасности в колхозах, совхозах и сельских населенных пунктах», которым обязал министерства, ведомства и облисполкомы рассмотреть состояние пожарной безопасности в колхозах и совхозах, учреждениях, на промышленных, торговых и других объектах, а также в сельских населенных пунктах, разработать конкретные мероприятия по устранению имеющихся недостатков. Постановлением предписывалось Минсельхозу и облисполкомам для успешной борьбы с пожарами в сельской местности создать до 1980 г. межхозяйственные опорные пункты пожарной охраны (МОППО) из расчета обслуживания каждым из них трех-четырёх хозяйств.

Во исполнение этого постановления министром сельского хозяйства БССР В.А. Козловым был издан приказ от 15.08.1977 г. № 400 «О мерах по усилению пожарной безопасности в колхозах, совхозах и сельских населенных пунктах республики», которым было утверждено «Положение о межхозяйственном опорном пункте пожарной охраны». Положением определялись задачи МОППО, порядок их создания и финансирования, примерные штаты, обязанности должностных лиц, меры поощрения и взыскания к ним. Создание МОППО серьезно укрепило противопожарную защиту белорусской деревни, оказывало существенную помощь профессиональной пожарной охране в борьбе с пожарами в сельской местности [4].

Таким образом, можно констатировать, что принятым комплексом мер, направленных в первую очередь на создание нормативной правовой базы обеспечения противопожарной защиты сельских населенных пунктов и объектов сельскохозяйственного производства, и большой организаторской работой белорусскому правительству удалось в течение нескольких десятков лет значительно улучшить обстановку с пожарами в белорусской деревне, исключить из жизни сельчан массовые пожары, уничтожавшие десятки дворов, а то и целые деревни. Этому способствовало то, что правительство осуществляло постоянный контроль за выполнением принимаемых решений, которые подкреплялись выделением необходимых ресурсов, целенаправленной работой по пропаганде и агитации мер пожарной безопасности, обучению работников сельскохозяйственного производства.

Важную роль в деле предупреждения пожаров и борьбы с ними сыграла общественность. ДПО, ДПД, пожарно-технические комиссии в колхозах и совхозах, внештатные пожарные инспектора при Советах депутатов трудящихся, противопожарные комиссии при жилищно-эксплуатационных службах – вся эта многочисленная армия пожарных добровольцев оказала профессиональной пожарной охране, руководителям колхозов и совхозов неоценимую по-

мощь в деле обеспечения пожарной безопасности сельских населенных пунктов и сельскохозяйственных предприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *История Белорусской ССР*. – Мн., 1972. – С. 481–488.
2. *Нарысы па гісторыі Беларусі: у 2 ч. – Ч. 2. / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў і інш.* – Мн., 1994. – С. 331–336.
3. *Национальный архив Республики Беларусь*. Ф. 7, оп. 4, ед. хр. 3191, л. 108–156.
4. *Приказ Министерства сельского хозяйства БССР от 15 августа 1977 г. № 400 «О мерах по усилению пожарной безопасности в колхозах, совхозах и сельских населенных пунктах республики»*. – Мн., 1977. – С. 1–26.

S U M M A R Y

The article centres on the Byelorussian government's activities aimed at the improvement of fire-prevention work organization in the rural areas in 1955–1977. The author analyses the organization of legislative insuring of fire-fighting in the countryside; organizational activities of the executive power in fire-prevention; foundation and consolidation of voluntary fire societies and brigades, improvement of their equipment that contributed to the rise in the efficiency of fire-prevention and extinguishing measures.

Поступила в редакцию 4.04.2006

УДК 940.5

Г.Г. Ващилко

Культурное сотрудничество Беларуси и Польши в 90-е годы XX в.

В конце 80-х – начале 90-х гг. в культурной жизни Беларуси происходили демократические преобразования, которые были закреплены в Законе «О культуре в Белорусской ССР» (июль 1991 г.) [1]. В принятом законодательном акте было продемонстрировано стремление республики начать переустройство культурной сферы на основе общечеловеческих ценностей, использовать подходы и формы, соответствующие взятым международным обязательствам на сотрудничество с другими странами. Внешним культурным связям в законе был отведен специальный раздел, в котором подчеркивалось, что Республике Беларусь (РБ) принадлежит исключительное право устанавливать и развивать внешние связи, заключать международные договоры и соглашения в области культуры, осуществлять взаимный обмен достижениями в области культуры. По закону, предприятия, учреждения и организации культуры, общественные объединения, в том числе и творческие люди, получили теперь право самостоятельно заключать договоры с иностранными лицами на любые формы сотрудничества в сфере культуры.

С принятием этого закона Республика Беларусь стала открытой для культурного сотрудничества с другими странами. Особенно важное значение придавалось сотрудничеству стран, имеющих общие границы.

Беларусь и Польшу объединяет не только общая граница, но, в первую очередь, история, славянство, католическая вера белорусских поляков. В начале 90-х гг. с Польшей наиболее активно осуществлялось формирование договорно-правовой базы в культурном сотрудничестве. Так, Республика Беларусь и Республика Польша подписали ряд важнейших соглашений. В 1992 г. – Декларацию о сотрудничестве в области культуры, науки и образования, в 1993 г. – Соглашение о сотрудничестве в области туризма, в 1995 г. – Соглашение о сотрудничестве в области охраны историко-культурного наследия [2], Соглашение о сотрудничестве в области культуры, науки и образования [3] и др. В 1997 г. был подписан Протокол о сотрудничестве между Министерством культуры Республики Беларусь и Министерством культуры и искусства Республики Польша на 1997 год. С целью более эффективной организации культурного сотрудничества в 1993 г. была создана белорусско-польская консультационная комиссия по делам историко-культурного наследия.

Наряду с формированием законодательной и договорно-правовой основы культурного обмена Беларуси происходило и значительное расширение числа субъектов культурного сотрудничества между двумя странами. В эту сферу были включены местные органы государственной власти, общественные организации, коммерческие структуры, творческие коллективы, отдельные граждане. Так, например, в 1996 г. руководство Гродненского облисполкома заключило соглашение о развитии хозяйственных приграничных и культурных связей с властями Белостокского воеводства. В марте того же года было подписано Соглашение между управлением культуры Гродненского облисполкома и отделом культуры воеводской управы в Белостоке о культурном сотрудничестве на 1996–1998 гг. В июне 1999 г. по итогам визита и переговоров в Бресте руководителя воеводского сейма Люблинского воеводства была создана рабочая группа по подготовке Соглашения о сотрудничестве между Брестской областью и Люблинским воеводством [4].

Важная роль в интеграции культур пограничья принадлежала Белорусскому общественно-культурному товариществу в Польше. Со своего основания в 1956 г. общество ведет организационную и культурно-просветительскую деятельность в среде белорусов в Польше, и особенно в восточной Белостотчине, где рядом живут и развивают свои национальные культуры две нации – белорусская и польская.

Белорусское общественно-культурное товарищество было главным организатором в рассматриваемый период белорусского самостоятельного движения в Польше. Многие десятки драмкружков, эстрадных, хоровых и фольклорных коллективов вели активную культурную деятельность во многих городах и деревнях. По инициативе товарищества сложились многолетние традиционные мероприятия, фестивали, такие, например, как «Белорусская песня», «Праздник белорусской культуры», «Купалье» и др.

Так, в марте 1997 г. в Белостоке прошёл IV Всепольский фестиваль «Белорусская песня – 97». Перед многочисленными зрителями, среди которых были премьер-министр РП В. Тимошевич и полномочный посол Республики Беларусь в Польше В. Бурат, выступили лауреаты конкурса и Государственный ансамбль белорусской музыки «Свята» [5]. Всепольский фестиваль «Белорусская песня», который каждый год проводился в районных городах, а затем в Белостоке, являлся авторитетным конкурсом всех исполнителей белорусской песни. Среди создателей и исполнителей – писатели, мастера народных ремесел, многие художественные коллективы из Белостотчины и Республики Беларусь.

На Купалье в Беловежу приезжало каждый год со всей страны и из-за границы до 10 тысяч любителей белорусской культуры. С обрядовыми и эстрадными программами выступали коллективы с Брестчины и Белостотчины.

На протяжении 90-х гг. Белорусское общественно-культурное товарищество организовывало смотры фольклорных коллективов в Нарве, Ласине, Городке. Таким образом, сберегались и передавались новым поколениям белорусские обряды. В 1999 и 2000 годах, при участии местных властей, проводились всепольские презентации культуры национальных меньшинств «Музыкальные диалоги над Бугом» в Мельнике. Идея мероприятия – диалог культур национальных меньшинств, которые проживают в Польше, с польской национальной культурой. Целью двухдневных диалогов являлось лучшее взаимопознание, контакты и понимание, сближение представителей разных культур. По инициативе и при участии местного Дома культуры товарищество приступило в 2000 году к реализации новой формы художественной деятельности в Городке. Главный принцип двухдневной импрезы, которую называли «Дружеской беседой», основывался на том, чтобы дать возможность осуществления непосредственных контактов всем исполнителям и всей публике.

На протяжении каждого года товарищество проводило конкурсы для детей и молодежи, которые изучали белорусский язык в школах. Конкурсы «Родное слово», «Сценическое слово», конкурс театральных коллективов, «Звезда и колядование» и «Белорусская песня для школьников» – это мероприятия, которые содействовали распространению родного языка и родной белорусской культуры среди белорусской диаспоры. Только в 2000 г. на Белостотчине обучение белорусскому языку велось в 29 начальных школах, 12 гимназиях и 2 лицеях [6]. Своей деятельностью Белорусское общественно-культурное товарищество помогало более эффективному изучению родного языка и укреплению эмоциональных связей учеников с родной культурой.

Особенную роль в диалоге культур белорусско-польского пограничья играли международные научные конференции, которые с 1993 г. по инициативе товарищества, при участии Союза поляков на Беларуси начали развиваться и попеременно проводиться то в Белостоке, то в Гродно. Это – Международная научная конференция «Путь к взаимности» и фестиваль польской и белорусской песни «Белосток-Гродно». Участники конференции, которыми являлись поляки и белорусы, имели возможность получить много новых сведений по истории, культуре, этнографии, языкознанию и других научных дисциплинах. Каждый год в конференции участвовало около 40 докладчиков, а ее материалы выдавались тиражом 400 экземпляров. В рамках фестиваля было показано богатство польской и белорусской песни в исполнении польских коллективов из Беларуси и белорусских коллективов из Польши. Конференция и фестиваль содействовали лучшему взаимопониманию истории и культуры народов, развитию межнациональных контактов, диалогу культур пограничья.

Белорусское общественно-культурное товарищество имело свой печатный орган – периодическое издание «Белорусский календарь», который стал издаваться с 1957 г. в Белостоке [7].

Товарищество было также инициатором и организатором белорусского литературного движения в Польше. Некоторые белорусские литераторы являлись его участниками. Затем писатели основали литературное объединение «Беловежа». В рассматриваемый период объединение начало издавать «библиотечку» (вышло 35 книг поэзии, прозы, переводов и литературоведения) [8]. В 2000 г. в Минске вышла обширная антология «Белорусские писатели Польши», которая объединила все лучшее из литературного наследия «беловежцев». Однако если говорить о белорусистике в 1990-е годы, то экономическая нестабильность жизни в обеих странах отрицательно

повлияла на ее развитие. Так, в 1994 г. отмечаются только 5 названий переведенных белорусских произведений, из них три принадлежали белостотчанам [9]. Более стабильная ситуация была с переводами научных работ. Так, в 1998 г. отмечается 45 литературно-критических и историко-публицистических материалов, относящихся к истории и культуре Беларуси [9, с. 168]. Это стало возможным благодаря возникновению новых периодических белорусскоязычных или польско-белорусских двуязычных изданий: «Термопилы», «Часопис» и др.

В 1988 г. на территории Гродненской, Брестской областей и города Минска появились и начали свою деятельность первые общественно-культурные объединения поляков. Так, в Гродно в 1998 г. начало свою деятельность Польское культурно-просветительское общество имени А. Мицкевича. В июне 1990 г. прошел первый съезд поляков Беларуси. Была создана республиканская общественная организация – Союз поляков на Беларуси, с 1996 г. – Союз поляков. Главная задача союза была направлена на национальное возрождение, формирование национального самосознания, возрождение и развитие польской культуры в Республике Беларусь. Союз поляков имел отделения более чем в 40 населенных пунктах Беларуси, причем существовало 9 товариществ, более 40 ансамблей художественной самодеятельности, в школах изучался польский язык, выпускал газету «Głos z-nad Niemna» и журнал «Magazyn Polski» [10]. В работе Союза поляков большое внимание уделялось самодеятельному творчеству. Так, ежегодно более десяти коллективов выезжали для участия в фестивалях, на учебу в Польшу. Наиболее полным разнообразием культур отличались фестивали культур пограничья в Мронгово, где представлялся фольклор и прикладное искусство. Польские народные танцевальные коллективы из Беларуси принимали участие во Все-польском конкурсе народного танца в Ржешуве [11]. Многие польские сообщества из Беларуси восстановили непосредственные связи с населением и учреждениями Республики Польша. С гмином Корытин (Белостокское воеводство) сотрудничал свислочский хоровой коллектив «Радостный хор». Волковысский коллектив «Ютшенко» принимал участие в местном фестивале в Семетьчине (Белостокское воеводство). С 1991 г. Союз поляков организовывал и проводил совместно с Республиканским центром национальных культур Фестиваль польской песни. В 1992 г. в Барановичах состоялся первый Республиканский фестиваль детских польских коллективов, который с 1995 г. проводился регулярно. Разнообразие деятельности Союза поляков говорит о заинтересованности польского сообщества в возрождении национальной культуры.

Кроме Союза поляков на территории Беларуси в 1990-е гг. действовали польское культурно-просветительское общество «Палонія», выпускавшее свою историко-просветительскую газету «Земля», Минское культурно-просветительское общество «Паланічка» [10, с. 6] и др.

Следует отметить и участие Белорусской редакции Польского радио в формировании польско-белорусских культурных отношений. Она была создана в январе 1992 г. В ее передачах особое внимание уделялось разным сторонам жизни польского государства, польско-белорусскому сотрудничеству в области экономики, политики и культуры. В Белорусской редакции Польского радио работали в основном молодые люди, выпускники и студенты кафедры белорусской филологии Института истории Варшавского университета. Особое внимание в передачах уделялось и темам культурной жизни. Например, информация с разных культурных мероприятий – премьер фильмов и спектаклей, выставок, фестивалей, беседы с интересными людьми, известными своей заботой в области культуры. Это и материалы, подготовленные к разным юбилеям, где упоминались личности знаменитых польских и белорусских

писателей и художников. Особое место занимала информация с различных научных конференций. Передачи Польского радио обогащали знания про жизнь соседних стран и содействовали лучшему взаимопониманию.

Большая роль в белорусско-польском сотрудничестве в 90-х гг. принадлежала католической конфессии на Беларуси. В Беларуси стала действовать Гродненская духовная семинария (открыта в 1990 г.), Гродненский катехизичный институт, Барановичский катехизичный колледж, работали 392 католические парафии с 217 ксендзами [12]. Польский костел обеспечивал белорусов литературой, помогал отстраивать храмы, организовывал поездки в Польшу детей с воскресных школ и т.д.

В культурной сфере Беларусь и Польша шли по пути расширения контактов. Заинтересованность их объяснялась не только близостью культур, языков, исторической направленностью развития, но и наличием польского национального меньшинства в Беларуси и белорусского национального меньшинства в Польше. Причем сотрудничество разных этнокультур и религий в белорусско-польском пограничье носило мирный, взаимообогащающий характер. Белорусы не рассматривали поляков как конкурентов в борьбе за экономические и культурные блага. Наоборот, акцент делался на положительном, на том, что польское меньшинство в Беларуси может стать своеобразным мостом в развитии взаимовыгодных экономических и культурных связей с Польшей. Одним из важных факторов развития своей национальной культуры жители приграничных районов Беларуси считают развитие отношений с другими странами [13].

Культурному сотрудничеству Беларуси и Польши в 90-е гг. содействовали также и другие многочисленные мероприятия.

Так, например, с 17 по 22 ноября 1994 г. проводились Дни Польши в Беларуси, в рамках которых состоялся ретроспективный показ фильма «Анджей Вайда – его кино и актеры», состоялись встречи с деятелями искусств. 13–15 декабря 1995 г. в Минске проходили Дни Польского кино. В 1996 г. сначала в Минске проходили Дни науки и техники Польши в Республике Беларусь, а затем состоялась выставка «Наука и техника Беларуси» в Варшаве.

В рассматриваемый период проводились и многочисленные научные конференции. Только в 1991 и 1992 гг. в Белостоке прошли две конференции историков Беларуси и Польши. В 1993 г. состоялись международные научные конференции в Гродно и Бресте, в 1996 г. – в Гомеле, Миорах, Гродно [14].

Довольно обширными были связи Беларуси и Польши в области изобразительного искусства, проводились многочисленные выставки, как в Польше, так и в Беларуси. Например, в июне 2000 г. в варшавском Центре современного искусства состоялась выставка «Новое искусство Беларуси». Участие в ней приняли художники из Минска, Бреста, Витебска и др.

Большую роль в культурном сотрудничестве двух стран играли товарищество белорусов в Польше и поляков на Беларуси, общество дружбы «Беларусь-Польша» и «Польша-Беларусь», Белорусское общество дружбы с зарубежными странами, Польский институт. Так, в сентябре 2000 г. в Минске в Доме дружбы с зарубежными странами проходила встреча представителей белорусских и польских общественных организаций [15]. На ней присутствовали не только руководители организаций, но и представители отделений организаций «Беларусь-Польша» и «Польша-Беларусь», воеводств и областей, что содействовало более тесному налаживанию контактов.

Таким образом, культурное сотрудничество в 90-е гг. XX в. между Беларусью и Польшей развивалось довольно динамично, несмотря на экономические трудности в обеих странах, некоторые политические разногласия. Этому

содействовали созданная за эти годы договорно-правовая база и стремление двух соседних народов к взаимовыгодному сотрудничеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. *О культуре в Белорусской ССР*: Закон Белорусской ССР. 4 июля 1991 г. // Ведомости Верховного Совета БССР, 1991, № 20. – С. 294.
2. *Информация о некоторых вопросах культурного сотрудничества с Республикой Польша* / Текущий архив Министерства культуры РБ. Отчет отдела международных связей. – Польша. – С. 2.
3. *Соглашения между Правительством РБ и Правительством РП о сотрудничестве в области культуры, науки и образования от 27.11.1995* / Текущий архив Министерства культуры РБ.
4. *Шадурский В.Г.* Внешняя культурная политика Республики Беларусь: состояние и проблемы // Белорусский журнал международного права и международных отношений, 1998, № 4. – С. 55.
5. *Информация о проведении IV-го Всепопольского фестиваля «Белорусская песня – 97»* / Текущий архив Министерства культуры РБ. Отчет отдела международных связей. – Польша. – С. 8.
6. *Сычэўскі Ян.* Удзел Беларускага грамадска-культурнага таварыства ў цывілізацыйным дыялогу культур беларуска-польскага памежжа. Беларускія дыяспары як пасрэднікі ў дыялогу цывілізацый. – Мн., 2001. – С. 117.
7. *Мамонька Ул.* Чытайце «Беларускі каляндар» / Культура беларускага замежжа / Пад рэд. *А. Сабалеўскага*. – Кн. 2. – Мн., 1993. – С. 149.
8. *Пашкевич А.* Горячие ворота Белостотчины // Неман, 2000, № 12. – С. 248.
9. *Тычка Г.* Вачыма суседзяў: Беларуская літаратура ў Польшчы // Полымя, 2000, № 12. – С. 167.
10. *Информация о Союзе поляков* / Текущий архив Министерства культуры РБ. Отчет отдела международных связей. – Польша. – С. 5.
11. *Крывашэй В.А.* Культурныя стасункі з Польшчай Саюза палякаў на Беларусі / Чалавек. Этнос. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіона Беларусі. – Брэст, 1998. – С. 279.
12. *Уладыкоўская-Канаплянік Л.* Роля каталіцтва ў Беларуска-Польскім узаемадзеянні на сучасным этапе // Кантакты і дыялогі, 1999, № 6. – С. 11.
13. *Леваровская Я.В.* Отношения между основными этническими группами в белорусско-польском пограничье / Динамика социальных процессов в условиях государственной независимости. – Мн., 1995. – С. 113.
14. *Информация о сотрудничестве с Польшей* / Текущий архив Министерства культуры РБ. Отчет отдела международных связей. – Польша. – С. 15.
15. *Тугарын Л.* Беларусам і палякам жыць у сяброўстве // Звязда, 2000, 21 верасня.

S U M M A R Y

The article highlights the process of forming the legislative and contractual-legal basis for cultural cooperation between the Republic of Belarus and the Republic of Poland in 1990s. The increase in the number of the subjects of cultural cooperation is marked owing to public organizations in the first place. On the basis of documentary data the examples of numerous cultural events held by the Byelorussian Social-cultural Association, the Union of Poles, etc are presented. All this contributed to the mutual enrichment of both Byelorussian and Polish national cultures.

Поступила в редакцию 14.05.2004



УДК 37.013:364.3

П.И. Новицкий, М.В. Иванова

Волонтерство как актуальная педагогическая проблема в воспитательной работе высшего учебного заведения

Историческое начало развития волонтерского движения относят к концу XVIII – первой половине XIX века, когда в странах, находившихся на грани Первой мировой войны, формировались волонтерские батальоны из числа гражданского населения, добровольно поступавшего на военную службу, вливавшиеся в состав регулярной армии. В частности, такой страной была Франция, происхождением которой и обязано понятие «волонтер» (от франц. *volontaire* – доброволец) и, соответственно, – «волонтерство».

Впоследствии это понятие расширялось и видоизменялось. Сегодня любое добровольное гуманистическое движение считается волонтерским, и любой, кто добровольно и бескорыстно трудится на благо других, может называться волонтером. Волонтерское движение, в большей или меньшей степени проявления, имеет место практически во всех странах мира. Оно объединяет более 100 миллионов волонтеров, которые выполняют различные добрые дела, направленные на оказание безвозмездной посильной помощи обездоленным, инвалидам, престарелым, детям-сиротам и др. [1].

Стремительно набирает силу волонтерское движение и в Беларуси. Если в конце XX века в Республике Беларусь насчитывалось около одной тысячи волонтеров, то в настоящее время их число перешагнуло рубеж двадцати тысяч человек [2].

Наряду с социальной значимостью данного феномена волонтерство выступает эффективным средством и методом воспитательной работы с детьми и учащейся молодежью: гуманизации межличностных отношений, формирования высших нравственных чувств и социализации формирующейся личности в целом [1–3]. Как показывает мировая практика, волонтерская деятельность является значимой не только для получающих помощь, но и для оказывающих ее. Возможно, именно поэтому во многих вузах страны данное направление в воспитательной работе признается особенно значимым [4]. В основном волонтерская деятельность студентов белорусских вузов связана с работой в направлении профилактики СПИДа, наркомании, других зависимостей; охраны окружающей среды; организации ЗОЖ; разноплановой помощи ветеранам, детям-сиротам, инвалидам; охраны памятников культуры и истории и мн. др. Все большее развитие получают и международные волонтерские программы (образовательные, развивающие, интегрирующие, экологические и др.).

Несмотря на известную популярность волонтерства и достаточно существенный исторический возраст его развития в обществе, отношение и оценку

современной молодежи данного явления нельзя назвать устоявшимся, а их состояние требует систематического исследования. Тем более в Беларуси, где данное движение рассматривается как сравнительно новое и малоизученное социальное явление [2].

Актуальность таких исследований продиктована не только социальной, но и педагогической значимостью волонтерской деятельности в воспитательной работе с подрастающим поколением: формировании личностных и общественно значимых качеств у будущей молодой смены общества. В связи с чем отношение молодежи к данной деятельности, ее взгляды, позиции и активность ставят волонтерскую деятельность в число индикаторов, определяющих соответствующие цели (направления), средства и методы воспитательной работы в высших учебных заведениях.

Необходимость поддержания положительной динамики этих процессов, изучения и распространения опыта волонтерской деятельности повышают роль практических семинаров и научных конференций, проводимых непосредственно для студенческой молодежи. Примером таких мероприятий является международная научно-практическая конференция волонтеров «Состояние и проблемы волонтерского движения в сфере адаптивной физической культуры», состоявшаяся на базе Витебского госуниверситета им. П.М. Машерова 11–12 мая 2006 года [5–6]. Подготовку и проведение конференции осуществляли молодежные организации университета: Молодежный клуб адаптивной физической культуры и спорта «АФиС» и Первичная организация ОО «БРСМ» УО «ВГУ им. П.М. Машерова» с правами районного комитета. В конференции приняли участие волонтеры различных молодежных организаций, клубов, объединений высших учебных заведений Республики Беларусь, ученые, преподаватели и студенты. Среди основных задач, актуализирующих проведение подобных молодежных форумов, организаторы конференции выделили следующие:

- создание в обществе полноты представлений о возможностях и проблемах жизнедеятельности лиц с особенностями психофизического развития, различных групп населения, нуждающихся в социальной помощи и поддержке;
- формирование у молодого поколения адекватного отношения к людям, имеющим устойчивые отклонения в состоянии здоровья, и инвалидам, воспитание активной позиции в оказании внимания, поддержки и помощи всем нуждающимся в этом членам общества;
- изучение и распространение практического опыта волонтерской деятельности студенческой молодежи, широкое внедрение идеи волонтерства в работу учебных заведений как эффективное направление идейно-воспитательной работы с молодежью;
- широкое и глубокое исследование воспитательного феномена волонтерства.

Связь перечисленных задач с определенными проблемами их решения подтверждается результатами проведенного нами социологического исследования, частично представленными ниже. В исследовании приняли участие 566 студентов I–IV курса различных факультетов, обучающихся в государственном университете. Основные задачи работы заключались в том, чтобы выяснить (посредством анкетирования) понимание студенческой молодежью сущности волонтерской деятельности и личное отношение к ней; какое общественное, в том числе воспитательное, значение, имеет сегодня волонтерство в представлении молодых людей.

Результаты анкетирования показывают, что преобладающая часть опрошенных студентов (70%) имеет достаточно правильное представление о сущности волонтерства и тех, кто его осуществляет. У третьей части опрошенных (30%) такие представления отсутствовали или были неверными. По-

ловина респондентов (50%) считают, что волонтерство на современном этапе развития общества относится к числу значимых общественных явлений, 5% – так не считают, 45% – не имеют по этому вопросу определенной точки зрения («затруднились с ответом»).

Среди категорий населения, нуждающихся в государственной помощи и поддержке, 59% студентов выделили детей-сирот, 50% – инвалидов, 33% – пожилых и одиноких пенсионеров, 17% – детей с особенностями психофизического развития (ОПФР), по 2% – беженцев, людей, нуждающихся в материальных средствах на проведение лечения, и людей, вышедших из мест лишения свободы.

Обращает внимание, что студенты не в полной мере отразили палитру известных в обществе групп населения, нуждающихся в помощи и социальной поддержке. Нельзя не отметить и дифференциацию студентами внимания к названным ими группам населения. Например, наибольший процент студентов указывает на необходимость оказания внимания в первую очередь детям-сиротам и намного меньшее количество студентов говорят об этом в отношении детей с ОПФР. С одной стороны, это, вероятно, связано с тем, что о таких категориях, как дети-сироты, часто говорят по телевидению, радио и в других средствах массовой информации.

Однако, в настоящее время в не меньшей степени в СМИ присутствует и информация, касающаяся непосредственно детей с ОПФР (нарушением зрения, слуха, умственного, двигательного развития и др.). Естественно, информационно в массовой практике выражение «дети с ОПФР» озвучивается в разумной мере (чаще о них говорят, как о «детях с особенностями или проблемами в развитии», не уточняя дефекты). Однако, при соответствующем внимании к проблемам этих детей, поднимаемым на страницах прессы, в радио- и телепередачах, сформированность представлений у молодых людей о такой категории населения могла бы быть вполне определенной. Впрочем, более существенным для педагогического анализа, на наш взгляд, является сам факт определения студентами степени («очередности») внимания и поддержки, которые необходимо уделить тем или иным категориям населения. Наиболее гуманную позицию, предполагающую равное внимание и поддержку всем нуждающимся в помощи, в анкетировании увидеть не удалось. В то же время у абсолютного большинства респондентов (94%) больные и одинокие люди, инвалиды и др. вызывают чувство сострадания, жалости и желание помочь.

Волонтерская помощь, которую студенты реально, на их взгляд, могут оказать, следующая: сбор материальных средств для нуждающихся, игрушек для детских домов, помощь в организации и проведении спортивного или культурного мероприятия, помощь в быту одиноким пенсионерам. При этом на вопрос «Вы хотели бы стать волонтером и систематически помогать нуждающимся?» утвердительно ответили лишь четверть принявших в анкетировании студентов I–II курсов и только половина четверокурсников (табл.).

Определенная часть опрошенных студентов уже сталкивалась с волонтерской деятельностью (от 5% до 40% на разных факультетах), но большинство респондентов (от 60% до 95% в зависимости от факультета и курса) указывает, что никогда в рамках организованных мероприятий с волонтерской деятельностью не соприкасались.

Налицо пробел в постановке и решении вопросов волонтерства в довузовской (школьной) практике воспитательной работы. Первокурсники, указавшие, что имеют опыт волонтерства, в абсолютном большинстве впервые столкнулись с волонтерством в рамках университетских мероприятий. Следует заметить, что, к сожалению, и в воспитательной работе многих вузов такие мероприятия часто выступают лишь как разовые (плановые) инициативы, не

перерастающие в организованную, систематическую деятельность студентов в рамках конкретной организации или клуба с постоянным приобщением к волонтерству широкого круга новых участников.

Таблица

Некоторые результаты анкеты «Волонтерство XXI века глазами студентов» (количество респондентов в %)

| Вопросы | | Да | Нет | Затрудняюсь ответить |
|---|------------------|------|-------|----------------------|
| Высока ли значимость волонтерства в XXI веке? | | 50 | 5 | 45 |
| Вызывают ли у вас чувство сострадания инвалиды, больные и одинокие люди? | | 94 | 1 | 5 |
| Вы хотели бы стать волонтером и помогать нуждающимся? | I курс | 25 | 25 | 50 |
| | II курс | 26 | 69 | 5 |
| | IV курс | 50 | 50 | — |
| Принимали ли вы участие в волонтерском мероприятии? | | 5–40 | 60–95 | — |
| Целесообразно ли привлечение студентов к волонтерской деятельности? | | 79 | 4 | 17 |
| Из каких источников вы узнаете о волонтерстве? | Из СМИ | 90 | | |
| | От преподавателя | 10 | | |
| Способствует ли волонтерство развитию межличностных отношений и формированию морально-нравственных качеств? | | 83 | 2 | 15 |

Не нашли также должного практического решения вопросы организации просвещения и агитации волонтерства в вузе. На вопрос «Из каких источников вы узнаете о волонтерстве?» 90% респондентов назвали средства массовой информации (газеты, радио, телевидение). От преподавателей в процессе получения образования такие знания приобрели только 10% опрошенных.

Между тем, 79% студентов считает, что привлекать молодежь к волонтерской деятельности, в процессе обучения в вузе целесообразно. Эта деятельность, несомненно, будет способствовать формированию и усилению гуманистических начал в личности, укреплению межличностных отношений, утверждает 83% респондентов.

Таким образом, резюмируя представленные выше результаты проведенного нами исследования, следует констатировать, что, несмотря на известную в теории и практике воспитания молодежи значимость волонтерской деятельности, у определенной части современного студенчества отмечаются:

– несформированность адекватной оценки социального статуса волонтерства;

– позитивное отношение к волонтерской деятельности, носящее декларативный характер, не подкрепленный практической готовностью добровольно принять в ней участие;

– отсутствие практического опыта участия в организованных благотворительных делах и акциях, проводимых для лиц, нуждающихся в социальной защите государства и поддержке общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mariusz Damentko*. Wolontariusze w Olimpiadach Specjalnych / Состояние и проблемы волонтерского движения в сфере адаптивной физической культуры: Материалы международной научно-практической конференции. – Витебск, 2006. – С. 11–14.
2. *Кудрицкий Ю.В., Осипук Г.М.* Роль волонтерского движения в духовном возрождении молодежи / Состояние и проблемы волонтерского движения в сфере адаптивной физической культуры: Материалы международной научно-практической конференции. – Витебск, 2006. – С. 30–31.
3. *Шагинова В.А.* Волонтерская деятельность как условие эффективной социализации студентов-сирот / Состояние и проблемы волонтерского движения в сфере адаптивной физической культуры: Материалы международной научно-практической конференции. – Витебск, 2006. – С. 26–27.
4. *Якубович Е.Л.* Организация волонтерской деятельности как важный фактор воспитания студенческой молодежи / Состояние и проблемы волонтерского движения в сфере адаптивной физической культуры: Материалы международной научно-практической конференции. – Витебск, 2006. – С. 31–35.
5. *Пожарская А.* Вместе с волонтерами // Віцебскі рабочы, № 58(21417), 20 мая 2006. – С. 4.
6. *Фенченко А.* Волонтеры из России и Украины // Витебский курьер, № 38(1257), 23 мая 2006. – С. 3.

S U M M A R Y

In the article the role and the problems of the usage of volunteer activities in the educational work at a higher educational establishment are revealed.

Поступила в редакцию 17.05.2006

УДК 376(091)

Т.В. Корзунова

Предпосылки развития специального образования Республики Беларусь в условиях трансформации современного общества

На современном этапе исторического развития для становления независимой Беларуси особое значение приобретает развитие сферы образования, так как именно качество образования является одним из факторов, определяющих позиции государства в мировом сообществе. В Беларуси, бедной природными ресурсами, полезными ископаемыми, интеллектуальный ресурс становится основным источником социально-экономического прогресса и ду-

ховного развития общества [1]. Необходимо отметить, что сегодня сфера образования является одним из приоритетных направлений в развитии государства. На нужды образования выделяется 10% от ВВП (для сравнения: в 1999 г. – 5,9% от ВВП) [2–3]. Пристального внимания к себе требует *специальное образование*, под которым понимается процесс обучения и воспитания лиц с особенностями психофизического развития, включающий специальные условия для получения соответствующего образования, оказание коррекционной помощи, социальную адаптацию и интеграцию указанных лиц в общество [4]. Возможность получения образования лицами с особыми образовательными потребностями является важнейшим компонентом их социальной защиты и будет свидетельствовать о более высоком духовном, культурном уровне развития общества.

Развитие специального образования в Республике Беларусь в первой половине 90-х гг., после распада Советского Союза, происходило в неблагоприятных условиях. Были разрушены торгово-экономические связи и отношения между бывшими советскими республиками, ухудшалась общая экономическая и социальная ситуация в Беларуси. Положение еще более осложнялось тем, что все расходы, связанные с преодолением последствий аварии на Чернобыльской АЭС, полностью легли на Беларусь. Все это сдерживало развитие сети учреждений образования специального и общего назначения, предоставляющих специальные коррекционно-образовательные услуги; оставался низким процент охвата детей системой специального образования. Актуализировалась необходимость содержательного и структурного преобразования системы специального образования, направленного на повышение ее качества и позволяющего лицам с особенностями психофизического развития конкурировать на рынке труда, адаптироваться в социуме, самореализоваться.

Одной из *предпосылок* развития системы специального образования стало *осложнение демографической ситуации в республике*, вызванное снижением уровня жизни населения, экономическими трудностями, ухудшением экологической обстановки.

Так, рождаемость снизилась с 142708 человек в 1990 г. до 89116 человек в 2003 г., т.е. на 53592 человека или на 37,55%. Снижение рождаемости привело к сокращению доли детского населения (0–17 лет) в общей численности жителей республики с 27,19% в 1991 году до 25,53% в 1998 году и до 21,9% в 2003 году. Принципиально важно, что на фоне сокращения доли детского населения наблюдается увеличение количества рождений больных детей. Процент детей, родившихся больными и заболевших, вырос с 11,9% в 1990 г. до 21,1% в 2003 г. Увеличилось количество новорожденных с врожденными аномалиями (с 1,7% до 2,2%), перенесших внутриматочную гипоксию и асфиксию при родах (с 3,5% до 6,7%), родовые травмы (с 0,7% до 3,0%). Следует отметить, что вышеназванные нарушения в развитии плода зачастую становятся причиной возникновения детского церебрального паралича, задержки психического развития, нарушений слуха и речи. За рассматриваемый период увеличилось количество детей, впервые признанных инвалидами в связи с заболеваниями эндокринной системы, болезнями крови, органов пищеварения, костно-мышечной системы и соединительной ткани, врожденными аномалиями.

Увеличение количества детей с особенностями психофизического развития вызвало потребность количественного и качественного совершенствования сети учреждений образования специального назначения, создания вариативной и дифференцированной системы специального образования. Получило распространение интегрированное обучение, что позволяет значительному количеству детей с особыми образовательными потребностями обучаться по месту жительства, без отрыва от семьи. Ухудшение состояния здо-

ровья детей предопределило необходимость реализации учебно-воспитательного процесса в соответствии с индивидуальными реабилитационными и коррекционными программами. Организация круглогодичного оздоровления, реабилитации, санаторно-курортного лечения детей и подростков, потерявших в результате катастрофы на ЧАЭС, потребовала создания в этих учреждениях условий, необходимых для получения ими специального образования.

Следующей *предпосылкой*, оказавшей существенное влияние на развитие специального образования, стала *трансформация социокультурной ситуации в республике*, которая в начале 1990-х гг. характеризовалась тенденциями переходного характера. Переход от коммунистического, тоталитарного общества к гражданскому, демократическому, интеграция в мировое сообщество, строительство правового государства обусловили необходимость изменения стереотипа по отношению к лицам с особенностями психофизического развития как к «неполноценным», «иждивенцам», не способным к обучению. Признание их равенства, свобод, прав, в том числе их права на образование, нашло свое отражение в ряде нормативно-законодательных и программных документов Республики Беларусь: Конституции Республики Беларусь (1994 г.), Законе «О правах ребенка» (1993 г.), Законе «Об образовании лиц с особенностями психофизического развития (специальном образовании)» (2004 г.), президентской программе «Дети Беларуси» на 1997–2000 гг., на 2001–2005 гг. и др. Тем не менее и сегодня наблюдается неготовность некоторой части общества к принятию людей с особенностями в развитии. Это подтверждают факты употребления терминов с негативным оттенком по отношению к лицам с особенностями психофизического развития, отсутствие безбарьерной среды жизнедеятельности, настороженное отношение к интегрированному обучению и др.

Среди *предпосылок*, оказавших влияние на развитие отечественного специального образования, следует выделить *демократизацию общества*, тесно связанную с формированием нового типа личности, способной жить в новых условиях развития рынка высоких технологий, в динамично развивающемся обществе [5–8]. На наш взгляд, духовной основой такого типа личности, обуславливающей ее цельность и полноту, является *формирование национальной идентичности*, национального самосознания. Именно поэтому после распада СССР с особой остротой встала необходимость приобретения государственной независимости и суверенитета, что привело к переходу от старых способов самоидентификации населения республики к новым формам национальной идентичности, потребности возрождения исторической памяти белорусов, преодолению размытости национальной культуры через изучение истории, культуры, традиций своего народа, воспитание патриотических чувств у молодого поколения [1, с. 123; 7]. Направленность государственной политики на построение высококультурного, высокообразованного общества отмечает Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко: «Национальную культуру мы рассматриваем как важнейший стратегический ресурс государства... Без высокой культуры не может быть эффективной экономики. Цивилизованная экономика нам нужна, а таковую создаст только высококультурный, образованный человек. Таким образом, культура становится основой всего общества. Бескультурное, безнравственное общество не может создать ни плановую, ни рыночную, ни смешанную экономику... Культурный потенциал – важнейший показатель международного авторитета нашего государства» [9].

Исследование показало, что возрождение национальной культуры обусловило необходимость переосмысления сущности специального образования с позиции национальных идей, традиций, ценностей. Например, такие ценности белорусов, как милосердие, сострадание, терпимость, противоречили возникшему и распространенному в советское время негативному стереотипу по

отношению к лицам с нарушениями в развитии. Национальная идея об ответственности родителей за образование своего ребенка, традиции белорусов в сфере семейного воспитания, сложившиеся и устоявшиеся на протяжении веков, определили необходимость признания семьи как наиболее благоприятной среды жизнедеятельности для ребенка. Нельзя не отметить начавшийся в республике с середины 90-х гг. процесс разработки для воспитанников и учащихся с особенностями психофизического развития национальных учебников, программ, учебно-методических пособий, отражающих национальные особенности и построенных с учетом отечественного и зарубежного передового педагогического опыта.

Разрушение советской идеологии, обесценивание ранее существовавшей системы ценностей при отсутствии новой, экономический кризис привели к увеличению количества правонарушений несовершеннолетних, катастрофическому росту подростков, которые нигде не учатся и не работают, к неорганизованности свободного времени молодежи, падению престижа образования [10; 3, с. 147]. Так, общее количество учащихся, совершивших преступления, увеличилось с 4,5 тыс. чел. в 1990 г. до 5,1 тыс. чел. в 2002 г. Следует отметить, что учащиеся с нарушениями интеллекта в силу своей повышенной внушаемости легко поддаются чуждому влиянию и под воздействием криминальной части общества совершают правонарушения, преступления, не вполне отдавая себе отчет о происходящем. В связи с этим одним из приоритетных направлений в деятельности белорусского государства стала разработка и реализация государственной молодежной политики, важнейшими вопросами которой являются духовно-нравственное и патриотическое воспитание подрастающего поколения. Поэтому одной из главных целей системы специального образования стала социальная адаптация ребенка с особенностями психофизического развития в обществе, включающая в себя не только получение определенных знаний, умений и навыков, но и усвоение норм и правил поведения, нахождение своего места в социуме.

Стабилизацию экономической и социальной ситуации в Беларуси во второй половине 90-х гг. можно рассматривать как одну из важнейших *предпосылок* развития специального образования. Произошло улучшение основных социально-экономических показателей уровня жизни населения, таких, как денежные доходы населения, реально начисленная заработная плата, размер назначенной месячной пенсии. Стабилизация экономической ситуации позволила государству разработать и реализовать целостную систему мер правового, организационно-управленческого, научного, информационного, кадрового характера, направленную на оказание необходимой помощи слабо защищенным слоям населения. Например, особой поддержкой государства пользуются инвалиды, лица с особенностями психофизического развития и их семьи. Согласно действующему законодательству им предоставляются льготы на оздоровление, приобретение медикаментов, жилья, при поступлении в высшие и средние специальные учебные заведения, за пользование учебно-методической литературой при получении образования. Все это повышает социальную защищенность данной категории лиц и создает дополнительные социальные гарантии при получении образования. Стало возможным массовое распространение классов и групп интегрированного обучения, центров коррекционно-развивающего обучения и реабилитации, требующее немалых финансово-экономических затрат, связанных с обеспечением учреждений квалифицированными дефектологическими кадрами, соответствующим оборудованием и т.д.

Таким образом, развитие специального образования Беларуси происходит в непростых условиях, характеризующихся духовным кризисом, сменой

идеологии, разрушением господствовавшей системы ценностей в обществе начала 90-х гг. XX ст.

Увеличение количества детей с особенностями психофизического развития, с одной стороны, и начавшаяся демократизация общества, вхождение Беларуси в мировое образовательное пространство, с другой стороны, обострили необходимость реформирования специального образования республики. Социально-экономический кризис, переживаемый республикой, препятствовал демократизации, гуманизации сферы специального образования, созданию вариативной, дифференцированной системы специального образования, учитывающей особые образовательные потребности данной категории детей и позволяющей им выстраивать собственную образовательную программу, направленную на получение соответствующего образования, социальную адаптацию и самореализацию личности.

В настоящее время развитие системы специального образования происходит в условиях стабилизации экономического положения, построения социально ориентированной рыночной экономики. В связи с этим важнейшей социокультурной особенностью развития Беларуси является построение демократического общества с опорой на национальные традиции, что, в свою очередь, выступает основой гуманистических процессов, происходящих в обществе в целом, в том числе и в системе специального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Канцэпцыя адукацыі і выхавання ў Беларусі* // Адукацыя і выхаванне, 1993, № 12. – С. 121.
2. *Мир и Беларусь: Аспекты устойчивого развития*. – Мн., 2003. – 171 с.
3. *Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2003* (Стат. сб.). – Мн., 2003. – 607 с.
4. *Закон Республики Беларусь «Об образовании лиц с особенностями психофизического развития (специальном образовании)»* от 18 мая 2004 г. № 285-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2004 г., № 87, 2/1034.
5. *Гусаковский М.А.* Концепция национальной школы // Адукацыя і выхаванне, 1992, № 1. – С. 51.
6. *Латыш Н.И.* Образование на рубеже веков: Монография / Министерство образования РБ. Национальный институт образования. – 2-е изд., доп. – Мн., 2000. – 215 с.
7. *Канцэпцыя нацыянальнай школы Беларусі* // Адукацыя і выхаванне, 1995, № 10. – С. 94.
8. *Тэарэтычныя падставы канцэпцыі нацыянальнай школы Рэспублікі Беларусь* // Адукацыя і выхаванне, 1992, № 12. – С. 21–27.
9. *Национальная культура – важнейший стратегический ресурс Белорусского государства: Материалы республиканского совещания «О мерах по решению проблем культуры и искусства»*, Минск, 1 февраля 2001 г. – Мн., 2001. – С. 10–11.
10. *Первичный периодический доклад Республики Беларусь об осуществлении положений конвенции ООН «О правах ребенка»* // Адукацыя і выхаванне, 1993, № 1. – С. 83.

S U M M A R Y

The article deals with the urgent issues of the development of the vocational educational system in the Republic of Belarus. Development trends of modern society and their influence on the development of the vocational educational system are analyzed.

Поступила в редакцию 16.01.2006

Н.Ю. Андрущенко

Становление и развитие института социальной педагогики в Республике Беларусь (1990–2007 гг.) *

Проблема изучения истории отечественной социальной педагогики, не смотря на актуальность, имеет много неизученных вопросов. Среди них – становление и развитие института социальной педагогики в Республике Беларусь (1990–2007 гг.). Разработка вышеобозначенной проблемы требует определения теоретико-методологических основ ее исследования.

Представленная нами структурно-иерархическая модель теоретико-методологических основ исследования проблемы становления и развития института социальной педагогики в Республике Беларусь (1990–2007 гг.) (рис. 1), включает в себя несколько уровней: (общеметодологический – философский; общенаучный; конкретно-научный, т.е. социально-педагогический; технологический), которым в свою очередь соответствуют свои принципы и методы изучения действительности. Использование именно такой модели теоретико-методологических основ обусловлено тем фактом, что проблема исследования носит междисциплинарный характер и для их решения необходима совокупность различных знаний о человеке, обществе, культуре. Поэтому, помимо специальных, мы используем и другие научные знания – педагогические, социологические, политологические. Однако фундамент теоретико-методологических основ нашего исследования образует философский уровень, который помог концептуально обозначить его научный аппарат.

Таким образом, *первый уровень* методологии нашего исследования – *философский*. Он включает основные **принципы материалистической диалектики**: единства и борьбы противоположностей, переход количества в качество, отрицание отрицания, причины и следствия. *Второй уровень* – промежуточный между философским и конкретно-научным – *общенаучный*. Среди общенаучных принципов, использованных нами в работе, следует выделить: **принцип системности**, позволяющий рассматривать институт социальной педагогики как динамически развивающуюся систему и обуславливающий получение целостного представления об изучаемом объекте, а также отдельных его компонентов в их связи и взаимосвязи; **принцип взаимосвязи логического и исторического**, дающий возможность проследить историю института социальной педагогики в триаде прошлое-настоящее-будущее, т.е. в процессе его становления и развития; **принцип всеобщей связи**, предусматривающий изучение института социальной педагогики во взаимосвязи с экономической, политической, культурной, образовательной сферами жизнедеятельности, что позволяет раскрыть особенности и тенденции развития, а также выявить исторические, социальные, педагогические корни изучаемого объекта; **принцип объективности**, обеспечивающий возможность получения

* Теоретико-методологические основы исследования.

достоверного научного знания, всесторонне изучая институт социальной педагогики, используя разнообразные методы исследования [1; 2].

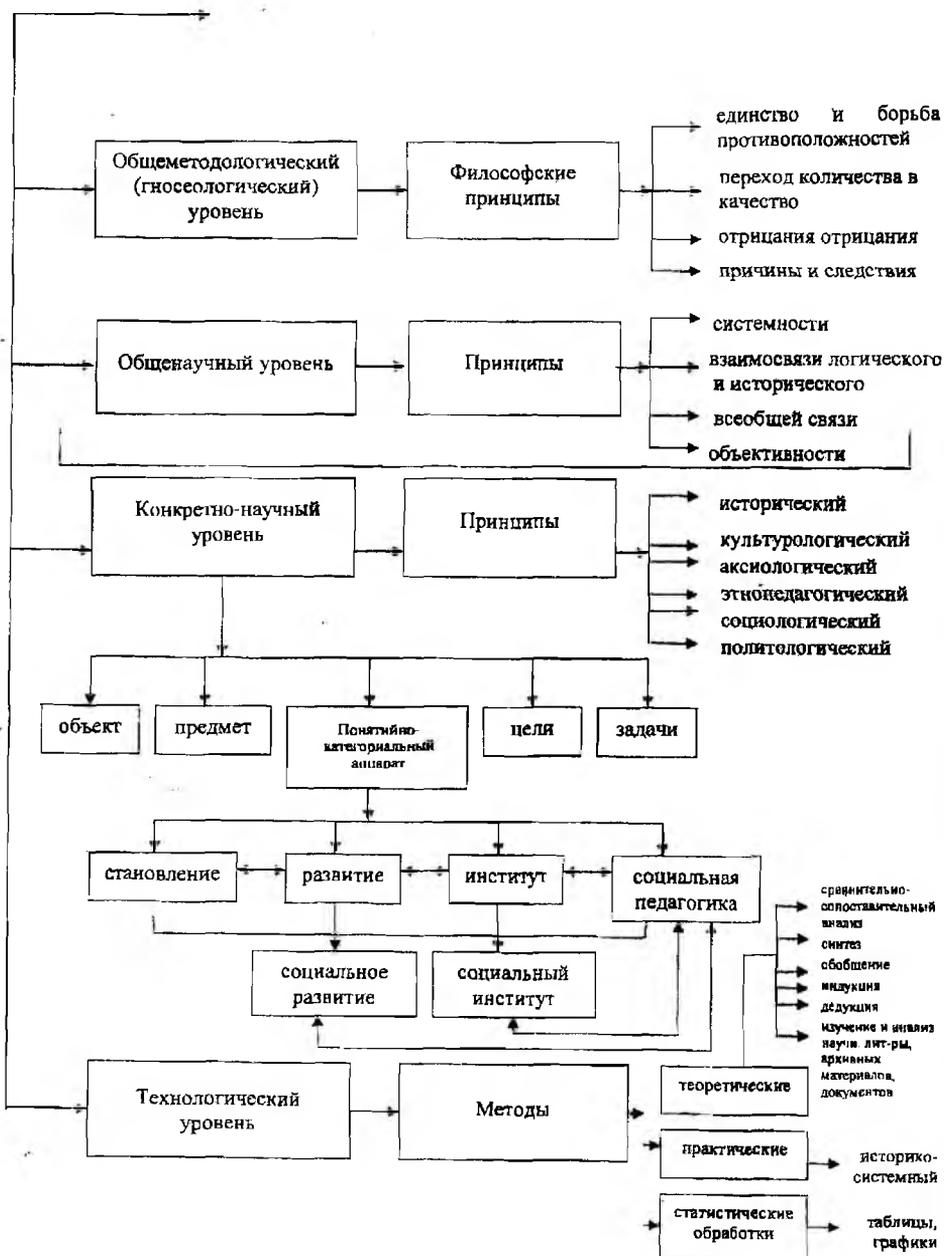


Рис. 1. Структурно-иерархическая модель теоретико-методологических основ исследования проблемы становления и развития института социальной педагогики в Республике Беларусь (1990–2007 гг.).

Третий уровень – конкретно-научный, т.е. социально-педагогический. Данный уровень методологии исследования представлен совокупностью принципов, необходимых для достижения поставленных в исследовании це-

лей, исходя из межпредметных связей социальной педагогики с другими науками. Так, использование нами **культурологического принципа** объясняется тем, что институт социальной педагогики, с одной стороны, специализированная часть культуры, обеспечивающая передачу накопленного в обществе социально значимого опыта, способствующая социализации подрастающего поколения, с другой – особая субкультура, функционирование и развитие которой поддерживается целенаправленным развитием теоретических и практических основ социальной педагогики; системой подготовки и переподготовки профессиональных кадров; разработкой нормативно-правовой базы в области социальной педагогики и др. Из вышеобозначенного принципа вытекает еще один важный методологический принцип исследования – **аксиологический**. Все человечество, каждый народ и каждое поколение всегда находятся на определенной ступени развития культуры – это опыт, идеи, традиции, которые можно рассматривать как ценностно значимый результат развития народа. Для становления и развития института социальной педагогики огромное значение имеет изучение, творческое переосмысление и применение этого наследия. С вышеназванными тесно взаимосвязан такой методологический принцип, как **этнопедагогический**. С помощью этого принципа мы попытались выявить истоки социальной педагогики и рассмотреть ее развитие с учетом национальных особенностей. Стержневым методологическим принципом исследования является принцип **конкретного историко-педагогического изучения социально-педагогических явлений** во всем многообразии их связей и взаимозависимостей [3–6].

Методологическую основу нашего исследования, помимо рассмотренных выше принципов, составляет разработанный нами понятийно-категориальный аппарат, который включает в качестве определяющих такие понятия, как становление, развитие, институт социальной педагогики. Изучение и сравнительно-сопоставительный анализ данных понятий позволит с научных позиций и в определенной логике раскрыть сущность изучаемой проблемы.

Также теоретическую базу исследования составили:

– основные положения общенаучной методологии (В.В. Ильин, В.А. Лекторский, В.Г. Кохановский, В.И. Кузнецов, Э.Г. Юдин);

– основные положения методологии педагогики (Ю.К. Бабанский, В.И. Журавлев, В.И. Загвязинский, И.М. Кантор, В.В. Краевский, М.Н. Скаткин);

– труды философов (Н.А. Бердяев, Б.С. Гершунский, Г.Н. Филонов, К. Маркс, Ж. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др.);

– труды психологов (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, А.Н. Леонтьев, А. Маслоу, К. Роджерс и др.);

– труды педагогов (В.Г. Афанасьев, В.П. Беспалько, Е.В. Бондаревская, В.И. Кочетов, Б.Т. Лихачев, А.П. Орлова, М. Ричмонд, В.А. Сластенин, И.Ф. Харламов, В.Д. Шадриков, Ф.Г. Шервиш, Г. Шмидт и др.);

– общетеоретические социально-педагогические идеи и концепции белорусских просветителей и ученых (Е. Полоцкая, К. Туровский, Н. Гусовский, Ф. Скорина, Я.Л. Намысловский, С. Полоцкий, К. Лыщинский, Ф. Бохвиц, А. Довгирд, А.Я. Богданович, Ф.А. Кудринский, Д.А. Сцелуро, Я. Колас, Я. Кулала, Э. Пашкевич, П.М. Лепешинский, Г.А. Бутрим, В.Н. Кенгурова, В.Н. Клипина, А.И. Левко, Ж.И. Мицкевич, А.С. Никончук, М.А. Станица, А.И. Тэсля и др.);

– русских ученых (М.В. Ломоносов, А.Н. Радищев, Н.И. Пирогов, В.Г. Белинский, К.Д. Ушинский, П.П. Блонский, В.П. Вахтеров, К.Н. Вентцель, С.И. Гессен, В.В. Зеньковский, П.Ф. Каптерев, П.Ф. Лесгафт, В.Н. Сорока-Росинский, С.Т. Шацкий, В.Н. Шульгин и др.);

– зарубежных философов и ученых (Платон, Аристотель, В. Да-Фельтре, Т. Мор, Э. Роттердамский, М. Монтень, Ф. Рабле, Т. Кампанелла, Я.А. Комен-

ский, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо, К. Гельвеций, А. Дистервег, Д. Дидро, Э. Дюркгейм, И.Г. Песталоцци, Р. Оуэн, П. Наторп, Г. Боймер, Е. Борнеманн, Д. Пелле-гер, Г. Ноль, К. Молленхауэр, Т. Захарук, А. Клим-Климашевская и др.).

Кроме того, работа над избранной проблемой потребовала учета результатов, которые были получены в ходе диссертационных исследований А.В. Арнаутовым, З.Б. Багатовой, Ю.Н. Галагузовой, М.Д. Горячевым, О.В. Дмитриевой, Н.Ю. Клименко, Н.Е. Королевой, Р.М. Куличенко, Л.Е. Ники-тиной, Т.П. Пичушкиной, И.И. Рябовым, Г.В. Третьяковой, Г.Н. Штиновой.



Рис. 2. Институт социальной педагогики в Республике Беларусь.

Наряду с научными принципами, понятийно-категориальным аппаратом, концепциями важной составляющей методологических основ исследования являются нормативно-правовые документы Республики Беларусь в области социальной педагогики. К ним можно отнести: Конституцию Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «Об образовании», Закон Республики Беларусь «О правах ребенка», Концепцию воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, Образовательный стандарт Республики Беларусь по подготовке социальных педагогов, Квалификационную характеристику социального педагога-психолога и др.

Формированию авторского представления об исследуемом предмете помимо теоретико-методологических основ способствовал и историко-педагогический подход к заявленной проблеме, который позволит наиболее полно выявить сущность исследуемой проблемы. Именно историко-педагогический подход дает возможность утверждать, что на протяжении многих столетий осуществлялся процесс развития социально-педагогической мысли и практики. Здесь мы преднамеренно не говорим о становлении и развитии *института социальной педагогики*, поскольку длительное время теоретические идеи социальной педагогики разрабатывались в рамках других наук (педагогика, педология и др.), а практическая социально-педагогическая деятельность осуществлялась в иных формах (благотворительность, милосердие и т.п.). Говорить о становлении и развитии института социальной педагогики в Республике Беларусь позволяет факт признания в 90-е годы XX столетия социальной педагогики в качестве самостоятельной научной области знания, разработка теории, целенаправленное осуществление социально-педагогической деятельности, подготовка соответствующих специалистов.

Еще одним доказательством развития именно *института социальной педагогики* (рис. 2) является то, что ему (с точки зрения социологии) присущи параметры, характеризующие его как институт (социальный институт). К ним можно отнести: наличие общественных ценностей (целей), общественных процедур (норм и образцов поведения), системы социальных связей (статусов, ролей) и функций. Кроме того, институт социальной педагогики обладает материальными средствами и условиями, обеспечивающими выполнение целей, нормативных предписаний и функций.

Таким образом, институт социальной педагогики – это качественно новая, относительно устойчивая форма организации и регулирования профессиональной, научной, практической деятельности и отношений в области социальной педагогики. Деятельность института социальной педагогики обусловлена социальным заказом со стороны государства и направлена на удовлетворение потребностей семьи и ребенка. Тем самым она способствует стабилизации социальных отношений не только в семье и учебных заведениях, но и в обществе в целом. В связи с тем, что институт социальной педагогики является важнейшим образованием в системе общественных отношений, то его развитие обусловлено многочисленными условиями и факторами, которые определяют особенности и тенденции его функционирования.

Разработанная нами модель теоретико-методологических основ исследования может быть использована при изучении исторических аспектов социальной педагогики, поскольку она построена на общих положениях методологии с учетом специфики социально-педагогического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Загвязинский В.И.** Методология и методы психолого-педагогического исследования. – М., 2001. – 208 с.
2. **Философский энциклопедический словарь.** – М., 1997. – 576 с.

3. *Дубянецкі Э.С.* Культуралогія: Энцыклапедычны даведнік. – Мн., 2003. – 383 с.
4. *Арлова Г.П.* Беларуская народная педагогіка. – Мн., 1993. – 120 с.
5. *Захарук Т., Пытка Л.* Обусловеност и размери на неприспособяване на децата и младежите към обществото. – София, 2003. – С. 246–261.
6. *Клим-Климашевская А.* Компетентност и лични качества на социалния работник. – София, 2003. – С. 81–85.

S U M M A R Y

The article deals with the theoretic and methodological fundamentals of studying the problem of the development of social pedagogy in the Republic of Belarus in 1990–2007. In particular the author emphasizes the levels, principles, methods of the structural hierarchical model of theoretical methodological foundations of the research into the defined problem.

Поступила в редакцию 15.12.2005

УДК 377

В.И. Ноздрия-Плотницкий

Некоторые аспекты исследования понятий «профессия» и «специалист»

Современному обществу необходима подготовка высококвалифицированных кадров. Выпускник высшей школы должен уверенно владеть приемами и видами квалифицированного труда, знать социально-экономические факторы развития общества, активно участвовать в управлении делами коллектива, уметь на высоком профессиональном уровне пользоваться информационными технологиями и телекоммуникационными средствами связи. Молодой человек, окончивший вуз, должен приходить в трудовой коллектив сформированным специалистом, обладать общей и профессиональной культурой трудовой деятельности, развитыми личностными качествами, ценностными ориентациями, предприимчивостью и мобильностью, социальной зрелостью.

Переход к рынку, изменения квалификационного состава работающих требуют нового содержания профессионального образования, внедрения новых педагогических систем в профессиональной подготовке.

Анализ результатов обученности выпускников вузов и ссузов показал, что образовательные стандарты не в полном объеме обеспечивают осознание молодыми людьми реальных связей между социальными и профессиональными целями, изменяющимися позитивные внутренние позиции самих выпускников. В связи с этим возникает проблема введения в процесс обучения научно обоснованной технологии в условиях многоуровневого профессионального непрерывного образования, которая обеспечивала бы поэтапное продвижение личности в профессиональной деятельности, внесение изменений в содержание стандартов, разработку и внедрение организационно-

педагогических условий осуществления образовательного процесса, направленного на формирование профессионализма у студентов по стадиям и ступеням обучения в вузе. Перечисленные факторы оказывают влияние на качество профессионального образования, которое обеспечивает конкурентоспособность, коммуникативность и профессиональную мобильность, компетентность, образованность, культурное и физическое развитие.

Рыночная экономика предъявляет свои требования к качеству подготовки специалистов. Работник оказывается подвластным колебаниям спроса и предложения на рынке труда. В условиях жесткой конкуренции современный специалист должен найти спрос на рынке труда. Основными факторами, влияющими на трудоустройство, являются: адаптивность специалиста к изменяющимся экономическим условиям; высокий профессионализм и профессиональная мобильность, универсализация работника.

Для исследования понятия «профессионал» необходимо остановиться на том, что означает понятие «профессия», так как именно оно раскрывает основную суть профессиональной деятельности.

Единого определения понятия «профессия» не существует, оно многозначно: «профессия – общность всех людей, занятых данным видом труда» [1]; «система знаний, умений и навыков, присущая определенному человеку» [2]; род трудовой деятельности, занятий, требующий определенной подготовки и являющийся обычно источником существования [3] и т.д. В комментарии к Трудовому кодексу Республики Беларусь «профессия» определяется как род трудовой деятельности, требующий определенных знаний и навыков, приобретенных путем обучения и практического опыта [4].

По нашему мнению, данные определения могут быть взяты за основу, так как «профессия» – это не только род деятельности, требующий определенных знаний и навыков, приобретенных путем обучения и практического опыта, но и профессиональное становление, самоопределение, культурное развитие личности и ее востребованность.

Академик А.П. Беляева считает, что «профессия» не только вид деятельности, она трансформирует социально-профессиональное становление, социально-психологическое самоопределение, культурное развитие, эмоциональное состояние, потребностно оценочную востребованность [5].

Значения понятия «профессия» в совокупности раскрывают социальную, экономическую, правовую, психологическую и физиологическую сущность профессии как сложного многопризнакового явления.

Сфера образования, в особенности профессионального, может анализироваться как институт производства профессий. Именно в системе образования осуществляется подготовка высококвалифицированных специалистов.

Переход к рыночной экономике предъявляет новые требования к системе образования. Выделим основные направления реформирования профессионального образования:

- демократизация управления образовательными системами с приоритетом развития региональных подсистем профессионального образования;
- удовлетворение потребности личности в дифференцированных образовательных услугах на основе гуманизации образования;
- многоуровневость профессионального образования на основе создания интенсивных, гибких систем обучения;
- создание новых типов учебных заведений;

- подготовка и переподготовка конкурентоспособного специалиста с ориентацией на требования мировой экономической системы, международный рынок труда [5, с. 61].

Понятие «профессия» может рассматриваться в различных значениях. Профессия – это, прежде всего, знания. В этом случае мы используем понятие «профессиональное образование», «профессиональная подготовка». Кроме этого, «профессия» – это еще и право, право выполнять ту или иную деятельность, ту или иную работу, которое сопряжено с ответственностью за ее результат. Профессия понимается как способность не только в ее простой элементарной форме, но и комплексной, требующей постоянных социально-профессиональных, психологических усилий для ее поддержания и совершенствования. Профессия может выступать и как социологическое явление: объединение, организация. В данном случае мы говорим о профессиональных интересах, о профессиональных потребностях, профессиональных союзах. Вместе с тем, профессия может рассматриваться и как элемент технологии, тогда речь идет о рынке труда. Следовательно, «профессия» – это система правовых, социально-профессиональных, социально-культурных, психологических и технологических элементов, представляющих собой непрерывно функционирующий и проявляющийся в разных сферах социально-деятельностный институт.

Исследуя процесс профессионализации деятельности можно выделить несколько фаз. Первая фаза характеризуется выделением какой-либо общественно обусловленной функции и в связи с этим появлением людей, которые могут эту функцию выполнять. Вторая фаза определяется тем, что возникает какое-либо сообщество людей, которое посвящает свое рабочее время, а иногда и свободное, выполнению этой функции. Третья фаза предполагает появление системы воспроизведения социального опыта, в развитой форме эта система имеет три уровня: наука–техника–практика. Четвертая фаза, как правило, обуславливается возникновением на принципах самоорганизации системы учреждений (прежде всего, образовательных), которые поддерживают воспроизводство профессиональной деятельности. На последней фазе профессионализации рассматриваются вопросы создания системы государственной инспекции, надзора, контроля и сертификации этой профессиональной деятельности.

Рассмотрев понятия «профессия», приходим к выводу, что профессия и деятельность могут быть связаны друг с другом по-разному. Иногда одна и та же деятельность может осуществляться как в рамках, так и вне рамок профессии. Но тогда мы можем говорить о том, что в первом случае осуществляется профессиональная деятельность, а во втором – трудовая. Профессиональная деятельность – понятие общее, включающее частные деятельности (трудовую, технологическую, вспомогательную и др.).

Каковы же требования, предъявляемые к понятию «профессия»? Они следующие:

- общественная необходимость профессии. Общество нуждается в услугах, которые за определенную плату предоставляют люди друг другу;
- взаимосвязь одной профессии с другими профессиями. Существование одной профессии является следствием существования другой и условием существования третьей;
- профессия – это, прежде всего, знание, которому надо учиться.

Следовательно, профессия – это не только род трудовой деятельности, не только вид деятельности, которые требуют определенных знаний, умений

и навыков, приобретенных путем обучения и практического опыта, но и профессиональное становление, социально-психологическое самоопределение, культурное развитие личности и ее востребованность на рынке труда.

Деятельность является профессиональной, если:

- включает интеллектуальные операции;
- основывается на научных знаниях и обучении (самообучении);
- используется в четко определенных социальных целях и направлениях на общественное развитие;
- предполагает высокую степень автономии как для человека, который ее выполняет, так и для группы людей, представляющей данную профессию;
- присутствует высокая степень ответственности за свои действия и суждения, внутри профессиональной автономии [6].

В.И. Белов анализирует понятие специалист-профессионал интегративно-го типа в условиях рыночной экономики [7].

Существуют разные определения понятия «специалист»: «человек, знающий основательно какое-либо дело, представитель какой-либо профессии» [8]; это «работник в области какой-либо специальности; мастер в каком-либо деле; знаток в чем-либо» [3, с. 1247]; это «вид трудовой деятельности в рамках определенной профессии» [9]; это «человек, профессионально владеющий какой-либо специальностью, обладающий специальными знаниями в какой-либо области науки, техники, искусства» [10].

Анализируя вышеизложенные точки зрения, К.А. Позняков отмечает, что «во всех случаях речь идет о подготовленной, но не реализовавшей еще себя в профессии личности».

По нашему мнению, основным понятием, которое характеризует специалиста, является качество рабочей силы, определяемое как совокупность социально-профессиональных и психологических свойств человека, проявляющихся в процессе труда и включающих в себя квалификацию и его личностные характеристики. Под квалификацией специалиста понимается совокупность его общего и специального профессионального образования, необходимых знаний, умений и навыков, профессионального опыта, которые нужны для выполнения в данных организационно-технических условиях определенных видов работ. К личностным характеристикам работника относят его физиологические социально-психологические особенности, нравственные и моральные качества: состояние здоровья, справедливость, честность, достоинство, честь, совесть, долг, а также его адаптированность, в том числе гибкость, инновационность, профессиональную ориентированность и профессиональную мобильность. Качество рабочей силы изменяется под воздействием изменений в содержании труда, форм и методов его оплаты, юридической защищенности работника на рынке труда, стабильности профессиональной жизни и карьеры, конъюнктуры рынка труда. В этих условиях значительную трансформацию претерпевают требования к профессиональным знаниям специалистов: происходит их многократное расширение, углубление, периодическое обновление, происходит переоценка значимости ранее накопленного опыта (умений и навыков в связи со сдвигами, происходящими в структуре профессионально-квалификационного комплекса). При подготовке специалиста в высшем учебном заведении необходимо руководствоваться принципами законности, гуманизма, справедливости, демократизма, коллективизма, интернационального и национального в морали, гласности, уважения прав человека.

Для специалиста характерно осуществление конкретной технологической операции по преобразованию предмета труда в соответствии с поставленной

задачей, что обеспечивается наличием определенных предметных знаний. Профессионал кроме этого должен владеть уникальными способностями, что позволяет ему осуществлять межпрофессиональное взаимодействие, корректировать цели и задачи своей деятельности в связи с изменением внешних условий ее реализации.

Профессионал – это «специалист, показывающий стабильно в течение продолжительного времени высокие результаты в профессиональной сфере деятельности»; это человек, который занимается каким-нибудь делом как специалист, владеющий профессией [11]; тот, который сделал какие-либо занятия, деятельность своей профессией [3, с. 1035].

В настоящее время категория «профессионал» структурно и содержательно не отработана и наиболее эффективные пути к профессионализму остаются не выясненными. Однако анализ социокультурной ситуации свидетельствует о востребованности обществом профессионалов. В связи с этим требует решения ряд взаимосвязанных проблем, наиболее важными из которых являются: создание четкого образа профессионала и представление об уровне профессионализма; разработка программной документации и образовательных технологий, ориентированных на подготовку профессионалов мирового уровня; создание условий, обеспечивающих образовательный процесс и практическую деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Турчинов А.И.** Профессионализация и кадровая политика: Проблемы развития теории и практики. – М., 1998.
2. **Батышев С.Я.** Производственная педагогика. – М., 1984.
3. **Большой толковый словарь** / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 1988.
4. **Комментарий к Трудовому кодексу Республики Беларусь** / Под ред. Г.А. Василевича. – Мн., 2003. – С. 8.
5. **Беляева А.П.** Интегративно-модульная педагогическая система профессионального образования. – СПб., 1999. – С. 59.
6. **Современный словарь по педагогике** / Сост. Е.С. Рапацевич. – Мн., 2001. – С. 642.
7. **Белов В.И.** Профессиональное воспитание. Методология, теория, опыт. – СПб., 2000. – С. 72.
8. **Словарь иностранных слов** / Под ред. И.В. Лехина, Ф.Н. Петрова. – М., 1954. – С. 531.
9. **Безрукова В.С.** Педагогика. Проективная педагогика. – Екатеринбург, 1996. – С. 18.
10. **Словарь современного русского литературного языка.** – М., 1961. – С. 500.
11. **Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.** Толковый словарь русского языка. – М., 2000. – С. 626.

S U M M A R Y

New socio-economic conditions set new demands to the quality of specialist training, thereupon the necessity arises to develop new concept of vocational training, as well as to implement new pedagogical systems of vocational training.

There is no single definition of the notions "profession" and "specialist", their structure and content are not defined in the context of market relations. As a result a number of interrelated problems need to be solved; first of all they include a clearer understanding of these notions; the development of syllabi and teaching technologies aimed at training world level professionals; creation of the conditions that would provide for the teaching process and practical activities.

Поступила в редакцию 18.11.2005

В.П. Волчок

Теоретические подходы бихевиоральной и гуманистической психологии в изучении взаимодействия родителей с детьми

Большой вклад в дело изучения взаимодействия родителей с детьми, безусловно, внесли представители бихевиористского направления.

Еще в 1940-е годы Б.Ф. Скиннер предложил ряду наиболее известных психологов и специалистов, занимающихся социальным планированием, использовать научно обоснованную методику, основанную на положениях поведенческой технологии как средстве укрепления семьи и общества в целом. Он разработал ряд проектов, которые опирались на принципы, способствующие совершенствованию и увеличению количества и качества взаимодействий – интеракций родителей и детей.

Существуют разные концепции научения. При классическом обуславливании Павловского типа испытуемые начинают давать один и тот же ответ на разные стимулы. При оперантном научении, по Скиннеру, поведенческий акт формируется благодаря наличию или отсутствию подкрепления одного из множества возможных ответов. Эти концепции не объясняют, как возникает новое поведение. А. Бандура считал, что награда и наказание недостаточны, чтобы научить новому поведению [1].

Дети приобретают новое поведение благодаря имитации модели. Научение через наблюдение, имитацию и идентификацию – третья форма научения. Одно из проявлений имитации – идентификация – процесс, в котором личность заимствует мысли, чувства или действия другой личности, выступающей в качестве модели. Имитация приводит к тому, что ребенок может вообразить себя на месте модели, испытать сочувствие, соучастие, эмпатию к этому человеку.

Основной акцент в этом направлении делается на изучении техники поведения родителя и формировании навыков модификации поведения ребенка. Известно, что большинство сторонников бихевиористской теории признают, что поведение, по всей видимости, возникает в результате воздействия как наблюдаемых, так и скрытых факторов. Тем не менее, бихевиористов интересуют лишь наблюдаемые переменные, поддающиеся непосредственному измерению. Им принадлежат разработанные схемы анализа взаимодействия, которые основаны на понимании человеческого поведения как функции подкреплений, наград, поощрений и наказаний, например, теория диадического взаимодействия Дж. Тибо и Г. Келли [2]. Т. Ньюком предполагал, что аттракция между индивидами – это функция степени, в которой во взаимодействии представлены взаимные вознаграждения [3].

Усилия практиков этого направления в работе с родителями сосредоточены в основном на обучении родителей методике изменения поведения ребенка. Так, применяя поведенческие методы, Р.Дж. Валер, Дж.Х. Винкель, Р.Ф. Петерсон и Д.С. Моррисон (1965) одновременно успешно обучили матерей

мальчиков дошкольного возраста методам погашения неприемлемых реакций, дифференциального подкрепления и тайм-аута [4]. В исследовании К.Е. Аллена и Ф.Р. Харриса (1966) приводится пример того, как мать пятилетней девочки научили применять систему символических подкреплений, так называемой знаковой экономии, которая позволила отучить ребенка царапать себя [5].

Специалисты по наблюдению и экспериментальному изучению поведения пришли к выводу, что поощрение и подкрепление гораздо более эффективно действуют на изменение нежелательного поведения ребенка, чем наказания (К.А. Андерсон и Х.Е. Кинг, 1979). Б. Бухер и О.И. Ловаас (1968) полагали, что та польза, которая получается в результате методов наказания, ничтожно мала по сравнению с очень часто возникающими негативными эмоциональными реакциями [6].

В экспериментах Н. Миллера, Дж. Долларда выяснялись условия подражания лидеру (при наличии или отсутствии подкрепления). Эксперименты проводились на крысах и на детях, причем в обоих случаях были получены сходные результаты. Чем сильнее побуждение, тем больше подкрепление усиливает стимульно-ответную связь. Если нет побуждения, научение невозможно. Миллер и Доллард считают, что самоудовлетворенные самодовольные люди – плохие ученики.

Н. Миллер и Дж. Доллард опираются на фрейдовскую теорию детских травм. Они рассматривают детство как период переходящего невроза, а маленького ребенка как дезориентированного, обманутого, расторможенного, неспособного к высшим психическим процессам. С их точки зрения, счастливый ребенок – это миф. Отсюда задача родителей – социализировать детей, подготовить их к жизни в обществе. Н. Миллер и Дж. Доллард разделяют мысль А. Адлера о том, что мать, дающая ребенку первый пример человеческих отношений, играет решающую роль в социализации. В этом процессе, по их мнению, четыре наиболее важные жизненные ситуации могут служить источником конфликтов. Это кормление, приучение к туалету, сексуальная идентификация, проявление агрессивности у ребенка. Ранние конфликты не вербализованы и потому неосознанны. Для их осознания, по мнению Миллера и Долларда, необходимо использовать терапевтическую технику З. Фрейда. «Без понимания прошлого невозможно изменить будущее», – писали Миллер и Доллард [1].

В западной психологии данное направление существует в русле концепций Г. Олпорта, А. Маслоу, К. Роджерса, Ш. Бюллер, В. Франкла, Р. Мэя и многих других. Олпорт, Маслоу и Роджерс создали философию науки, объединившую методы естествознания и феноменологии и признающую приоритетность человеческой субъективности. Г. Олпорт впервые употребил термин «гуманистическая психология» в 1930 году [7]. Маслоу в своей работе «К психологии бытия» (1962) писал «...[Наука] отворачивается от проблем любви, творчества, ценности, красоты, воображения, этики и радости, отдавая их на откуп "неученым": поэтам и дипломатам. Все эти люди могут обладать удивительной пронизательностью, ставить именно те вопросы, которые должны быть поставлены, выдвигать заслуживающие внимания гипотезы, и могут даже быть большей частью точны и правы. Но ... им никогда не удастся заставить поверить в это все человечество. ... Наука – вот тот единственный путь, имеющийся в нашем распоряжении, чтобы заставить признать истину» [7].

Несмотря на различия направлений гуманистической психологии, общим для них является подход к человеку как к специфической модели, отличаю-

щейся от моделей, объясняющих поведение животных или машины. Большая роль при этом уделяется активности личности.

Так, Р. Мэй, признавая значимость влияния элементов внешней среды, подчеркивает, что нельзя все же приписывать личностные проблемы фактам наследственности или окружающей среды; «личностная проблема в первую очередь требует перераспределения напряжений внутри личности, а не поисков причин вовне» [8].

Роджерс считал, что очень важно – уметь устанавливать «помогающие отношения» родителю с ребенком, учителю с учеником, терапевту с клиентом. Он писал, что помогающее отношение «отличается принятием другого человека как индивида, имеющего ценность, а также глубинным эмпатическим пониманием, которое дает мне возможность видеть личный опыт человека с его точки зрения» [9]. По мнению Роджерса, увеличение принятия себя способствует увеличению принятия другого и все это, в конечном счете, приводит к улучшению человеческих отношений. Н. Нэйл и Дж. Нейл сформулировали принципы гуманитарно-психологического подхода к браку, в котором каждый из супругов может оставаться собой и развивать свои таланты [10]. Эти принципы связаны с концепцией А. Маслоу о самоактуализации и со взглядами К. Роджерса о врожденной доброте человека. По мнению С. Кратохвила, такое представление о человеке можно считать несколько идеалистическим, а представление о браке – в определенной мере романтическим [10, с. 164].

Идеи гуманистически направленной психологии нашли отражение в практике воспитания детей в семье и обществе (Т. Гордон, М. Снайдер, Р. Снайдер), где особое внимание уделяется умению слушать и понимать детей, при этом понимание рассматривается не просто как техника или использование правильных слов, а как модель взаимоотношений взрослого с ребенком (М. Снайдер, Р. Снайдер, Р. Снайдер-мл.).

В последнее время в отечественной психологии многие ученые все больше основываются на гуманистических принципах. Основой данного направления у нас явились идеи М.М. Бахтина о диалогической природе человеческого общения, человеческой личности. Этот подход к изучению человека используется сейчас Л.А. Петровской, А.У. Харашем, Г.А. Ковалевым, О.Е. Смирновой, А.Ф. Копьевым и другими. А.У. Хараш отмечает, что диалогическое общение обладает наибольшим воспитательным потенциалом [11]. Отличительные особенности диалогического общения следующие:

1. Равенство позиций воспитателя и воспитанника, при котором осуществляется взаимное воздействие друг на друга, формируется способность становиться на позиции другого.
2. Отсутствие оценок, полное принятие, уважение и доверие.
3. Формирование у воспитателя и воспитанника сходных установок относительно одной и той же ситуации.
4. Особая эмоциональная окраска общения, искренность и естественность проявления эмоций, взаимное проникновение в мир чувств.
5. Способность участников видеть, понимать и активно использовать широкий и разнообразный спектр коммуникативных средств, включая невербальные.

А.З. Шапиро отмечает, что в поведенчески ориентированных теориях внутрисемейные конфликты рассматриваются как функция низкой нормы позитивных взаимоподкреплений, а терапевтические усилия направлены на уменьшение негативности в коммуникациях между членами семьи; традици-

онный психоаналитический подход сосредоточен на раннем негативном опыте; гуманистически ориентированная психотерапия семьи во главу угла ставит конгруэнтное, взаимопринимающее и эмпатическое межличностное взаимодействие [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Столин В.В.** Самосознание личности. – М., 1983. – 287 с.; **Обозов Н.Н.** Психология межличностного взаимодействия. Докт. диссерт. – Л., 1979.
2. **Thibaut J.W., Kelley H.H.** The social psychology of groups. – N. Y., 1961. – 313 p.
3. **Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.** Современная социальная психология на Западе. – М., 1978. – 272 с.
4. **Wahler R.G., Winkel G.H., Peterson R.F., Morrison D.C.** Mothers as behavior therapists for their own children // Behavior Research and Therapy, 1965, № 3. – P. 113–124.
5. **Alien K.E., Harris F.R.** Elimination of a child's excessive scratching by training the mother in reinforcement procedures // Behavior Research and Therapy, 1966, № 4. – P. 79–84.
6. **Симпсон Р.Л.** Модификация поведения ребенка // Помощь родителям в воспитании детей. – М., 1992. – С. 119–145.
7. **Крипнер С., де Карвало Р.** Проблема метода в гуманистической психологии // Психологический журнал, 1993. – Т. 14, № 2. – С. 113–126.
8. **Семья у народов Америки** / Под ред. **Ш.А. Богиной**. – М., 1991. – 312 с.
9. **Роджерс К.** Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М., 1994. – 480 с.
10. **Кратохвил С.** Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний. – М., 1991. – 336 с.
11. **Хараш А.У.** Социально-психологические механизмы коммуникативного воздействия. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 1983. – 18 с.
12. **Шапиро А.З.** Психолого-гуманистические проблемы позитивности-негативности внутрисемейных отношений // Вопросы психологии, 1994, № 4. – С. 45–56.

S U M M A R Y

In the modern world it is becoming more obvious that a family determines not only child development but the development of the society as a whole. The article centres on the issues of parents-children interaction.

Поступила в редакцию 3.01.2005



Е.Ю. Муратова

Терминологические проблемы в теории интертекстуальности

Значимость интертекстуального подхода в общей теории исследования текста в последнее время значительно возросла и определяется она, в первую очередь, задачами объективной и адекватной интерпретации текста. Исследованием заимствований и влияний занимались многие филологи первой половины XX века. В эпоху символизма акцент делался на регистрацию заимствований, на поиск аргументов, доказывающих наличие взаимосвязи и взаимообусловленности сопоставляемых произведений. Характерна в этом отношении статья М.О. Гершензона «Плагиаты Пушкина» [1]. Позднее, в постсимволистское время, стали анализироваться различные виды взаимосвязи между разными художественными текстами, что нашло отражение, например, в работах В.М. Жирмунского по сопоставлению поэм Байрона и Пушкина; в работах Б.М. Эйхенбаума по исследованию творчества М.Ю. Лермонтова.

Основными источниками интертекстуальности можно назвать исследования Ф. де Соссюра (теория анаграмм), идеи М.М. Бахтина о законе жанровой памяти, диалогическом характере художественных произведений и роли «чужого слова», идеи Ю.Н. Тынянова о «конструктивной функции» и положения Ю.М. Лотмана о «полилогическом» характере поэтического текста.

По мнению М.М. Бахтина [2], автор всегда находится в диалоге с современной и предшествующей литературой, текст отражает в себе все иные тексты данной смысловой формы, т.е. автор художественного произведения имеет дело не с действительностью вообще, но уже с оцененной и оформленной действительностью. Отдельное слово – это «аббревиатура высказывания, ... каждое слово пахнет контекстом и контекстами, в которых оно жило» [3].

Эту мысль развил Ю.М. Лотман: «Монолог, к которому тяготеет поэзия, оказывается полилогом; единство поэтического текста складывается из полифонии различных голосов, говорящих на разных “языках” культуры» [4]. Позже Лотман писал, что текст подобен зерну, содержащему в себе программу будущего развития, он обладает внутренней не-до-конца-определенностью, которая под влиянием контактов с другими текстами создает смысловой потенциал для его интерпретации [5]. Понятия, которыми пользовался Ю.М. Лотман – семиосфера, семиотическое пространство, культурная память – непосредственно связаны с проблемой интертекстуальности.

В последние десятилетия XX века проблема интертекста и интертекстуальности нашла отражение в исследованиях Б.М. Гаспарова, А.К. Жолковского, С.Т. Золяна, И.П. Ильина, Н.А. Кузьминой, В.А. Лукина, Ю.И. Левина, И.П. Смирнова, Р. Тименчика, В.Н. Топорова, Н.А. Фатеевой, М.Б. Ямпольско-

го, Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Дерриды, М. Риффатерра, Г. Блума, А. Вежбицкой, К. Леви-Стросса, Ц. Тодорова и др.

Существует широкое и узкое понимание интертекстуальности. В широком смысле интертекстуальность понимается как универсальное свойство текста вообще, т.е. всякий текст рассматривается как интертекст, а интертекстуальность предстает как теория безграничного текста, интертекстуального в каждом своем фрагменте. В узком смысле интертекстуальность понимается не как универсальное свойство любого текста, но как особое качество лишь определенных текстов, при этом один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам. Подразумевается, с одной стороны, что автор намеренно и осознанно включает в свой текст фрагменты других текстов, с другой, что и адресат верно понимает авторские интенции и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности, намеренно предложенной автором.

Теория интертекстуальности получила свое развитие лишь в последние десятилетия, поэтому терминологические проблемы, на наш взгляд, являются объективным следствием «молодости» этого научного направления. На современном этапе наблюдается неоднозначное толкование терминов интертекст и интертекстуальность, разное семантическое «наполнение» получают собственно интертекстуальные знаки (цитата, реминисценция, аллюзия), нет единообразия в наименованиях как инотекстовых включений (претекст, предтекст, протекст, прототекст, первичный текст, текст-донор), так и итогового текста (посттекст, метатекст, интекст, текст-реципиент).

Цель данной статьи – представить упорядоченный обзор существующей терминологии в теории интертекстуальности, выявить наиболее единообразные и частотные по своему употреблению термины и возможные тенденции их дальнейшего использования.

Термины «интертекст» и «интертекстуальность» были введены в современный научный обиход в конце 60-х годов XX века в работах теоретика постмодернизма французской исследовательницы Юлии Кристевой, которая сформулировала свою концепцию на основе переосмысления работы М. Бахтина 1924 г. «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве». Даже название статьи Ю. Кристевой «Бахтин, слово, диалог и роман» [6] связано именно с русской лингвистической традицией. Но бахтинскую идею «диалога» Ю. Кристева ограничила исключительно сферой литературы, диалогом между текстами: «Мы назовем *интертекстуальностью* эту текстуальную интер-акцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность – это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее». По Кристевой, любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности встает понятие интертекстуальности. Ю. Кристева подчеркивает бессознательный характер заимствований, говоря о «безличной продуктивности» текста, который порождается как бы сам по себе, помимо сознательной воли автора [7].

Ролан Барт следующим образом определяет интертекст и интертекстуальность: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом

и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [8]. Для Р. Барта любой текст – это своеобразная «эхокамера»: все уже было когда-то сказано, а новое возникает как смешение определенных элементов в новые комбинации.

Некоторыми учеными намеренно разводятся понятия «интертекстуальность» и «автоинтертекстуальность», тем самым уже терминологически проводится различие между «чужими» и «авторскими» заимствованиями. Так, Н.А. Фатеева определяет отношения, которые возникают между текстами одного автора, автоинтертекстуальными, утверждая, что автоинтертекстуальность в этом случае выступает как интертекстуальность в квадрате, поскольку совпадение ситуативных, концептуальных, композиционных и операциональных метатропов в разных текстах одного автора будет максимальным. Характер отношений между исходным(и) и новым текстом одного и того же автора может быть двойным: «Обычно среди разных в дискурсивном отношении текстов находится один, который выступает в роли метатекста (сопрягающего, разъясняющего текста) – **автоинтертекста** – по отношению к остальным, или же эти тексты составляют текст-метатекстовую цепочку, взаимно интегрируя смысл друг друга и эксплицируя поверхностные семантические преобразования каждого из них... Становится очевидным, что за такими текстами стоит некоторый инвариантный код смыслопорождения... Имея «до-над-жанровую» природу (И. Бродский), этот генетический код иносказания детерминирует организацию различных типов семантической информации в текстах» [9].

Определения интертекста заметно варьируются у разных ученых: интертекст – это «совокупность всех возможных интерпретаций аллюзий и параллелей, имплицитно содержащихся в данном тексте» [10]; «интертекст (или, в более привычном в русистике термине, «подтекст») оказывается существенным компонентом семантической структуры текста, который оказывается средством установления межтекстовой и, стало быть, и межмировой референции» [11]; интертекст – это «совокупность всех возможных подтекстов и данного текста» [12]. Хотя, как думается, на современном этапе развития теории интертекстуальности термины «подтекст» и «интертекст» не могут быть взаимозаменяемы в силу неоднозначности термина «подтекст» и широкой традиции его использования с иными семантическими акцентами в литературоведении. Но несмотря на разнообразие семантических нюансов в определении интертекста во всех его дефинициях присутствует инвариантный признак: под интертекстом понимается особое семантическое пространство, образующееся в процессе межтекстовых взаимодействий одного художественного текста с другими художественными текстами.

Понимание интертекстуальности может быть различным не только с точки зрения порождения текста, но и с точки зрения его восприятия. Помимо собственно межтекстовых взаимодействий, в теории интертекстуальности важнейшее значение имеет проблема автор – читатель. Первым на роль читателя в создании текста указал М.М. Бахтин. Не только автор создает интертекстуальное пространство путем включения в свой текст иных текстов, но и читатель определяет авторскую интенцию и воспринимает текст в его диалогической соотнесенности. Поскольку взаимодействие между текстами образует

каждый раз уникальную систему, обладающую общей памятью, постольку адекватность восприятия порождаемых автором текстов зависит от «объема общей памяти» между ним и его читателем. Общую память можно иначе назвать межтекстовой компетентностью, которая «основана на том, что в объеме памяти читателя хранятся следы ранее прочитанного, приемы литературных описаний, принципы различных жанров, модели возможных переосмыслений, модели разных тропов...» [13] и т.д., хотя текст автора и текст читателя полностью не совпадают, так как каждая языковая личность имеет свой набор ассоциаций. Эти две стороны интертекстуальности: читатель (исследователь)/автор реализуют интертекстуальность текста, естественно, по-разному. С точки зрения читателя интертекстуальность – это установка на более углубленное понимание текста или разрешение непонимания текста за счет установления связей с другими текстами. Для читателя всегда существует альтернатива: либо продолжать чтение, рассматривая инотекстовое включение как органичный элемент данного текста, либо ему необходимо обратиться к тексту-источнику, «осуществив своего рода «интеллектуальный анамнез», благодаря которому маркированный элемент в парадигматической системе текста-реципиента выступает как «смещенный и отсылающий к синтагматике исходного текста» [9, с. 16–17]. Таким образом, интертекстуальность получает конкретное воплощение в разных видах и формах как межтекстового взаимодействия, так и в диалоге между автором и читателем.

С проблемой неоднозначного понимания термина «интертекстуальность» тесно связана проблема идентификации собственно интертекстуальных знаков. Так, термин «цитация» имеет неоднозначное толкование. Традиционное классическое понимание цитации входит в определенное противоречие с использованием этого термина в теории интертекстуальности. Классическое употребление этого термина можно считать узким пониманием цитации. В теории интертекстуальности термин «цитация» используется в широком смысле как общее именование отсылок к иным текстам и является родовым для обозначения всех видов интертекстуальных знаков, вследствие чего интертекст понимается не как собрание цитат, но как пространство соединения всевозможных цитаций.

Кроме того, серьезной терминологической проблемой в теории интертекстуальности, как уже говорилось выше, является, во-первых, именование инотекстовых включений (претекст, предтекст, протекст, прототекст, первичный текст, текст-донор) и итогового текста (посттекст, метатекст, интекст, текст-реципиент); во-вторых, нет единства в наименованиях и семантической адекватности инотекстовых включений, т.е. собственно интертекстуальных знаков: цитата, аллюзия, реминисценция, реминисцентные явления, текстовые реминисценции, аллюзияция и др.

Первый вопрос представляется наименее острым, поскольку в каждом наименовании текста, например, текст-донор или первичный текст, явно проявляется его внутренняя структура, которая однозначно соотносит данное слово с соответствующей референциальной областью.

Значительно серьезнее представляется проблема именовании интертекстуальных знаков. Традиционно цитата представляет собой дословную поддержку из какого-либо текста. В рамках теории интертекстуальности цитата имеет более широкое и многозначное толкование. Н.А. Фатева называет цитатой воспроизведение двух и более компонентов текста-донора с собственной предикацией. «Собственная предикация» означает, что семантика цитаты существенно изменяется под влиянием текста-реципиента, куда она

включена. По мнению В.А. Лукина, в системе Пирсовых координат «икона – индекс – символ» цитата занимает промежуточное положение между индексом и символом. Причем, если символическая составляющая цитаты целиком доминирует над индексальной, то цитата является текстовым знаком; при обратном соотношении символичности и индексальности она является прежде всего средством связности между текстом-донором и текстом-реципиентом [14]. М.Б. Ямпольский считает, что цитата – это текстовый знак, у которого на основе нарушения семантической связности между его значением как символа и контекстом текста-реципиента активизируется индексальная составляющая, т.е. развивается вторичная индексальность [15]. Таким образом, в рамках теории интертекстуальности приходится констатировать неопределенность и многозначность понятия цитаты, но в самом общем критериальном плане цитата в художественном тексте опознается в качестве инотекстового элемента чаще всего за счет явной чужеродности, либо явной прецедентности, либо того и другого одновременно.

При таком интертекстуальном понимании цитаты как будто отпадает необходимость в термине «реминисценция». С одной стороны, реминисценция функционально совпадает с цитатой, с другой – в силу своей имплицитности – с аллюзией. Поэтому нам представляется совершенно правомерным исключение некоторыми учеными реминисценции из классификации интертекстуальных знаков, но с использованием ее в специфическом для интертекста значении (например, реминисценция как отсылка не к тексту, а к событию из жизни другого автора).

Несколько иные семантические оттенки приобретает и термин «аллюзия». Традиционное толкование аллюзии дают словари, например: аллюзия – намек на реальный (исторический, литературный и под.) факт, который предполагается общеизвестным [16]. В теории интертекстуальности аллюзия представляет собой заимствование (с последующей предикацией) отдельных элементов текста-донора, по которым происходит его узнавание в тексте-реципиенте. От цитаты аллюзию отличает то, что заимствование элементов происходит выборочно, высказывание из предтекста, соотносимое с новым текстом, присутствует в последнем как бы «за текстом», т.е. имплицитно.

Таким образом, проблема терминологии в теории интертекстуальности, в частности, проблема интертекстуальных знаков и вытекающая из нее проблема «границ» текста в тексте остается открытой, хотя, благодаря исследованиям последних лет, постепенно приобретает единообразный и упорядоченный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гершензон М.О.* Плагиаты Пушкина / Статьи о Пушкине. – М., 1926. – С. 114–119.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 106.
3. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М., 1975. – С. 106.
4. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста: Структура стиха. – Л., 1972. – С. 113.
5. *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. – С. 22.
6. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман / Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М., 2000. – С. 427–457.
7. *Кристева Ю.* Семиотика. – Париж, 1969. – С. 429.
8. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 418.
9. *Фатеева Н.А.* Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. – М., 2000. – С. 91–92.
10. *Тростников М.* Перевод и интертекст с точки зрения поэтологии // Семиотика: Антология. – М.; Екатеринбург, 2001. – С. 564.

11. **Золян С.Т.** О семантике поэтической цитаты // Проблемы структурной семантики. 1985–1987. – М., 1989. – С. 152.
12. **Паулов М.С.** Принцип «семантического эха» в третьей воронежской тетради О.Э. Мандельштама: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – М., 1994. – С. 5.
13. **Арнольд И.В.** Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвуз. сборник научных трудов. – СПб., 1993. – С. 9.
14. **Лукин В.А.** Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М., 2005. – С. 113–114.
15. **Ямпольский М.** Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. – М., 1993. – С. 61.
16. **Литературный энциклопедический словарь** / Под общ. ред. **В.М. Кожевникова, Г.А. Николаева.** – М., 1987. – 752 с.

S U M M A R Y

The article deals with the terminological problems in the theory of intertextuality. In the work the main sources of modern intertextuality theory are pointed out; the broad and narrow understanding of the given term in linguistics is highlighted; various definitions of intertext are analyzed; views on intertextuality from the point of view both of text creation and perception are presented. The article gives the categorized survey of the existing terms; among them the most unified and frequent are distinguished; possible tendencies of their usage are viewed.

Поступила в редакцию 23.03.2006

УДК 808.2–3

Ван Ли

Спорные вопросы номинации внутригородских объектов

Как известно, к внутригородской топонимической системе в целом и к ее отдельным компонентам обычно предъявляются следующие основные требования: а) соответствие времени в политическом и идеологическом отношении; б) грамматическая правильность; в) удобство использования; г) мотивированность названий [1]. Названия внутригородских объектов являются крупной системой, включающей в себя наименования административных районов, транспортных линий, важных зданий, частей населенного пункта. Они возникли одновременно с человеческим обществом и развиваются вместе с ним. Урбанонимы являются знаками и символами, с помощью которых люди создают и отличают природные и социальные среды. Они не только выполняют «адресную» функцию, но и отражают развитие экономики, политики и культуры в разные эпохи.

Цель данной статьи – рассмотреть спорные вопросы номинации внутригородских объектов, определить авторское отношение к ним.

Изучению принципов номинации урбанонимов посвящено достаточно много работ: в 1987 г. вышла книга «Практическое руководство по наименованию и переименованию географических объектов СССР», где были изложены

принципы номинации, утвержденные Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР. К вопросам наименования внутригородских объектов и городской топонимики в целом в разные годы обращались такие ученые, как Г.П. Бондарук, И.Д. Воронин, М.В. Горбаневский, К.С. Горбачевич, Ю.К. Ефремов, В.А. Жучкевич, Э.М. Мурзаев, В.П. Нерознак, В.А. Никонов, Н.В. Подольская, Е.М. Поспелов, Г.П. Смолицкая, Н.С. Студенов, А.В. Сулеранская. Но наиболее полно и всесторонне проанализированы и представлены принципы номинации внутригородских объектов в монографии А.М. Мезенко «Урбанонимия Белоруссии» [2]. Под принципом номинации автор понимает основное направление, по которому осуществляется связь словосочетания с именуемым внутригородским объектом. Проанализированный в исследовании материал позволил выделить следующие принципы номинации внутригородских топографических объектов: принцип номинации внутригородского объекта по отношению к другим объектам; принцип номинации внутригородского объекта по его связи с человеком как социосубъектом; принцип номинации внутригородского объекта по его свойствам и качествам; принцип номинации внутригородского объекта по связи с абстрактным понятием.

Первый из анализируемых принципов, по мнению автора монографии, может осуществляться в основном через два признака: признак, характеризующий место расположения улицы, переулка, площади и т.п. относительно других объектов, и признак, подчеркивающий связь одного объекта (улицы, площади и др.) с другим (населенным пунктом).

Первым из признаков обладают названия, мотивированные наименованиями архитектурных объектов (культовых сооружений, учебных, лечебных, спортивных и зрелищных заведений, промышленных предприятий, торговых точек, различных служб города типа *Банный переулок*), частей горизонта (*Восточная улица*); описывающие местоположение внутригородского объекта относительно природных объектов (*Заречная улица*); повторяющие названия других линейных объектов (*5-я улица Фрунзе*).

Второй признак объединяет большое число урбанонимов, мотивированных микротопонимами, гидронимами, оронимами и т.п. (*Клецкая улица*, *Двинская улица*).

Опираясь на характер и назначение внутригородских реалий, а также на разнообразные признаки, легшие в основу номинации, все многообразие современных названий внутригородских объектов, образованных в соответствии со вторым принципом номинации – по связи внутригородского объекта с человеком как социосубъектом, – А.М. Мезенко распределяет по семи неравнозначным как с точки зрения количества, так и со стороны времени формирования тематическим группам: 1) названия улиц, переулков, основными признаками которых были национальная, профессиональная и сословная принадлежность жителей (*Татарский конец*); 2) названия, фиксирующие определенное отношение к тем или иным лицам – первопоселенцам, владельцам земельных участков или живущим рядом с именуемым объектом (*Пришийфостская улица*); 3) названия-посвящения (*переулок Я. Купалы*); 4) названия, в основу номинации которых положен признак функциональной нагрузки объекта (*Торговая ул.*); 5) названия, основой номинации которых послужило историческое событие или знаменательная дата (*площадь 8-го Марта*); 6) названия, образованные от наименований организации (*улица Ленинского Комсомола*); 7) названия, мотивированные разнообразными наименованиями военной тематики (*Артиллерийская улица*).

Выделяются следующие названия, соответствующие принципу номинации внутригородского объекта по его свойствам и качествам: 1) характеризующие линейный объект с точки зрения размера, конфигурации, физико-

географических особенностей возникновения (*Великая улица*); 2) имеющие в своем составе слова со значением цвета (*Белая улица*); 3) флористические названия (*Липовая улица*); 4) фаунистические названия (*Вороний переулок*); 5) названия, носящие эмоционально-пожелательный и символический характер (*Добрая улица*).

К названиям, соответствующим принципу номинации внутригородского объекта по его связи с абстрактным понятием, относятся урбанонимы, мотивированные наименованиями месяцев (*Апрельская улица*), пор года и природных явлений (*Осенняя улица*), и наименования, символизирующие советскую эпоху (*Коммунистическая улица*) [2].

Что касается Китая, то в 1988 г. там была создана всекитайская топонимическая комиссия, на основе которой в июле 1992 г. возник научно-исследовательский институт. Главной задачей комиссии стало историко-географическое описание городов, в первую очередь Шанхая, Пекина, Гонконга, Аомыня, Куньмина, Нанкина, Шаосина, Гуанчжоу, Гуйчжоу, провинции Синьцзян, Хэйлуцзян, Тайвань и т.д. Авторы с разных точек зрения рассмотрели разнообразные топонимы исследуемых городов. При этом в работах, посвященных описанию топонимии конкретных городов, нет единства в принципах описания, в результате чего выводы разных авторов плохо поддаются сопоставлению.

О трудностях проблемы семантической классификации китайских урбанонимов говорит тот факт, что до настоящего времени не существует единого подхода к ее разрешению.

Одна из первых попыток выявить основные типы названий линейных объектов была предпринята в 1996 г. в статье Хэ Кай Юн «Рассказ о топонимии Нанькина» [3], в которой, анализируя признаки, положенные в основу номинации нанькинских улиц, автор выделил 11 групп урбанонимов в зависимости от значения входящих в их состав онимизировавшихся апеллятивов: 1) по цифрам (*Один Человек тупик*); 2) по размеру (*Большой Камень мост*); 3) по пеленгу (*Восточная Дверь проспект*); 4) по цвету (*Синее Знамя проспект*); 5) по полезным ископаемым (*Медный Бык тупик*); 6) по животным (*Свежая Рыба тупик*); 7) по растениям (*Цветы Абрикоса улица*); 8) по другим топонимам (*Шанхай улица*); 9) по именам и фамилиям известных людей (*Чжун Шань улица*); 10) по архитектурным сооружениям (*Дворец Династии Минь проспект*); 11) по названиям торговых точек (*Рыбный Рынок проспект*); 11) по желаниям и мечтам людей (*Счастье село*).

В указанном году появилась также классификация Чжан Инь Гэн, в которой автор попытался разделить все названия внутригородских объектов г. Куньмин в зависимости от их мотивировки: 1) названия по именам гор и рек; 2) названия-пожелания мира и счастья; 3) названия, связанные с историей и экономической деятельностью города [4].

Несколько модифицирует уже представленную классификацию Хоу Ю Лань, в которой, исследуя культурные особенности шаосинских топонимов, автор среди понятий, легших в основу номинации географических объектов, называет следующие: гора и река (*Западная гора, Яо река*), пеленг (*Западная Маленькая улица, Победа Восточная улица*), фамилия и имя человека (*Лу Сюнь улица*), религия (*Новый Храм тупик*), девиз царствования истории (*Мир улица*), исторические легенды и мифы и т.д. [5, с. 48–52].

Авторы последующих исследований, связанных с анализом семантической стороны урбанонимов, либо модифицируют указанные классификации [6], либо более детально разрабатывают отдельные их пункты [7]. Слабой стороной перечисленных классификаций, на наш взгляд, является подход к урбанонимобразованию с позиций апеллятивной лексики, многочисленность групп, не всегда

четко разграниченных, отсутствие четких лингвистических критериев, смешение понятий *принцип* и *признак номинации*, мотивировка названия.

Представляется интересной классификация урбанонимов, представленная Ли Жу Лун (1998) [8], в основу которой положен анализ характера названия. По мнению автора, их можно свести всего к трем: названия, обладающие описательным характером; названия, обладающие повествовательным характером, и названия, воплощающие желания людей. Классификация может быть продолжена, исходя из признаков объекта, использовавшихся для описания или повествования, и из типов желаний, употребленных для образования названия. Автор считает, что

1) названия, обладающие описательным характером и отражающие географические особенности, можно разделить на основе следующих признаков:

а) географическое нахождение. Это названия по пеленгу (*Южная Гора улица*); по расстоянию (*Семь Ли проспект* (*ли* – мера длины, равная 0,5 километра); с цифрами (*Шестнадцатая Станция тупик*);

б) природное окружение. Это названия по географическому ландшафту (*Медный Барабан улица* – от имени горы); географическому объекту (*Каменный Столб улица*); земле (*Желтая Земля тупик*); воде (*Грязная Вода тупик*); климату (*Весна улица*); пейзажу (*Белое Облако улица*);

в) природные ресурсы. Это названия, образованные от наименований животных (*Два Дракона улица*); наименований растений (*Золотой Лотос улица*); наименований полезных ископаемых (*Серебряный Источник улица*);

2) в названия, обладающие повествовательным характером и отражающие гуманитарные географические особенности, можно включить:

а) названия от имен исторических зданий и мероприятий;

б) названия от имени человека и национальности;

в) названия, запечатлевшие исторические события и легенды;

3) названия, воплощающие желания людей, можно подразделить на основе типов последних на:

а) представление (*Трудолюбие и Бережливость улица*);

б) пожелание (*Мир проспект, Цветение улица*);

в) чувство (*Ценная Гора улица*).

В настоящее время в России, Беларуси и Китае урбанонимическая номинация осуществляется в рамках сложного социального контекста. Чрезвычайно значимыми для данного контекста являются такие элементы общественной идеологии, как развитие и рост социального самосознания, традиционализм, демократизм, интернационализм, рационализм. Поэтому, как справедливо отмечает А.М. Мезенко, «одним из перспективных направлений изучения онимической системы является углубленное описание ее отдельных подсистем, в частности урбанонимной. Системное изучение топонимной лексики открывает широкие перспективы для моделирования языковой картины мира народа. В связи с этим даже на заре нового тысячелетия представляется необходимым и актуальным сбор и осмысление лексического материала для названия местных (на фоне общечеловеческих) географических понятий» [9]. Это означает, что существует определенная типология отражения реалий в основах собственных имен разных народов. Анализ этих явлений позволит получить интересные сведения об особенностях психологии и о культурных ценностях людей, создающих, употребляющих и воспринимающих имена собственные.

Сопоставление механизмов создания и принципов номинации, которые кладутся в основу семантической классификации урбанонимов трех стран, позволяет сделать вывод о том, что они находятся в тесной зависимости от духа эпохи и соответствуют культурно-историческому и идейно-эстетическому

контекстам общественной жизни человечества вообще. Поэтому не случайны, а вполне закономерны совпадения как моделей, так и принципов номинации у разных народов в определенные периоды. Национальное же своеобразие в урбанонимии проявляется, во-первых, в активизации определенных признаков при номинации внутригородских объектов; во-вторых, в использовании специфических географических терминов; в-третьих, в диапазоне привлекаемых к номинации лексических ресурсов; в-четвертых, в национальных, грамматических и словообразовательных формах названий.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Поспелов Е.М.** Урбанизация и топонимика // Теория и практика топонимических исследований. – М., 1975. – С. 20–27.
2. **Мезенко А.М.** Урбанонимия Белоруссии. – Мн., 1991. – С. 105–135.
3. **Хэ Кай Юн.** Рассказ о топонимии Нанкина // Китайский топоним. – Пекин, 1996. – С. 32–33.
4. **Чжан Инь Гэн.** О законах номинации географических объектов города Куньмин // Национальный университет. – Куньмин, 1996. – С. 22–25.
5. **Хоу Ю Лань.** Первое исследование о шаосинской топонимии // Journal of Zhejiang shuren univisity, 2003. – Vol. 3, № 6. – С. 48–52.
6. **Е Дай Фу.** The characteristics of place name of Huizhou // Journal of Huizhou university, 2001. – Vol. 3, № 5. – С. 10–14.
7. **Дэн Хуй Жун.** Анализ языка и культуры в китайской топонимии: Магистерская диссертация. – Харбин, 2001. – С. 26–32.
8. **Ли Жу Лун.** Трактат о китайской топонимии. – Шанхай, 1998. – С. 89–90.
9. **Мезенко А.М.** Белорусская ономастическая лексикография: состояние и перспективы // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии. – Славянск, 2002. – С. 166.

S U M M A R Y

Views of Russian, Belarusian and Chinese onomatologists on the nomination problems of the inner-urban objects are under investigation; the conclusion about their close dependence on the epoch soul and correspondence to the cultural-historic and idea-aesthetical contexts of the general social life of humanity is drawn.

Поступила в редакцию 11.03.2006

УДК 808.2–01

О.А. Тулинова

Особенности референции в бэджевых текстах

Основной целью данной работы является рассмотрение бэджевых текстов с точки зрения теории коммуникации, а также возможностей их функционирования в разговорной речи. Учитывая, что бэджевые тексты – явление достаточно новое, специальной литературы, посвященной их исследованию, нет. При подготовке статьи использовались работы лингвистов, исследующих вербальную коммуникацию, структуру и типы речевых актов и теорию референтности.

Методологическую основу данного исследования составляют метод дистрибутивного анализа, описательный и структурный методы.

Специфической чертой функционирования бэджевых текстов в речевом общении является то, что они употребляются как самостоятельные языковые единицы, нередко не связанные с общим смыслом высказывания. Однако не следует считать, что бэджи существуют изолированно – они включены в активное взаимодействие. С коммуникативной точки зрения сущность бэджегового текста не может быть определена одними лишь языковыми признаками, ибо текст – продукт целенаправленной деятельности, «превращенная форма общения» [1]. Следовательно, исследуя специфику функционирования бэджевых текстов в речевом общении, необходимо учитывать связь того или иного бэджа с явлениями окружающей действительности, психологической и социальной реальностью, с функционированием текста в этой реальности.

Следует учитывать, однако, что бэджи – это такая функциональная разновидность текста, которая предназначена для частичного, выборочного восприятия, вследствие этого в них не всегда целесообразно отыскивать связь с предыдущим и последующим контекстом; это тексты так называемого «несюжетного характера». Именно поэтому при исследовании особенностей функционирования бэджевых текстов в речевой действительности первостепенной представляется идентификация референта как условие успешного процесса коммуникации.

Обращаясь к истории данного вопроса, отметим, что анализ языковых феноменов с помощью референциальных механизмов впервые был проведен в конце XIX – начале XX века. Появление различных теорий референтности – продукт «расширения языковой базы логического языка за счет включения в нее материала обыденной речи, рассматриваемой не только как реальность мысли, но и как орудие коммуникации, а также за счет привлечения фактов, относящихся к построению связного текста» [2].

В центре теории референтности стоит вопрос о соотношении высказывания и его частей с действительностью как когнитивной операции, в которой используются отношения между языком (или, шире, системой символов) и объектами в мире. Поскольку искусство слова и искусство вообще участвуют в формировании представлений о мире и о человеке – носителе когниции, теория референтности не может обойти молчанием метафорическое, экспрессивное и фиктивное употребления речи, не может заниматься только фактическим и описательным в употреблении языка.

Спектр соответствующих теорий референтности можно условно классифицировать следующим образом:

1. *Теория соответствия (классическая теория)* исходит из того, что значение – это отношение между символами языка и некоторыми референтами, от этого языка не зависящими. Есть два варианта «референциальной» теории значения, состоящей в отождествлении значения символа с его референцией: значение отождествляется с референцией, либо значение рассматривается как отношение между носителями значения и носителями референции.

Для обеих разновидностей затруднения в определении значения возникают из-за существования слов, не обладающих вообще никакой референцией (союзы, частицы и т.п.). Кроме того, в такой теории в принципе невозможен семантический анализ предложений, взятых вне конкретной ситуации. А ведь одно и то же предложение может менять свою референцию в зависимости от ситуации употребления.

2. *Каузальная теория* состоит во взгляде на референцию по крайней мере некоторых именованных как на функцию их истории. Это означает принятие

социальности языка: употребляя термин, мы пытаемся не просто идентифицировать референт, но и соответствовать нормам именования в обществе. В этом смысле референция является историческим, а не просто эпистемическим отношением.

Референцию к несуществующему эта теория объясняет путем указания на отношение между употреблением выражения и референтом дескрипции, приравняваемой по функции имени собственному, т.е. «поясняющей» это имя собственное. Если, исходя из значения дескрипции, мы заходим в тупик в поисках корней референции данного имени, значит, референта у имени нет.

3. «*Неоклассическая теория*», в центре внимания которой – объяснение референции на основе «семантической компетенции» говорящего, включающей разнородные факторы. Развивается этот взгляд с применением понятий теории речевых актов в рамках лингвистического описания, где реферирование считается действием говорящих, а не выражений. Референция – элементарный речевой акт, входящий в другой речевой акт – вопроса, утверждения, приказа и т.п. Теория референтности как теория употребления языка связана с целевыми установками – и в употреблении конкретных имен, и в смысле всего дискурса. Современные лингвисты устанавливают, как употребляются выражения, обладающие референцией в конкретном контексте, и как при удачной референции меняется модель мира говорящего в ментальности слушающего, а модель мира слушающего – в ментальности говорящего.

В русской лингвистике вышеуказанные теории получили свое отражение в работах таких авторов, как Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, А.Д. Шмелев и др.

В современной лингвистической науке под референтом принято понимать то, «что соответствует слову (языку) на уровне предметной (внеязыковой) действительности» [3]. По одному из существующих определений, «референция – соотнесение высказывания и его частей с действительностью – с объектами, событиями, ситуациями, положениями вещей в реальном мире (и даже не обязательно в реальном, поскольку высказывание может относиться к миру сказки, мифа, фильма)» [4], или, по ставшему крылатым выражению, «способ зацепить высказывание за мир» [2, с. 18]. Если рассматривать бэдж как семиотическую единицу, то, применяя к теории бэджового текста приведенные дефиниции, можно определить референцию как отношение мира текста к внетекстовой действительности.

Коммуникативно-деятельностный подход позволяет нам взглянуть на бэджовый текст комплексно, с учетом психолингвистических, социолингвистических и других данных экстралингвистического характера, т.к. «текст, функционируя, осложняется психическими, социальными, прагматическими и другими факторами языковой личности реципиента. Поэтому текст не просто лингвистическое, но и социальное явление» [1, с. 8]. Решение поставленной коммуникативной задачи ведет к созданию такого бэджового текста, в котором наиболее полно реализуются лингвистические и прагматические стратегии адресанта. Определяющим в создании текста является замысел автора, согласно которому и структурируется тот или иной бэдж. Референция бэджового текста определяется только в рамках текстовой деятельности, т.е. задается иллокутивными интенциями автора, который, порождая текст, осуществляет назначенную «иллокутивную стратегию» – руководствуется определенными прагматическими установками, составляющими референциальный статус текстов заданного типа. При этом референтные интенции автора не являются произ-

вольными, они заданы нормативно-ценностными установками, принятыми в окружающей автора культурной среде.

Важнейшей для любого текста является категория содержания, подчиняющая себе все элементы текста: риторическую организацию, композицию, стилистическое оформление и другие категории, входящие в коммуникативное содержание текста. В концепции А.И. Новикова, основанной на семиотическом подходе, но несколько этот подход упрощающей, содержание текста предстает как «совокупность денотатов, связанных предметными отношениями в целостный семантический комплекс» [4, с. 117], где денотат текста является связующим звеном между действительностью и субъектом речевой деятельности.

Осуществление референции в бэджевых текстах представляет собой достаточно сложную задачу, т.к. бэджи невелики по объему и коммуниканты лишены возможности пространного обсуждения денотата. Референция бэджевых текстов как текстов «несюжетного характера» предполагает знание трех основных моментов:

- 1) местонахождения предмета в мире вещей;
- 2) расположения его в конкретной речевой ситуации;
- 3) реальных отличий данного референта от других.

На основании этого лингвисты выделяют типологию представления референта в высказывании, в соответствии с которой возможности употребления бэджевых текстов можно классифицировать по признаку соотносительности с определенным референтом следующим образом:

1. Текст бэджа соотносится с конкретным референтом. Референция данного типа наиболее распространена в бэджевых текстах, т.к. в них достаточно четко определяются связи между высказыванием и реальной действительностью. При использовании в речевом общении бэджей этой группы практически исключается возможность несовпадения референтов адресанта и адресата, при котором происходит замена реального референта иным, не имеющим отношения к процессу коммуникации: *Жирик гад!*; *Бог велел делиться. Китайцы поняли буквально...* Соотнесение высказывания с конкретным референтом предполагает осуществление ретического (осмысленного, полноценного) акта.

2. Текст бэджа соотносится с абстрактным референтом. В данном случае количество сведений о референте сведено до минимума, референт предельно абстрагирован и достаточно условно соотносится с действительностью: *Всегда без очереди.* По мнению лингвистов, высказывание подобного рода тяготеет к фатическим, т.к. не несет достаточной информации о референте.

3. Текст бэджа соотносится с несуществующим референтом. В современной лингвистической философии высказывания подобного рода получили название «возмутительных суждений» (типа *«нынешний король Франции лыс»*). Бэджевые тексты, в которых высказывание соотносено с референтом, не являющимся объектом реальной действительности, не только не соответствуют действительности, но и не отображают ее: *А не выкурить ли мне рюмочку чаю.* Данные бэджи – наиболее яркий пример фатического речевого акта.

4. Текст бэджа соотносится с «чужим» референтом. Речевые ситуации, репрезентирующие сопоставление с референтом, не соответствующим данному коммуникативному акту, следует отличать от ситуаций, в которых высказывание соотносится с референтом, не существующим в объективной действительности. Наоборот, в высказываниях, соотносимых с «чужим референтом», происходит соотнесение с реальным референтом, не имеющим,

однако, никакого отношения к данной речевой ситуации: *ДПС – денежно-поисковая служба; ГИБДД – гони инспектору бабки и дуй дальше*. На самом деле аббревиатуры ДПС и ГИБДД имеют совершенно другое значение, однако при правильной их расшифровке (ДПС – дорожно-постовая служба и ГИБДД – государственная инспекция безопасности дорожного движения) они перестают быть бэджевыми текстами. Поэтому можно считать, что в некоторых случаях соотнесение с «чужим» референтом становится основой для образования бэджового текста.

Одной из специфических особенностей бэджей является обесмысливание текста: *А вы и ухом не моргнули; Забодай тебя комар!; На безрыбье и ланки соловьи*. В данных случаях подразумевается референт, который, однако, не может осуществлять приписываемые ему действия или обладать указанными признаками. Это могут быть различные варианты игры слов, которые демонстрируют употребление лексем без передачи какого-либо смысла. Речь идет о предельно косвенном выражении дальней смысловой перспективы текста – через обширную систему компонентов фактуры, каждый из которых в отдельности фактически не соотнесен с тематико-смысловой сферой текста в целом. Какие бы то ни было прямые связи с реально существующими референтами полностью исключаются, текст демонстрирует безреферентность и даже антиреферентность.

Следует также отметить, что случай 1 предполагает успешное развитие коммуникативного акта посредством бэджового текста (в бэдже представлено референтное высказывание), тогда как случаи 2, 3, 4 влекут за собой нарушение соотношения между словом и предметным миром (в бэджах представлены референцированные высказывания). «Референцированные высказывания различаются по признаку того, до какой степени сильно нарушен механизм соответствия слова миру... Степень несоотнесенности высказывания с референтом варьируется в довольно широких пределах: от случаев, когда референт частично опознаваем, до случаев, когда референт неизвестен» [3, с. 148].

Возможность физического «несуществования» объекта-референта обусловлена онтологически: «референция, в отличие от семантики, имеет дело не с пространственной определенностью вещи, а с логической определенностью. Нереференция может градуироваться по определенности, но при этом результатом будет та или иная степень возможности идентифицировать вещь или лицо, о которых идет речь» [5].

Классификация бэджовых текстов по соотнесенности с определенным референтом или референтной группой не может считаться полной, т.к. в ней учитываются далеко не все аспекты взаимодействия слова и реального мира. При референтном подходе в качестве базовых признаков могут использоваться также референтное/нереферентное употребление бэджа и известность/неизвестность референта. Для определения значения данных референтных признаков следует учитывать следующие моменты:

- под **денотативным пространством** понимается любой фрагмент внеязыковой действительности. «Для всякого языкового выражения, употребляемого в речи, релевантным является то денотативное пространство, в котором фиксируется референт данного языкового выражения» [6];
- под **референтным** пространством понимается такой фрагмент языковой действительности, в котором референт фиксируется в конкретном денотативном пространстве;

– под **нереферентным** пространством понимается такой фрагмент языковой действительности, при котором референт не фиксируется в конкретном денотативном пространстве [6, с. 85].

Что касается второго базового признака, то референт является известным, если до момента речи он попал в денотативное пространство говорящего (например: *А зомби здесь тихие; Рожденный ползать упасть не может*), и неизвестным, если до момента речи он не попал в денотативное пространство говорящего (например: *Родила царица в ночь Коле – сына, Толе – дочь; Он в розовых очках сменил мне стекла...*)

Третий признак является релевантным только по отношению к высказываниям, имеющим референтный характер. Таким образом, в результате взаимодействия данных референциальных признаков различаются три референциальных статуса. Объект может быть:

- 1) референтным и известным;
- 2) референтным, но неизвестным;
- 3) нереферентным.

Представленная типология первоначально была разработана применительно к именным группам, представленным в высказывании; впоследствии лингвисты перенесли теорию референции на тексты в целом, сохраняя весь понятийный аппарат, используемый авторами данной теории. Таким образом, бэджевые тексты можно классифицировать следующим образом:

1. Бэджевые тексты определенной референции. Это однозначная, известная говорящему и слушающему референциальная соотнесенность в дискурсе данной номинации с единичным предметом, лицом или совокупностью предметов, лиц: *Закуска без водки – еда; Долг платежом страшен*.

Данная соотнесенность может иметь место только тогда, когда речь идет о референте, фиксированном в конкретном денотативном пространстве.

2. Бэджевые тексты неопределенной референции: в них имеется в виду референт, который зафиксирован в конкретном денотативном пространстве, но неизвестен говорящему: *Есть еще порох в пороховницах и ягоды в ягодицах; Желаю у дачи*.

3. Нереферентные бэджевые тексты. Дифференциальный признак известности/неизвестности не является релевантным для данных языковых единиц, поскольку в бэдже заложен определенный смысл, а не называется конкретный референт, фиксированный в пространстве. Нереферентное употребление не встречается в эпизодических высказываниях, оно типично для квалификативных: *ДПС – денежно-поисковая служба; 90–60–90 – езда в городе мимо гаишника*.

Для успешного течения коммуникативного акта его участники должны учитывать, о чем идет речь на данном этапе, имеется ли в виду тот же самый предмет речи или уже другой. На протяжении всего акта общения референт пополняется новыми признаками, которые наиболее точно характеризуют его, адаптируя непосредственно для данной, конкретной речевой ситуации.

«В некоторых исследованиях такое обогащение референта новыми признаками на разных этапах его развертывания называют референциальной историей. Референциальная история дает возможность определить разницу между стартовыми знаниями коммуникантов о референте и их знаниями о нем на выходе из речевой ситуации» [3, с. 178].

Опираясь на всю информацию о референте, представленную в высказывании, адресант может на протяжении беседы выбрать такой бэдж, который

наиболее полно отразит предмет речи, усилит смысл высказывания, подводя итог или делая вывод.

В устной речи бэджи в основном используются в качестве готовых языковых формул, что дает возможность выразить мысли в краткой форме, и одновременно несут огромную смысловую нагрузку, а также позволяют передавать необходимую информацию завуалированно, иносказательно.

Согласно теории речевой коммуникации, ответственность за несовпадение референтов говорящего и слушающего в ходе речевого акта, «безусловно, несет говорящий, однако полностью снимать ответственность со слушателя тоже едва ли возможно» [3, с. 137]. В бэджевых текстах вследствие их специфичности зачастую референт говорящего не совпадает с референтом слушателя. Однако не стоит в данном случае считать несовпадение референтов коммуникативной неудачей. Нередко бэджевые тексты и возникают как результат несоответствия референтов, которые могут рассматриваться обобщенно. В ряде текстов несовпадение референтов собеседников не становится препятствием для успешного продолжения коммуникативного акта.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Маслова В.А.** Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. – Мн., 1997. – С. 8.
2. **Арутюнова Н.Д.** Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – С. 6.
3. **Клюев Е.В.** Речевая коммуникация. – М., 1998. – С. 137.
4. **Падучева Е.В.** Референциальные аспекты семантики предложения // ИАНСЛЯ, 1984. – Т. 42. – С. 291.
5. **Новиков А.И.** Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – М., 1982.
6. **Степанов Ю.С.** Новый реализм. – М., 1998. – С. 659.

S U M M A R Y

In the article the classification of badge texts on the basis of correlation to a certain referent, personal or impersonal usage of a badge text and the referent's renown is suggested.

Поступила в редакцию 9.09.2005



УДК 882.6(09)

А.У. Русецкі, Ю.А. Русецкі

«Букварь» з Куцейны

«Букварь» – сиречь начало учения детем начинающим чтению извыкати». Менавіта такую назву мела кніга, выдадзеная беларускім друкаром Спірыдонам Багданавічам Собалем 375 гадоў таму ў тыпаграфіі Куцейнскага манастыра пад Оршай (дарэчы, першай актыўна дзеючай кірыліцкай тыпаграфіі на Беларусі). Дэтальнае і ўсебаковае асэнсаванне гэтай падзеі дазваляе вызначыць шэраг адметнасцей, якія можна абазначыць як гістарычна значныя. На наш погляд, такімі з'яўляюцца:

– **па-першае**, тое, што ў 30-я гады XVII стагоддзя, калі на тэрыторыі Беларусі поўным ходам усталёўваліся каталіцызм і уніяцтва (успомнім, што за жорсткасць у адносінах да праваслаўнага кліру сумнавядомы Іясафат Кунцэвіч быў пераведзены з Оршы ў Полацк, а адзін з кіраўнікоў Магілёўскага паўстання 1618 г. супраць іншаземнага засілля, бацька друкара Багдан Собаль па прыгаворы суда быў павешаны ў Варшаве ў 1619 г.), знайшоўся астравок беларускасці, дзе прыхільнікі праваслаўя Спірыдон Собаль і Іаіль Труцэвіч пры матэрыяльнай падтрымцы сям'і Статкевічаў – князя Багдана і яго жонкі Алены, арганізавалі выдавецкую справу, працягваючы на Віцебшчыне традыцыі славянскіх першадрукароў Івана Фёдарова, Францыска Скарыны і Васіля Цяпінскага;

– **па-другое**, «Букварь» Спірыдона Собаля быў першай у славянскай друкарскай справе кнігай, у назве якой выкарыстана слова «Букварь». Па сутнасці, Аршаншчына з'яўляецца радзімай славянскага і беларускага буквара – кнігі, па якой на працягу дзесяцігоддзяў вялося навучанне грамаце. Часта адзначаюць (і з гэтым нельга не пагадзіцца!), што калі б С. Собаль выдаў толькі адзін «Букварь» (а усяго ім у Кіеве, Магілёве, Куцейне і Буйнічах, што пад Магілёвам, выдадзена 19 кніг, якія адыгралі значную ролю ў распаўсюджванні асветніцкіх ідэй і захаванні роднай мовы і нацыянальнай культуры), то яго імя ўсё роўна было б залатымі літарамі ўпісана ў гісторыю беларускай мастацкай культуры. (На жаль, гэты выдатны факт чамусьці застаецца па-за ўвагай аўтараў падручнікаў, як для агульнаадукацыйнай, так і для вышэйшай школы);

– **па-трэцяе**, «Букварь» С. Собаля дапамагаў паспяхова вырашаць дваадзіную задачу навучання і выхавання моладзі ў праваслаўна-патрыятычным духу. Выдаўцом былі скрупулёзна адабраны і ўключаны ў кнігу біблейскія тэксты, якія ўтрымлівалі павучальныя царкоўныя каноны і малітвы. Сярод усіх дагматаў асабліва выдзяляецца «Десятисловие сиречь десять заповедей Ветхого завета» – своеасаблівы кодэкс ранняга хрысціянства;

– **па-чацвёртае**, «Букварь» меў спецыфічныя асаблівасці ў паліграфічным афармленні: наборны арнамент на тытульным лісце, гравюра на шмуцтытуле, мастацкія застаўкі і ініцыялы з раслінным арнамантам. Выданне атрымалася

прыгожае па знешнім выглядзе і таннае па цане. Друкару ўдалося выдаць кнігу, якая падабалася і вучням, і бацькам, будзіла ў іх патрэбнасць у ведах.

Некалькі слоў аб Спірыдоне Собалі. Канкрэтная дата яго нараджэння, на жаль, невядома. Але, калі прааналізаваць дадатковыя матэрыялы (у адной з актавых кніг магілёўскага магістрата пад 1615 г. значыцца запіс аб наяўнасці доўгу ў 2 капы мяшчанкі Анастасіі Цішкавай перад Спірыдонам Собалем. Так, калі ён з'яўляўся правамоцным удзельнікам здзелкі, яму ў той час было не менш 18 гадоў – узрост прававога паўналецця згодна Статута Вялікага княства Літоўскага), то можна зрабіць вывад, што нарадзіўся аўтар «Букваря» напрыканцы 90-х гадоў XVI ст.

Пасля смерці бацькі (1619) матэрыяльнае становішча сям'і Собалёў значна пагоршылася. Юнаку (а побач са Спірыдонам раслі яшчэ ягоныя брат і сястра) прыйшлося шукаць работу. Спачатку ён працаваў настаўнікам у школе Магілёўскага Богаяўленскага брацтва, а потым быў прызначаны яе рэктарам (у тых жа актах Магілёўскага магістрата запіс ад 6 сакавіка 1624 г. называе С. Собалёва «рэктарам школы Могилёвской»). Аднак узмацненне каталіцка-уніяцкага кантролю за духоўным жыццём беларускіх гарадоў, асабліва пасля жорсткага падаўлення Віцебскага паўстання ў 1623 г., не пакідала сыну павешанага бунтара надзей на актыўную жыццядзейнасць у імя развіцця беларускай культуры. Яму прыйшлося пакінуць радзіму і пераехаць у Кіеў. Спачатку працаваў настаўнікам у Кіеўскай брацкай школе, а потым выкладаў у Кіева-Магілянскай акадэміі (у 40-я гады XVII ст. тут будзе вучыцца яшчэ адзін знакаміты беларус – Сімяон Полацкі). У Кіеве С. Собаль вывучыў тыпаграфскую справу і адкрыў уласную друкарню.

У пачатку 30-х гадоў XVII ст. С. Собаль атрымаў запрашэнне пераехаць у Куцейну. Тут ён пазнаёміўся з мецэнатам Багданам Статкевічам, з якім у Спірыдона склаліся прыезныя адносіны. Мабыць, дзякуючы за дапамогу ў адліўцы новых дробных шрыфтоў (10 стар = 54 мм), С. Собаль менавіта ў Куцейне напісаў эпіграму «На герб их милостей панов Стеткевичей», прысвечаную сям'і мецэната:

*Две сердца ся споили, меч их разрывает,
Моц старожитных домов през то освещдает,
Которым варварский гуфы не зрвнали¹.
Пойзри на гелм, обачиш як ся потыкали.
Котвицы – теж веры статечной знаком,
Як кгда окрут на ветры умоцнен троизаком²,
А крест – церкви похвала, крест – верным оброна,
И тот есть Стеткевичов клейнот и корона.
Прето ж их слава в небо, як стрела, вносити
И на веки ся будет в людех голосити.*

Ужо ў пачатку лета 1630 г. убачыла свет першая, выкананая кірыліцай, куцейнская кніга С. Собалёва «Псалтырь» («Брашна духоўнае»). А праз год манастырская тыпаграфія зноў парадавала праваслаўны клір – былі надрукаваны «Молитвы повседневные» («Малітваслоў»), у якія выдавец уключыў «Пакаянныя плачы» святагорца Фікары і якія да гэтага ў праваслаўных выданнях не друкаваліся. Для сваіх першых выданняў С. Собаль відазмяніў гравюру «Апостал Лука» і стварыў уласную – «герб

¹ Які не знішчылі варожыя сілы.

² Як карабель, супраць ветру ўмацаваны якарам.

Багдана Статкевіча». Выкарыстаўшы міфалагічныя і біблейскія сюжэты, С. Собаль *упершыню* ў гісторыі беларускага кірыліцкага кнігадрукавання актыўна выкарыстаў малюнкi птушак, звяроў, выяў чалавека. «Брашна духоўнае», напрыклад, было аформлена буйнымі ініцыяламі з густым чорным фонам і тонкім малюнкам.

Асабліва паспяховым для С. Собаля стаў 1631 год, калі яму ўдалося ажыццявіць сваю мару. Была завершана падрыхтоўчая праца і выдадзены «Букварь» – самастойны і арыгінальны твор, які, па сутнасці, стаў своеасаблівым вынікам творчай дзейнасці беларускага асветніка на аршанскай зямлі.

Нягледзячы на кароткі, усяго двухгадовы, тэрмін прабывання ў Куцеіне, С. Собаль змог так арганізаваць выдавецкую справу, што яна працягвалася ў манастыры пад Оршай больш чвэрці стагоддзя. Пад кіраўніцтвам аўтарытэтнага дзеяча праваслаўнай царквы Іаіля Труцэвіча тут былі выдадзены такія значныя і неабходныя для асветы і выхавання кнігі, як «Гісторыя аб Варлааме і іасафе» (1637), «Брашна духоўнае» (1639), «Трэфалагіён!» (1647), «Дыёптра!» (1651), «Новы завет» (1652), двухмоўны «Лексікон славянарускі прозвішч тлумачэне» Памвы Бярынды (вядомы дзеяч усходнеславянскай мастацкай культуры) (1653) і інш.

У канцы 1632 г. С. Собаль пакінуў Куцеіну, але не пакінуў тыпаграфскую справу. Вядома, што ў Буйнічах і Магілёве ён выдаў каля 10 кніг. Ёсць звесткі, што ў гэты час С. Собаль аднавіў сувязі з Кіеўскім праваслаўным брацтвам. У 1633 г. на мяжы з Маскоўскай дзяржавай быў затрыманы купец з кнігамі. Мытнікі вызначылі: «Молитовник – литовская, киевская печать Богоявленского монастыря из братства». Як нам здаецца, гэта сведчанне таго, што Кіеўскае Богаяўленскае брацтва распаўсюджвала выданне Собаля – куцеінскі малітоўнік 1632 г. (ці яшчэ які-небудзь не дайшоўшы да нас прататып). Дарэчы, да гэтага часу С. Собаль добра ведаў класічныя мовы – грэчаскую і лацінскую, а таксама рускую, беларускую, украінскую і польскую мовы.

У канцы 30-х гадоў С. Собаль аднавіў свае дзелавыя і гандлёвыя сувязі з маскоўскім выдаўцом В.Ф. Бурцавым (прадаў яму «формы, в чём лют книжные печатные слова»), спадзеючыся на тое, што апошні дапаможа развіць выдавецкую справу ў Маскве. С. Собаль думаў, што В. Бурцаў дапаможа яму атрымаць дазвол на навучанне царскіх дзяцей грэчаскай, лацінскай, польскай і нямецкай мовам «и некоторым другим потребнейшим языкам», а таксама перакласці замежныя падручнікі на рускую мову. Але Бурцаў сам марыў аб расійскай славе і яму не патрэбен быў высокакваліфікаваны спецыяліст-сапернік. Справа закончылася тым, што ў 1639 г. С. Собалю нават не дазволілі ўезд у Маскоўскую дзяржаву: «чтоб в его ученье и в книгах смуты не было... и от него б, Спиридона, какая ересь не объявилась». У пачатку 40-х гадоў XVII ст. С. Собаль пераязджае ў Кіеў, дзе пастрыгаецца ў манахі Кіева-Пячорскай лаўры і прымае імя Сільвестра.

Памёр С. Собаль у Камянец-Падольскім у 1645 годзе, завяшчаючы сваім сынам незавершаныя кнігі, «дом с пляцом... на горе Ильинской» і іншую маёмасць.

А цяпер аб самім «Букваре» (адзіны вядомы экзэмпляр кнігі знаходзіцца ў Музеі украінскага мастацтва ў Львове). Кніга выдадзена ў восьмую долю аркуша. Налічвае 40 лістоў (80 старонак), на якіх адсутнічае нумерацыя, але ў правым ніжнім вугле ёсць так званыя кустоды – першы склад ці слова, з якога пачынаецца слова на наступнай старонцы. Назва «Букварь» была надрукавана вялікімі літарамі, крыху ніжэй змешчана тлумачэнне «Сиречь начало учения детем начинающим чтению изыкати». У цэнтры і ўнізе старонкі

надрукаваны выхадныя звесткі «В Кутейне изобразился в типографии Спиридона Соболя Року 1631». Тытульны ліст аформлены арнамантам, апрача таго на ім меліся надпісы на замежнай мове. На зваротным баку тытула – умела скампанаваная гравюра Ісуса Хрыста з серафімамі. Наступная старонка мела такі выгляд: уверсе змешчана застаўка з раслінным арнамантам, ніжэй – рубрыка: «Азбука языка славенского». Пад ёй знаходзяцца 44 літары стараславянскага алфавіта ў прамым і зваротным парадку.

Матэрыялы «Букваря» можна ўмоўна падзяліць на дзве часткі: асноўныя граматычныя паняцці, якія давалі магчымасць авалодаць практыкай пісьма і беглага чытання, і маральна-дыдактычныя тэксты царкоўнага характэру. Лексічны матэрыял размешчаны так, што побач з царкоўнымі словамі былі словы, якімі карыстаўся «люди посполитый». У кнізе таксама знаходзіліся граматычныя правілы ў дапамогу аматарам вершаскладання, якое было папулярным у брацкіх школах Беларусі (у адносінах да тэмы сярод розных відаў «просодии» С. Собаль называе «коксию, варию, облегченную, врахию, мягкую»). Асаблівасцю «Букваря» С. Собаля было тое, што ён і пачынаўся, і заканчваўся малітвай (дзеці ўсё ж павінны былі расці веруючымі).

Вучэбная частка кнігі мела падзагаловак «Буква или письменна». Яна пачыналася алфавітам, у якім спачатку былі размешчаны вялікія літары, а потым меншыя. Яшчэ раз алфавіт быў надрукаваны ў зваротным парадку. Наступны раздзел складалі двухлітаравыя склады (ба, ва, га, да, бе, ве, ге, де...), потым трохлітаравыя (вра, гра, дра...). Пры гэтым у кнізе такога тыпу ўпершыню надрукаваны трохлітаравыя склады, якія маюць пэўны сэнс (рай, май, чай, твой, сей і інш.). Матэрыялы падаваліся такім чынам, што спачатку знаходзіліся больш лёгкія заданні, якія ад раздзела да раздзела ўскладняліся. Пасля складоў ішлі словы на вызначэнне літары (да прыкладу, Г – господь, Д – дух, И – Исус, К – крещение). Фанетыкай (у цяперашнім яе разуменні) вучні авалодвалі наступным чынам: спачатку трэба было засвоіць, што ў славянскім алфавіце існуюць «письмена», г.зн. літары «гласная, польгласная, двогласная, трегласная и согласная». Кожная група літар С. Собалем была выдзелена ў асобны рад для лепшага запамінання. У кнізе змешчаны кароткія звесткі з граматыкі, куды ўключаны правілы аб знаках прыпынку («черта, запятая, точка, двоеточие и др.») і націску.

З граматычных паняццяў С. Собаль, перш за ўсё, выдзеліў звесткі аб дзвюх частках мовы «имени» (цяпер назоўнікі і прыметнікі) і «глаголе» (дзеяслоў) – без іх ведання цяжка было поўнасцю авалодаць граматыкай – адной з «семи свободных наук». Звесткі аб частках мовы аформлены ў раздзеле «Парадеигмата пяти славянские грамматики склонений», «Десятисловия с дополнениями», «Таблицы чисел» і інш. На 17 старонках размешчаны матэрыялы аб пяці скланеннях «имени», на 6 – табліцы спражэння ў розным часе дзеяслова «есть», на 2 – аб прыслоўях і дзеепрыслоўях. Заўважым, што для больш глыбокага разумення і запамінання былі падабраны словы кожнага скланення (мужчынскі, сярэдні і жаночы род; адзіночны, дваічны і множны лічбы). Пераканальнымі былі матэрыялы аб дзеяслове і вытворных ад яго – прыслоўі і дзеепрыслоўі. Для паўтарэння алфавіта ў «Букваре» выкарыстоўваўся «акростих» (верш, у якім рытмічная выразнасць дапаўняецца зрокавай: першыя літары яго радкоў складаюць імя ці нават цэлую фразу. Дарэчы, акаверш у кнігадрукаванні выкарыстоўвалі і Францыск Скарына і Іван Фёдарэў).

Аб папулярнасці і неабходнасці «Букваря», яго ролі ў распаўсюджванні пісьменнасці сярод «людю паспалитого» сведчыць і той факт, што кніга была

пераведзена самім С. Собалем у Магілёўскай тыпаграфіі ў 1636 г., а потым і Магілёўскім праваслаўным брацтвам (1648, 1649).

І было б зусім справядліва, калі б кіраўніцтва Украіны зрабіла «жест доброй воли» і перадала той адзіны вядомы экзэмпляр «Букваря» С. Собалю са Львова на яго гістарычную радзіму – у дзейнічаючы пад Оршай праваслаўны Куцеінскі манастыр.

ЛІТАРАТУРА

1. *Асвета і педагагічная думка ў Беларусі*: Са старажытных часоў да 1917 г. – Мн., 1985.
2. *Батвіннік М.Б.* Азбука на ўсе часы. – Мн., 2003.
3. *Березкин Н.Ю.* Роль книги в распространении научных знаний в Беларуси XVI–XVII вв. // Доклады Национальной академии наук Беларуси. – Мн., 2005. – Т. 49.
4. *Зернова А.С.* Белорусский печатник Спиридон Соболев / Кн.: Исследования и материалы. – М., 1965.
5. *Исаевич Я.Д.* Преемники первопечатника. – М., 1981.
6. *Мацюк О.Я.* Новые документы о типографии Спиридона Соболя / Федоровские чтения, 1973. – М., 1976.
7. *Русецкі А.У., Русецкі Ю.А.* Мастацкая культура Аршанскай зямлі ў канцы X–XIX стагоддзяў. – Мн., 2002.

S U M M A R Y

In 2006 it is 475 years since the day when the first on the Belarusian soil «Bukvar» (Primer) was published by S.Sobol in Kuteinsk printing-house near Orsha. In the article the significance of this event for the national art culture of Belarus is analyzed.

Поступила в редакцию 4.04.2006

УДК 882–31(091)

К.Л. Киселев

К проблеме типологии характеров в творчестве Леонида Леонова (на материале романов 1950–1990-х годов)

В науке о литературе существует немалое количество типологических обобщений, так или иначе раскрывающих своеобразие творчества писателя, художественного направления или течения, литературного процесса определенной эпохи и т.д. Стремление к обнаружению сходных черт, признаков, фактов вместе с тенденцией к разграничению разнообразнейших явлений литературно-художественного творчества вполне объяснимы: подобная диалектическая направленность литературоведческих исканий, составляющих основу типологического метода, позволяет глубже проникнуть в суть исследуемых объектов, шире и многогранней представить литературно-эстетическую данность.

Труды, посвященные типологии характеров [1; 2], также базируются на понимании тесной взаимосвязи обобщения и разграничения. Обобщающий момент исследования неизменно выражен в поиске тех принципов и начал, которые кладутся в основу творческого метода писателя, в выявлении его

взглядов на окружающий мир и человеческую личность, в изучении поэтической структуры отдельных произведений и единых форм образного выражения действительности. На их основании ученые переходят к разграничительному моменту, а именно, классификации характеров, то есть процессу типологизации. В своей работе мы и будем придерживаться традиционной в литературоведении методологии, сообразуясь со спецификой предмета нашего исследования, а именно, творчества Леонида Леонова 1950–1990-х годов (романы «Русский лес», «Вор» (2-я редакция), «Пирамида»).

Целью данной статьи является исследование характерологии послевоенных романов Леонова в типологическом аспекте, утверждение общих принципов классификации характеров в творчестве писателя, а также теоретическая разработка понятия «сверхтип».

Типологизация характеров – процесс, зависящий от ряда факторов. К ним мы можем отнести творческую целеустремленность писателя, степень «активности» («пассивности») авторской позиции, стилевые особенности произведений. Так как все эти компоненты литературного творчества строго индивидуальны, находятся в ведении художника, а следовательно, у каждого писателя *свои*, то и процесс типологизации в каждом отдельном случае будет осуществляться по-разному, на основании различных критериев.

Невозможность построения общей схемы типологизации характеров, которая бы позволила на один манер классифицировать характерологические типы в произведениях разных художников, не означает невозможности утверждения однородных принципов исследования «внутри» творчества конкретного писателя. Более того, установка на однородность теоретических принципов просто необходима, чтобы предотвратить возможную путаницу, достичь сопоставимых результатов, многосторонне исследовать систему характеров в типологическом аспекте.

В качестве основы типологизации характеров в романах Л. Леонова 1950–1990-х годов мы выдвигаем следующие *принципы*: а) общность доминантной черты характера (либо совокупности черт), проявляющейся в отношениях между героями; б) близость авторской оценки персонажей, принадлежащих к одному типу; в) степень «участия» («неучастия») в «великой и бессмертной реке» народной жизни, то есть связь героев с народом, его нуждами и потребностями; г) единство средств художественного изображения характеров в рамках определенного типа.

Данные принципы учитывают наиболее значимые критерии классификации характеров в творчестве Леонида Леонова. Первый и главный из них соотносится с жанровыми особенностями прозы писателя, романная характерология которого направлена на «отражение мира во взволнованной человеческой душе» [3], на исследование человеческой психологии, а также со спецификой типизации характеров в произведениях Леонова, связанной с заострением ведущих психических качеств личности. Второй принцип свидетельствует об активности авторской точки зрения на героев, ортодоксальности нравственно-этических убеждений Леонова. Третий отражает мировосприятие писателя, базирующееся на его близости к народным идеалам, искренней боли за судьбу Родины. Соприкосновение с жизнью народа вскрывает, по Леонову, истинные качества человека, и каждый персонаж писателя отмечен своим «участием» (или «неучастием») в народных деяниях. Наконец, четвертый принцип относится к категории стиля и направлен на изучение общих средств поэтики в изображении персонажей той или иной характерологической группы. Все они раскрывают определенные грани леоновской характерологии, но только учет *совокупности* отдельно взятых критериев способен дать наибо-

лее точное представление о классификации характеров в послевоенных романах писателя.

Непосредственное рассмотрение проблемы типологии характеров в прозе Леонида Леонова стоит предварить небольшим, но, на наш взгляд, необходимым замечанием. Любой художник слова старается как можно полнее охватить объективную действительность, глубже и тщательней проанализировать феномены человеческого бытия. Но как бы талантлив ни был писатель, он не может дать всеобъемлющего изображения человека, многочисленных жизненных процессов и явлений. И дело здесь не только в неисчерпаемом богатстве жизни при, в общем-то, ограниченных возможностях искусства в ее познании. Просто у каждого писателя свой взгляд на мир, на важность тех или иных его элементов, «каждый писатель любовно возделывает свою ниву жизни и именно на ней стремится достичь законченного художественного совершенства и настоящей глубины» [1, с. 20]. Желание «возделывать свою ниву жизни» выражается, прежде всего, в специфике показа человека, в обрисовке характеров, подчеркивании различных его сторон. Результатом становится исключительное многообразие подходов к типизации характеров в литературно-художественном творчестве, а следовательно, и огромное количество созданных писателями типов.

При всем богатстве художественных типов в творчестве любого значительного художника слова большинство из них принадлежат к общности высшего порядка – сверхтипу. Понятие «сверхтипа» впервые ввела в литературный обиход Л.М. Лотман в работе «Реализм русской литературы 60-ых годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие)» [4]. Анализируя статью И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот», исследователь представила сверхтипы, или метатипы, как образы, имеющие мировой, всеобъемлющий характер, как универсальные модели психологического поведения человека, что на современном этапе развития литературоведения соответствует понятию «архетип»: «Архетип (archetypus – первообраз) – обозначение наиболее общих и фундаментальных изначальных мотивов и образов, имеющих общечеловеческий характер и лежащих в основе любых художественных структур» [5]. В нашем исследовании, представляющем собой классификацию характеров творчества Леонова, семантика термина «сверхтип» несколько модифицируется. Понятие *«литературного сверхтипа»* в творчестве отдельно взятого писателя определяется нами как *группа персонажей, проникнутых общим восприятием жизни и осознанием своего места в ней, единообразием целей, а также воплощающих одну из сторон авторской концепции действительности.*

Художественная практика критического реализма XIX века утвердила тенденцию к дихотомии системы характеров, к биполярности сверхтипов в творчестве писателя. В произведениях классиков литературы окружающий мир выступает некой ареной, на которой сталкиваются люди с теми или иными духовными качествами и жизненными устремлениями, противоположными по своей сути. Процесс нахождения типов, обладающих «наибольшей степенью обобщенности» [2, с. 4], как и процесс типологизации в целом, непосредственным образом зависит от указания писателем, согласно Тургеневу, «концов... оси, на которой вертится» [6] «природа» людей, человеческая жизнь, от авторского видения мира. При традиционности и универсальности сверхтипических систем, противопоставляющих «сердце» и «разум», «дело» и «мысль», мечтательность и практицизм и пр., каждый писатель в своем творчестве в той или иной степени акцентирует одну из них. Выделение «коренных особенностей человеческой природы» [6] полностью находится в компетенции писателя и *определяется пафосом его творческой деятельности, той «идеей-*

страстью», по Белинскому, которой пронизан каждый момент литературного произведения, отражая сознание художника как личности.

К примеру, в творчестве Л.Н. Толстого представлен антагонизм внутренней жизни и жизни внешней, рациональной, опирающейся прежде всего на доводы рассудка. Толстой полагает, что бытие души – единственное, ради чего стоит жить *миллионам*, то есть человечеству. Этот тезис Левина воспринимается как своеобразный итог сложнейшей духовной биографии писателя. Поэтому, сводя лицом к лицу персонажей, по-разному понимающих свое предназначение на Земле, а следовательно, отличающихся моделью общественного поведения, – людей «*души*» (так называемый «центральный толстовский герой») и людей «*разума*» (Андрей Болконский, Делесов, Каренин) – Толстой отдает однозначное предпочтение первым. «Душевное» бытие Пьера Безухова, Константина Левина характеризуется обращенностью к народу, слиянием с ним. Единство с народом – необходимое звено в поиске истины, апофеоз нравственного развития героев Л.Н. Толстого.

В произведениях Ф.М. Достоевского акцентируется противостояние *персоноцентризма и социоцентризма*. Писатель видит источник несовершенства мира в стремлении людей удовлетворить *свои* запросы и потребности, в возможности переступить через нравственный закон, через другого человека во имя собственного *я*. Индивидуалистичны персонажи-идеологи Достоевского: Раскольников, Версиков, Верховенский и другие. Заботятся лишь о себе «страстные» герои – Настасья Филипповна, Митя Карамазов, Грушенька. Миру персоноцентризма Достоевский противопоставляет идеал объединения всех людей «во Христе», под знаком православия.

Ближайший последователь творческого метода Достоевского в XX веке Л.М. Леонов продолжил идейно-философские искания своего великого предшественника. Образы, созданные Леоновым, во многом близки образам Достоевского по эмоциональному накалу, идейной противоречивости, глубинной тяге к идеалу. Прослеживая судьбы открытых Достоевским социально-психологических типов на материале советской эпохи, Леонов по-новому переосмысливает дихотомию «*персоноцентристы*»–«*социоцентристы*». При несомненной религиозности Леонида Леонова, противостояние индивидуалистов и коллективистов писатель интерпретирует как противостояние, прежде всего, этических установок, выяснение нравственного стержня героев. Леонов предполагает, что только «единство целей, ради которых народам нужно, не теряя каждому своего лица в мире, бывшие распри забыть и объединить помыслы и усилия» [7] поможет спасти человечество. Желание не получать, а отдавать ставится Леоновым в основу бытия, гармонического развития мира. В то же время в разговоре с Н.А. Грозновой писатель подчеркивал: «Я не верю в одиночные понятия: гармония, счастье. В них я вижу шантаж, я их боюсь. Гармония живет только тогда, когда есть дисгармония» [8]. Таким образом, Леонов утверждает разнополюсность мира, противоположность духовной деятельности людей.

В публицистических выступлениях, интервью, художественных произведениях (посредством голоса повествователя и передоверенных героям авторских мыслей) Л. Леонов неоднократно указывал на правомерность выделения персоноцентристов и социоцентристов в качестве двух основных сверхтипов его творчества. Конечно, высказанное в «Русском лесе» суждение повествователя о том, что «радость отдавать себя людям неизмеримо выше радости брать с них и *что именно на эти категории делятся все люди без изъятия*» [9] (курсив наш. – К.К.), в некоторой степени условно. Однако оно дает возможность определить отправные пункты при типологизации характеров, стать опорой при разделении всех персонажей писателя на характерологические сверхтипы.

Условность, нечеткость данного тезиса состоит в том, что ни одно жизненное явление не существует в максимально чистом, беспримесном виде. Эгоистические побуждения, равно как и альтруистические порывы, встречаются у персонажей обоих метатипов. Важно, какое свойство преобладает в герое, является доминирующим, составляя ядро личности.

Сверхтипы – «широкие» образования, включающие в себя самые разнообразные по своим индивидуальным проявлениям характеры. В процессе классификации эти единства высшего порядка разбиваются на более мелкие группы, которые конкретизируют определенные свойства сверхтипического признака. В романном творчестве Леонова 50–90-х годов каждый из сверхтипов мы разделяем на три характерологические группы. В разряд *героев-социоцентристов* входят:

1) *«Пассионарии»*: Вихров, молодежь «Русского леса», партийные руководители Крайнов и Арташев («Вор»). Согласно концепции Л. Гумилева, *«пассионарность»* – это характерологическая доминанта, непреодолимое внутреннее стремление... к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной), причем «цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников» [10]. Герои-«пассионарии» полны деятельного оптимизма. Смысл их существования состоит в бескорыстном и действенном служении *социалистической* Родине. Они верят, что каждый человек может и должен способствовать улучшению жизни, построению ее на основе «разумной справедливости» [9, с. 302]. Авторская оценка персонажей «пассионарного» типа достаточно двусмысленна. Леонову импонирует твердость мировоззренческих принципов и позиций героев, поистине неисчерпаемая духовная сила, призванная изменить мир, нарушить «временное равновесие» [9, с. 519] в сторону полюса добра. В то же время писатель иронически подчеркивает априорность целей «пассионариев», стихийность их «прорыва к грядущему», утопичность идей о совершенном во всех отношениях государственном устройстве, нравственных истинах в последней инстанции. При этом образы «пассионариев» послевоенного творчества Леонова выгодно отличаются от широко представленных в романах 1920–1930-х годов «новых людей» (Увадьев, Потемкин, Черимов, Павел Рахлеев), которые верят в прогресс, основанный на жестокости к человеку во имя эфемерного счастья в Будущем, своей деятельностью принося беды и разрушения.

2) *«Рефлектирующие»* герои: Матвей и Вадим Лоскутовы («Пирамида»). То, в чем незыблемо уверены герои «Русского леса», подвергается «рефлектирующими» сомнению и тщательному анализу. Сопереживая трагическим событиям века, людским страданиям, Лоскутовы осознают бесплодность попыток повлиять на ход истории. Их бытие – напряженный диалог с собой и временем, прошлым и будущим, дьяволом и Богом, в котором они пытаются найти ответ на вопрос: как выжить человечеству, с неумолимой скоростью приближающемуся к «возрастному эпилогу»? Сознание «рефлектирующих» героев пронизано катастрофизмом. Глубокий анализ человеческой истории дает им основание предполагать, что современный мир вступил в критическую фазу планетарного развития. В своих тягостных пророчествах «рефлектирующие» оказываются одиноки: слишком велик запал современников, безраздумно строящих «прекрасный новый мир».

3) *«Жертвенный»* тип персонажей: Таиска Вихрова («Русский лес»), Санька Бабкин, Таня Векшина («Вор»), Дуня Лоскутова («Пирамида») и др. Главное свойство натуры героев «жертвенного» типа – способность полностью отдавать себя другим людям (часто – одному человеку). Эволюция данного типа идет по пути глобализации масштабов жертвенности, усиления тра-

гического пафоса жизни героев: попытки персонажей «Русского леса» и «Вора» помочь «сотворенным кумирам» так или иначе имеют шансы на успех, мечты же Дуни Лоскутовой отомстить у Бога грехи человечества, заставить людей вернуться к истокам, к духовной чистоте обречены изначально.

Типология *персоноцентристов* включает в себя следующие группы:

1) «*Мелкие люди*»: Грацианский, Чередилов («Русский лес»), Чикилев («Вор»), Гаврилов («Пирамида») и др. Их объединяет духовная ущербность, закомплексованность, уязвленность собственной бесталанностью, зависть к способностям и успехам героев-личностей, приспособленчество и нравственный релятивизм. Образы «мелких людей» несут огромный обобщающий смысл, перерастая в символы социальных явлений («грацианщина», «чикилевщина»), которые стоят на пути любви, таланта, творчества и, тем самым, подрывают духовное здоровье нации.

2) «*Железные*» герои: Векшин, Вьюга («Вор»), Юлия Бамбалски («Пирамида»). Духовная составляющая персонажей данной типологической общности проявляется в дефиниции-метафоре. Героев отличает исключительное равнодушие, «железность» по отношению к окружающим, устремленность в себя, направленная на разрешение личных душевных страстей и оправдание собственных неблагоприятных поступков. При этом «железные» обладают незаурядной волей, способны добиваться определенных целей, не брезгуя любыми средствами. Изображая характеры «железных» героев, Л. Леонов подспудно выстраивает малоутешительную цепь достигнутых и предполагаемых результатов гипертрофированного эгоцентризма, берущую начало от поражения на сокровенном уровне личности и завершающуюся падением цивилизации, Апокалипсисом.

3) «*Собственники*»: Кнышев, Василий Золотухин («Русский лес»), Заварихин («Вор»). Психологический стержень героев этой группы – корыстолюбие, жажда власти, полновесного обладания чем-то или кем-то.

Монологическая природа дарования Леонида Леонова позволяет четко расставить акценты в пристрастиях писателя, его этических предпочтениях. Если к персонажам-социоцентристам писатель относится с сочувствием и теплотой, то действия и поступки персоноцентристов часто сопровождается негативная коннотация. В подобном распределении писательских симпатий заключена народность Л.М. Леонова. Для русских людей издревле высшей ценностью почиталось служению общему делу, соборность, и Леонов, будучи глубоко национальным писателем, без колебаний утверждает примат коллективного нравственного идеала над индивидуалистическим. В философском плане Леонов следует за С.Л. Франком, Н.Ф. Федоровым, отцом Сергием Булгаковым и другими русскими мыслителями конца XIX – начала XX века, считавшими так называемое «мы-мировоззрение» «глубоким национально-русским» [11], доминантой восточно-славянского менталитета.

Проблема типологии характеров в творчестве Л. Леонова усугубляется спецификой самого предмета. Характер – категория «текущая», во многом, незавершенная в произведении, как потенциально неокончательна, способна на качественное изменение любая человеческая личность. Характер героя никогда не бывает статическим, имеет перспективу развития. Формирование характера – сложный процесс, на который воздействуют внешние и внутренние факторы. К внешним относятся общественные изменения, житейские перипетии, общение персонажа с другими героями. К внутренним – скрытый анализ поступков, борьба идей и ценностных установок, то есть саморефлексия. Возникает логический вопрос: какой пункт в развитии характера считать отправным для типологизации в творчестве Л. Леонова? Например, Вадима Лоскутова можно рассматривать и как сурового и непритязательного сторон-

ника сталинского режима, уверенного в непогрешимости государственного строя и верховного властителя (ч. 2, гл. 9–10), тем самым сближая героя с молодежью «Русского леса», и как смятенного человека на грани психологического расстройств, осознавшего трагедию России и антигуманную изнанку террора во имя «светлого завтра» (разговор с Шаминым), человека, мучающегося мыслью и каждый момент бытия подвергающего тщательному «анатомическому» разбору. В той же степени разнополюсна судьба Маньки Вьюги – из чистой, искренней и непорочной девушки героиня превращается в мстительную, эгоцентричную, безразличную к людским страданиям женщину.

В беседе с В.Н. Станиславлевой Леонов говорил о необходимости обобщения, которое выразило бы «геометричность явления», «законченность, заключающую все, исследование каждого момента жизни» [12]. Заявленная «законченность, заключающая все» в произведениях Леонова достигается единством замысла писателя, определенностью авторской позиции. Именно авторское начало скрепляет, организует повествование, проясняет жизнь героев и их *релевантные* для произведения духовные качества, поэтому трактовка леоновской характерологии должна базироваться на том, в *какой степени и каким образом* тот или иной персонаж выражает авторскую позицию, раскрывает содержание, основную идею произведения. Таким образом, при типологизации характеров в прозе Леонова в первую очередь нами учитываются идейно важные стороны характера, являющие собой цельную, «законченную» в контексте авторского замысла личность.

Большинство значимых героев послевоенных романов Леонова оказываются подвержены обстоятельствам, серьезно воздействующим на них. Судьбоносные события в жизни героев порождают личностный надлом, способствуют изменению характера, появлению новых духовных ориентиров. При этом идейно и структурно авторский замысел опирается на «постпереломную» жизнь персонажа, его новоявленную сущность. Так, Митьку Векшина Леонов воспринимает сквозь призму его «железности», как человека, который «болеет за человечество», а ищет выхода лишь для себя. Писатель не берет в расчет чистоту юношеских отношений Векшина с Машей Доломановой, его революционную деятельность, драму самоопределения в условиях нэпа – он судит героя за жестокие и страшные поступки, за эгоизм и душевную черствость.

Подведем основные итоги. Классификация характеров в романах Леонида Леонова 1950–1990-х годов проводится на основании четырех принципов: общности доминантной черты характера (либо совокупности черт), проявляющейся в отношениях между героями, близости авторской оценки персонажей, принадлежащих к одному типу, степени «участия» («неучастия») героев в народной жизни, единства поэтических средств и приемов в рамках определенного типа. Построение типологии характеров леоновского творчества служит не только сугубо классификаторским целям: нахождение типологического единства героев необходимо для исследования мировоззренческих позиций художника как личности, его идей строения мира.

Пафос художественной деятельности Л. Леонова во многом заключен в противостоянии двух «сверхтипов» – *социоцентристов* и *персоноцентристов*, составляющих, по мнению писателя, важнейшие особенности человеческого духа, универсальные модели психосоциального поведения. Примерно равное соотношение персоноцентристов и социоцентристов в каждом из исследуемых нами романов подчеркивает акцентированность данной «сверхтипической» дихотомии в художественной концепции классика. Неизменное сочувствие Леонова персонажам-социоцентристам проясняет философско-

этический идеал писателя, выраженный в равнодушии к человеческой боли, в стремлении к жизни на благо общества, готовности к высокой жертве и терпеливому каждодневному труду ради счастья других людей. При этом динамика системы характеров в послевоенных романах Леонова иллюстрирует эволюцию взглядов писателя на окружающую действительность и перспективы развития современного общества: от сдержанного, иронически окрашенного оптимизма «Русского леса», сурового осуждения «воинствующего» индивидуализма «Вора» Леонов приходит к всепоглощающему скепсису «Пирамиды», ощущению предысходности нынешней цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Крылов В.П.** Особенности типизации характеров в прозе Л. Леонова. – Л., 1975. – 168 с.
2. **Одиноков В.Г.** Типология образов в художественной системе Ф.М. Достоевского. – Новосибирск, 1981. – 145 с.
3. **Леонид Леонов. В воспоминаниях, дневниках, интервью** [Сборник]. – М., 1999. – С. 340.
4. **Лотман Л.М.** Реализм русской литературы 60-ых годов XIX века (Истоки и эстетическое своеобразие). – Л., 1974. – С. 92–103.
5. **Литературная энциклопедия терминов и понятий.** – М., 2001. – С. 60.
6. **Тургенев И.С.** Собрание сочинений: в 12 т. – Т. 12. – М., 1979. – С. 194.
7. **В защиту здравого смысла:** Диалог с Леонидом Леоновым, не опубликованный 7 лет назад // Известия, 1994, 21 сент. – С. 7.
8. **О Леонове** [Сборник]. – М., 1979. – С. 67.
9. **Леонов Л.М.** Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 9. – М., 1984. – С. 383.
10. **Гумилев Л.Н.** География этноса в исторический период. – Л., 1990. – С. 33.
11. **Франк С.Л.** Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. – М., 1995. – С. 725.
12. **Станиславлева В.Н.** Л. Леонов – публицист: О своеобразии творческой индивидуальности художника. – М., 1974. – С. 198.

S U M M A R Y

The article deals with the problem of characters' typology in the novels by Leonov written in 50–90s.

Поступила в редакцию 20.10.2005



УДК 793.3.038.6.075(476) Поклитару Р.

С.И. Улановская

Творческий стиль Р. Поклитару: к вопросу о стилевых инновациях в современной белорусской хореографии

Рубеж XX–XXI вв. в отечественном хореографическом искусстве характеризуется целым рядом новаций. Детерминантами стилевых преобразований становятся, с одной стороны, общекультурные изменения-новации, связанные с тенденциями развития мировой хореографии на протяжении XX в., а с другой – обстоятельства локального характера. Среди последних – становление национальной балетмейстерской школы и, в особенности, Международный фестиваль современной хореографии в Витебске, обусловивший поиски молодых белорусских хореографов в русле неакадемической традиции.

Среди инновационных процессов общекультурного плана следует выделить, прежде всего, **постмодерн**, оказавший колоссальное воздействие на своеобразии художественно-стилевых тенденций рубежа XX–XXI вв. Но тем не менее, в отечественной хореографической практике постмодерн не получил столь широкого распространения, как в зарубежной. В настоящее время в белорусском хореографическом искусстве можно констатировать лишь определенное влияние постмодерна и его стилевые проявления в творчестве отдельных хореографов. В первую очередь, это относится к Раду Поклитару¹.

Еще будучи студентом балетмейстерского отделения БАМ, Поклитару привлек внимание неординарностью художественного мышления, своеобразием лексики, синтезирующей академическую основу движений с пластической свободой модерна. И уже в ранних композициях раскрылся талант Поклитару как хореографа-миниатюриста, умеющего придавать своим замыслам концентрированную пластическую форму. Мастерство балетмейстера было оценено и на Витебском фестивале (I премия XIII IFMC миниатюры «Три грузинские песни» и «Мир не заканчивается у порога твоего дома»).

В сравнение с первыми произведениями, созданными в неоклассической манере, работы Поклитару последних лет содержат стилевые приметы постмодерна. Постмодернистичность стиля балетмейстера проявляется в ин-

¹ В 1999 г. Р. Поклитару окончил Белорусскую академию музыки по специальности «Балетмейстер» (класс В. Елизарьева). На сцене НАТБ балета и Музыкального театра РБ поставил одноактные балеты «Поцелуй феи», «Мгновения», «In PIVO veritas», а также ряд миниатюр («Его музыка», «Адажио», «Белорусская причитальная» и др.). Как хореограф, Р. Поклитару является лауреатом международных конкурсов и фестивалей в Витебске, Москве, Киеве, Варне и др. За 2001–2005 гг. осуществил постановки в странах СНГ и Прибалтики: «Кармен-сюита» (Одесский театр оперы и балета), «Картинки с выставки» и «Весна священная» (Украинская национальная опера), «Ромео и Джульетта» (Большой театр России), «Золушка» (Национальная опера Латвии) и др. На сцене Музыкального театра РБ Р. Поклитару готовит постановку балета «Ромео и Джульетта».

тертекстуальном диалоге с художественно-культурным наследием прошлого, одним из способов реализации которого выступает **цитатность**. В своих сочинениях Поклитару чаще прибегает к ироническому цитированию. Ироничность – важнейшая стилевая черта постмодерна – пронизывает практически все постановки хореографа, выступая как художественный прием и принцип мышления. Это позволяет избежать мелодраматического пафоса, столь свойственного многим балетам советской эпохи.

Ироническая рефлексия в творчестве балетмейстера соприкасается с игровой стихией, вне которой немислима индивидуальность Поклитару. Классический источник становится для хореографа своеобразной «моделью» для **игры**. Показательна в этом смысле одна из лучших миниатюр Поклитару – «Адажио» на музыку П. Чайковского.

Адажио Одетты и Принца из «Лебединого озера» послужило хореографу основой для комических и парадоксальных пластических выдумок, посягающих на миф о серьезности, неприкосновенности эталонного образца. Определяющей чертой стиля композиции выступает сквозное пародийно-ироническое цитирование, тотальное травестирирование классико-романтических мотивов, реализуемое посредством деконструкции. Герои в «Адажио» меняются местами. «Плененной Одеттой» становится танцовщик, а на охоту выходит балерина. Ее роль ассоциируется с одним из распространенных образов в мифологии постмодерна – демонически роковой женщиной-вамп, пастиширующей романтический идеал Возлюбленной. Резко ворвавшись в идиллическую жизнь героя, она так же внезапно оставляет его, добившись своей цели. И раненый в самое сердце герой умирает почти в той же позе, что и Лебедь в знаменитой миниатюре М. Фокина на музыку К. Сен-Санса.

В результате деконструкции классического образца романтическая история-легенда «заземляется» до обыденной бытовой ситуации, становится комической историей из жизни. Трансформируя подобным образом известный сюжет, Р. Поклитару словно говорит о «веке нынешнем», подтрунивая над современным характером взаимоотношений мужчины и женщины, в которых он и она нередко меняются ролями.

Таким образом, «Адажио» Р. Поклитару – яркий пример постмодернистского произведения в хореографии. На основе старого текста балетмейстер создает свой, новый текст, в котором «высокие» мотивы балетной классики десакрализируются, деканонизируются, лишаясь статуса неприкосновенности. Данный процесс носит характер постмодернистской *трансгрессии*, то есть перехода исходного текста в качественно иное состояние – на уровень **гипертекстуальности**. Ее основной характеристикой является пародийное соотношение текста с профанируемыми им источниками.

Следует отметить, что тенденция «снижения» классики, иронического пересмотра наследия прошлого в культуре постмодерна, продемонстрировавшая те изменения, которые произошли в мироощущении современного человека, получила широкое распространение во всех видах искусства, в том числе и в хореографии (творчество М. Эка, М. Бёрна, И. Килиана и др.). В этом аспекте творчество Р. Поклитару органично вписывается в общеевропейский художественный контекст наряду с другими хореографами, остроумно обыгрывающими штампы академического балета.

Существенной особенностью творческого стиля хореографа является **«стирание» границ между «массовой» и «элитарной» культурой**. В своих работах Поклитару стремится говорить со зрителем на доступном, понятном ему языке. Для балетмейстера, в целом, очень важен коммуникативный контакт с публикой. «Современный номер должен, прежде всего, нравиться публике, – поясняет свою позицию Поклитару, – провоцировать ее реакции. Заинтересованным и сюжетным может быть все, что угодно. Другой вопрос, в какой

форме это подать. Предпочитаю миниатюры, одноактные балеты. Сейчас публика с трудом выдерживает современные «гран балле». Красивой музыкой, плавными движениями ее уже не удивишь... Зато публику привлекает парадоксальное сочетание музыки и танца» [1].

Сходным эффектом в творчестве Поклитару обладает обращение к общеизвестным, «*мифологическим*» образам балетной классики (Зигфрид и Одетта, Ромео и Джульетта и т.п.), неожиданность и парадоксальность их трактовки. Все эти приемы направлены на зрителя, способствуя устранению коммуникативного барьера. Тем не менее, хореограф не идет на поводу у публики, а, скорее, вовлекает ее в свою игру. Характерной чертой хореографии Поклитару становится «*двукодовость*», типичная для постмодернистского текста. В спектаклях балетмейстера внешний, развлекательный контекст (код «мас-сы»), нередко присутствует наряду с глубинным, художественно-концептуальным подтекстом (код «элиты»).

Такая хореография, в идеале, обращается к «тотальному зрителю», восприятие которого не дифференцировано на интеллектуальный и эмоциональный уровни. В попытке преодоления разрыва между ними видится одна из заслуг постмодерна. Однако результатом такого сближения нередко становится «плохо сделанная элитарная культура», по меткому замечанию У. Эко. То есть, искусная подделка «под элитарность», но не соответствующая ее высокому художественно-концептуальному уровню. Другими словами, *китч* как коммерческий вариант элитарного искусства.

Пример такого рода можно обнаружить и у Поклитару. Иногда в своих постановках балетмейстер словно намеренно идет на эксперимент, стремясь опрокинуть привычные стереотипы зрительского восприятия. Чувство меры при этом не всегда присуще хореографу. Убедительное подтверждение тому – балеты «Палата № 6» и «Картинки с выставки». В последнем Поклитару кардинальным образом переосмысляет музыкальный первоисточник, интерпретировав сюиту Мусоргского как шоу-показ высокой моды. На протяжении всего балета герои дефилируют по подиуму, демонстрируя новые модели «от кутюр» в каждой сценке-«картинке». Клиповая, китчевая стилистика постановки подчеркивается кричащей пестротой ядовито-ярких цветов в сценическом оформлении и решении костюмов персонажей, словно сошедших с глянцевого обложки журнала либо с экрана телеканала MTV.

Хореографический ряд при этом совершенно не соотносится с музыкальным. Если в «Адажио» Р. Поклитару отталкивался от парадоксального сочетания музыки и танца, то в «Картинках...» взаимосвязь музыки и хореографии приобретает абсурдный, нелепый характер. Хореография становится лишь искусственным приложением к музыке, обесмысливая ее содержание. В «Адажио» элементы непредсказуемости являлись только средством к достижению цели, помогая балетмейстеру ярче очертить свою концепцию. Здесь же крайняя экстравагантность, «обман» ожиданий выступают как самоцель, подменяя собой образность и художественные достоинства спектакля. Его образная система распадается, теряется в калейдоскопе китчевых приемов.

В «Картинках с выставки» Р. Поклитару проявились возможные негативные последствия симбиоза «массового» и «элитарного» сознания в искусстве постмодерна. Для самого Поклитару подобная постановка – одна из немногих. В большинстве сочинений ему все же удается придерживаться «золотой середины» между экспериментом и традицией, популярным и элитарным вкусом, обращаясь к зрителю на языке образной хореографии.

Р. Поклитару тщательно отслеживает новые веяния в развитии современной хореографии, стараясь их переосмыслить с позиций собственной творческой индивидуальности. Его хореографический язык ассимилирует личные устремления и чужие находки. Особенно ощутимо в творческом почерке молодого балетмейстера влияние М. Бежара, И. Килиана, М. Эка. Причем По-

клитару, обладая собственной яркой индивидуальностью, не идет по пути прямого подражания и копирования чужого опыта, а именно переосмысливает, соотносит «чужое» со своим и создает на базе этого собственный оригинальный творческий стиль. Данный путь, как подсказывает современная хореографическая практика, один из наиболее перспективных. Этим объясняется и раннее признание Поклитару в Беларуси, и востребованность его таланта за ее пределами.

Одна из последних постановок Р. Поклитару – балет «Ромео и Джульетта», созданный в соавторстве с британским театральным режиссером Д. Доннелланом на сцене ГАТБ Москвы, является оригинальным примером постмодернистской трактовки сюжета известной трагедии. Герои Шекспира – архетипические образы современного искусства, а «печальная повесть о Ромео и Джульетте» – своеобразный миф романтической любви. Каждое поколение хореографов, обращаясь к шекспировской трагедии, стремится по-своему интерпретировать ее содержание и основную идею, учитывая при этом специфику своего времени (версии Л. Лавровского, Дж. Роббинса, М. Бежара, А. Прельжокажа, Ю. Григоровича, В. Елизарьева и др.).

Для Большого театра России «Ромео и Джульетта» Доннеллана-Поклитару – явление знаменательное и беспрецедентное. Это первый модерн-балет, поставленный на московской сцене. Пластика его героев свободна и раскованна. В ней танцевальные движения сплавляются с бытовыми, натуральными жестами. Балерины не танцуют на пуантах, и в целом в хореографическом тексте балета нет ни одного чисто классического па. Отсутствуют также традиционные жанрово-стилевые формы академического танца: вариации, адажио и т.п.

Для Р. Поклитару новая постановка – первый опыт полнометражного спектакля, а Д. Доннеллан дебютировал в качестве балетного режиссера. Такое со-авторство, своеобразная дань легендарной хореодраме Л. Лавровского-С. Радлова, оказалось весьма продуктивным. В результате, родился яркий, интересный спектакль, в котором режиссерские находки Доннеллана органично переплелись с хореографией Поклитару. Со-авторство балетмейстера и режиссера отчетливо проявилось в синтезе театрально-драматических и собственно хореографических средств выразительности в художественном решении спектакля. Влияние стилистических принципов драматического театра сказалось на строго выстроенной драматургической линии развития, четкости мизансценирования, детальной проработке характеров. Все названные особенности определенным образом роднят новую версию «Ромео и Джульетты» с хореодрамой Лавровского. Но если в постановке советского балетмейстера первостепенное значение отводилось пантомимным сценам, преобладающим над танцевальностью, то в балете Доннеллана-Поклитару главным выразительным средством становится танец. С постановкой Л. Лавровского и традицией драматической игры спектакль Доннеллана-Поклитару также сближает актерское проживание образов. Исполнение балета требует от солистов не только пластической раскованности, но и внутренней эмоционально-психологической, артистической свободы, позволяющей наиболее полно реализовать свой актерский потенциал.

Желая абстрагироваться от известных постановочных решений «Ромео и Джульетты», авторы не отказываются от традиции, но переосмысливают ее, смело подвергнув первоисточник радикальной деконструкции. От шекспировской трагедии берется лишь основная сюжетно-событийная линия, интерпретируемая в современном ключе. Создателей спектакля волнуют не временные, географические рамки и национальные приметы, а, главным образом, миф романтической любви, его «созвучность» нашему времени. Сообразно этому, в постановочном решении балета отсутствуют какие бы то ни было приметы воссоздания историко-бытового контекста эпохи, что было свойственно постановке Лавровского. Давняя история проецируется в наш, сего-

дняшний мир, вызывая ассоциации с аналогичным решением в «Вестсайдской истории» Бернстайна-Роббинса.

Юные герои балета словно «выхвачены» из современной тинэйджерской тусовки. Каждый персонаж наделен своей индивидуальной образно-пластической характеристикой и действенно-драматургической функцией в контексте спектакля. «Портреты» действующих лиц воспринимаются травестацией нравов высшего общества. Так, глава дома Капулетти, преуспевающий миллиардер, больше заботится о финансовых, нежели семейных делах, в то время как его жена, подобно Федре, обуреваема порочной страстью к своему племяннику – Тибальту. Он же увлечен переодетым в женское платье Меркуцио, который явно симпатизирует Ромео. Парис своими нарочито сексуальными притязаниями к Джульетте представляет образ героя-распутника, типичного для постмодернистской поэтики.

Стремясь выйти на высокий уровень художественного обобщения, свойственный поэтике мифа, Доннеллан и Поклитару максимально сокращают количество действующих лиц, отсекая все лишнее, что могло бы помешать концентрации основной идеи балета. В фокусе авторского внимания – Ромео и Джульетта, трагедия их любви. В спектакле отсутствуют герцог, кормилица и, что особенно важно, нет семейства Монтеки, в результате чего конфликт трагедии наполняется иным смыслом. В его основе – не ненависть двух враждующих кланов, а экзистенциальная проблема одиночества, отчужденности личности в окружающем его мире.

Хореографическая драматургия балета раскрывается в конфликтном взаимодействии двух основных образно-тематических сфер: мира любви Ромео и Джульетты и лицемерной морали общества. В целом, в спектакле Доннеллана-Поклитару можно выделить трех главных героев: Ромео, Джульетту и Толпу, прелятствующую их счастью.

В связи с этим чрезвычайную важность в постановке приобретает кордебалет как «коллективный портрет» окружения Ромео и Джульетты. Кордебалет – не просто фон для танца главных действующих лиц, но самостоятельный, законченный образ, столь же значимый в своей действенно-драматургической функции, как и образы Ромео и Джульетты. Подобно хору в античной трагедии, кордебалет постоянно присутствует на сцене. Даже в лирических дуэтах Ромео и Джульетты он всегда находится рядом, зловещей, черной массой «растекаясь» по сценическому пространству. Однако в отличие от античного хора, являющегося комментатором происходящих событий, кордебалет не просто комментирует действие, но часто переводит его в иной, издевательски-насмешливый план.

Образ кордебалета приобретает полисемантическое значение в контексте спектакля. Прежде всего, с ним связана тема общества, окружения Ромео и Джульетты. Если античный хор являлся носителем высшего морального императива, то общество в балете Доннеллана-Поклитару олицетворяет собой порочный, развращенный мир – мир пошлых забав и пустых увеселений. Это своего рода общество марионеток, подчиняющихся раз и навсегда установленным правилам игры.

С целью создания образа безликой массы все артисты кордебалета одеты в идентичные черные костюмы, их движения часто синхронны и механистичны. У них нет лиц, а есть лишь *личины*. Ромео и Джульетта – единственные «живые» люди в этой мертвой, безликой толпе. Они живут искренними чувствами, подчиняясь зову сердца, а не жестким правилам, навязанным извне. Поэтому их любовь – вызов общественной морали. Такая трактовка темы общества перекликается с подобными мотивами в балете «Анна Каренина» Р. Щедрина – М. Плисецкой, в котором ханжеская мораль «высшего света» выступает враждебной силой по отношению к любви героев. В творчестве самого

Поклитару аналогичный образный мотив восходит к балету «Кармен». В нем толпа также является «живой» преградой, разъединяющей Кармен и Тореро.

Кроме того, кордебалет в постановке Доннеллана-Поклитару – это не только конкретное окружение Ромео и Джульетты. С данным образом также соприкасается тема Смерти, разрушения, благодаря чему реальное действие в балете переводится в иной – символический – план, а конфликт приобретает философско-метафорический характер, выраженный в противостоянии Эроса – Жизни и Танатоса – Смерти (данный образный мотив неоднократно использует в своем творчестве М. Бежар). Толпа в спектакле – это метафора разъединения, олицетворение метафизической силы Рока, враждебного любви героев.

Особенностью хореографической драматургии балета является монтажное членение эпизодов, объединенных сквозной линией развития образов главных героев в рамках единого симфонического действия. Поэтика данного приема коренится в драматургических принципах Прокофьева, связанных с «кинематографичностью» мышления композитора, а также в монтажной драматургии, разработанной в хореографии Б. Эйфманом. Применение такого драматургического приема в хореографии придает развитию действия динамичность, спрессованность, и, в то же время, событийную и содержательную насыщенность. Если Л. Лавровский стремился шекспировский текст удлинить, превратив краткий эпизод в развернутую сцену, то Доннеллан и Поклитару максимально сворачивают действие, которое обретает характер непрерывно развивающегося потока, устремленного к финальной точке.

С высоким темпоритмом спектакля связан один из важнейших образных мотивов балета – **лейтмотив бега**, воспринимающийся как метафора нашего времени с его бешеным ритмом, а также отчаянная попытка героев изменить ход судьбы. Данный лейтмотив реализуется не только на образном-тематическом уровне, но и на пластическом как хореографический лейтмотив Джульетты, в чем угадывается влияние постановки Л. Лавровского. Но если у Джульетты Г. Улановой это был стремительный бег вперед, то в балете Доннеллана-Поклитару – это безысходный бег на месте, в никуда, фиксирующий безумное желание вырваться за пределы предначертанного и одновременную невозможность, бесплодность этих усилий.

Особую экспрессию данный лейтмотив приобретает в финальной сцене балета, когда Джульетта понимает, что ее возлюбленный мертв. В это страшное мгновение героиня кричит. Причем не только ее голос, но и вся ее сущность источает крик, подобно обезумевшему, богооставленному существу на мосту в знаменитом полотне Э. Мунка, внезапно осознавшему весь ужас своего одиночества. В отчаянии Джульетта срывается с места и снова бежит, но это уже не бег на месте, а по кругу, замкнутое пространство которого словно разрывается по направлению к единственному выходу – Смерти. Данная сцена становится трагической кульминацией всего балета и одновременно его развязкой. Финал не приносит облегчения и просветления, поскольку здесь нет конечного торжества любви. Все остается по-прежнему. Гибель Ромео и Джульетты не возвысила и не облагородила мир. Он ее словно не заметил.

Свойственная Р. Поклитару ирония сказалась в дегероизации образов Ромео и Джульетты, в снижении романтического пафоса, свойственного многим одноименным постановкам. Герои в балете говорят не возвышенным языком поэзии, а естественным языком прозы. Тем не менее, иронической дистанции не возникает, так как артисты не «представляют» жизнь своих героев, а полностью проживают ее, трогая зрителей экспрессивной силой своих эмоций.

Художественное своеобразие постановки заключается во внешнем аскетичном минимализме и внутренней обжигающей экспрессии чувств, эмоций, свободных от сковывающих условностей академического балета. Данная особенность детерминирована целью «обнажить» внутренний мир героев, накал страсти. Можно сказать, что авторы максимально стремятся убрать все види-

мое, чтобы дать проявиться невидимому. Особого внимания, в связи с этим, заслуживает сценография Н. Ормерода.

В оформлении балета художник избегает венецианской пышности, воссоздания бытовой атмосферы. Его декорации, при минимуме внешних выразительных эффектов, глубоки по своей внутренней семантике, что свойственно природе **символа**. Значимость приобретает само пространство сцены – пустое, лишенное конкретных деталей (идея пустого пространства как места действия шекспировских трагедий была предложена еще Г. Крэггом – величайшим режиссером-реформатором XX в.). Его рассекают две параллельные горизонтальные плоскости, словно два разных жизненных пути. Их пересечение впоследствии образует крест, символизирующий жертвенность любви Ромео и Джульетты.

Сценографию Ормерода отличает также сдержанность цветовой палитры. В основном, художник использует локальные цвета, семантика которых наполняется символическим значением на протяжении спектакля. Так, холодный синий цвет становится символом одиночества, отчужденности; красный – агрессии, страсти и жертвы; белый – нравственной чистоты; черный – смерти. Таким образом, художественное оформление Н. Ормерода не ограничивает, конкретизирует хореографическое действие, а расширяет его, обобщая до символа.

Исходя из вышеперечисленных стилистических особенностей балета Доннеллана-Поклитару, а также количества действующих лиц, его жанровую специфику можно обозначить как **камерную пластическую драму**. В таком воплощении шекспировской трагедии авторы близки музыкальной концепции С. Прокофьева, называвшего свой балет лирической драмой.

Отметим, что характерная для творческого стиля Р. Поклитару «*двукодовость*» реализуется и в «Ромео и Джульетте». Динамичный темпоритм балета, элементы эпатажности в трактовке сюжета трагедии, доступность языковой семантики, логичная выстроенность художественной концепции заключают в себе «код» «популярного зрителя». В свою очередь, символически-метафорическая образность, игра художественными смыслами, цитатами будут по достоинству оценены «зрителем-энциклопедистом».

Таким образом, балет «Ромео и Джульетта» Д. Доннеллана–Р. Поклитару является современным, постмодернистским, переосмыслением трагедии Шекспира с опорой на традицию. Постановка характеризуется единством образно-тематических, композиционно-драматургических, стилистических приемов.

В заключение отметим, что рассматриваемый период творчества Р. Поклитару незамкнут и представляет собой своеобразную «*открытую форму*». Его доминантной чертой на данном этапе творческой эволюции выступает переосмысление образов и мотивов классического наследия с позиций постмодернизма. Подобная интенция, характерная для современного мирового художественно-культурного контекста, является новым импульсом в развитии белорусского хореографического искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Майнивец В.** С именем Улановой на словах. А на деле? // Культура, 2003, № 10. – С. 7–8.

S U M M A R Y

The article examines the stylistic regularities in the creative work of the young Belarusian choreographer Radu Poklitaru. All the generalizations are based on the analysis of a series of choreographic productions.

Поступила в редакцию 2.04.2005

А.М. Майсяюк

Узнікненне і станаўленне бісерапляцення на тэрыторыі Беларусі: да пастаноўкі праблемы

Бісерапляценне і вышыўка бісерам – адзін з найцікавейшых відаў дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва. На сённяшні дзень існуе мноства гатункаў бісеру і тэхнік выканання бісерных вырабаў. У сучасным дэкаратыўна-прыкладным мастацтве акрамя бісеру майстры выкарыстоўваюць разнастайныя яго мадыфікацыі: бісер (дробныя круглыя ці шматгранныя пацеркі з шкла (радзей металу), з адтулінай для нанізвання) [1]; рублены бісер (ці рубка) (кароткія трубачкі ў выглядзе цыліндрыкаў); шклярус (шклянныя цыліндрыкі падоўжанай формы) і пацеркі (буйнейшыя па памерам за бісер і вырабляюцца з розных матэрыялаў: дрэва, пластыку, камянёў, керамікі). Сучасная беларуская тэрміналогія яшчэ не ўсталявалася, таму ў розных крыніцах сустракаюцца розныя назвы адных і тых жа тэхнік выканання рэчаў з бісеру. Пералічым асноўныя: нізанне, вышыўка, ткацтва, пляценне, вязанне, тэхніка выкладкі па клейкай аснове. Найбольш распаўсюджанымі ва ўсе часы былі тэхнікі нізання (ніткі з набранымі на іх пацэрамі пераплятаюцца між сабой, утвараючы сетку) і шытва бісерам.

Першымі поўнаасцю шклянымі вырабамі ва ўсіх народаў былі пацеркі, з'яўленне якіх таксама датуецца па-рознаму – XXVII ст. да н.э. і XXXV ст. да н.э., у сувязі з тым, што дакладнае месца зараджэння шкла таксама невядома. Існуе меркаванне, што вынаходніцтва шкла адбылося не ў канкрэтны гістарычны момант, а ўзнікала ў розныя часы ў розных народаў, калі вытворчыя сілы дасягалі пэўнага ўзроўню развіцця там, дзе для гэтага складаліся спрыяльныя прыродныя ўмовы – менавіта такой думкі прытрымліваецца мастацтвазнаўца М.М. Яніцкая [2].

Пасля вынаходніцтва шкла ў IV тыс. да н.э. яркія, рознакаляровыя шклянныя каралі імгненна пачалі рапаўсюджвацца. Так, даследчыца Н. Лібін адзначае, што першы перыяд росквіту ў мастацтве бісерных упрыгожванняў прыпадае на эпоху мастацтва Эль Амарны, час фараона Эхнатона і царыцы Ніферціці (сярэдняе II тыс. да н.э.) [3]. Асартымент егіпецкіх караляў і пацерак быў вельмі разнастайны: ад маленькіх рознакаляровых да буйных і фігурных. Цягам часу пацеркі рабілі ўсё меншым памерам – так атрымалі першы бісер. Аднак, у параўнанні з сучасным бісерам, ён быў гіганцкі (0,5–3,5 см). Старажытныя егіпцяне навучыліся вырабляць бісер, вярзці з нітак каралі, нізаць бронзалеты і пакрываць бісернымі сеткамі сукенкі. Егіпцкія пацеркі і бісер былі вядомыя ў многіх краінах свету. Егіпцяне выкарыстоўвалі бісер як прадмет грашовых адносін і менавага гандлю з іншымі краінамі. Так, на тэрыторыі сучаснай Беларусі каля г.п. Юркавічы Веткаўскага р-на Гомельскай вобл. знойдзена егіпецкая блакітная пацерка, якая датуецца 1580–1450 гг. да н.э. [2, с. 11]. Нягледзячы на высокую якасць выкананых у Старажытным Егіпце вырабаў са шкла наўрад правамерна прыпісваць вытворчасць бісеру толькі егіпцянам. Бісерная вытворчасць развівалася не толькі ў Старажытным Егіпце, але і на Старажытным Усходзе, у Індыі, Месапатаміі. Так, даследчык І.Н. Котава мяркуе, што ўскосна гэта пацвярджае і замацаваўшаяся за

дробнымі каралямі са шкла назва «бісер» (ад арабскага «бусер» – «фальшы-вы жэмчуг») [4].

Першыя звесткі пра выкарыстанне ўпрыгожванняў са шкла на тэрыторыі Старажытнай Русі эпох ранняга і позняга жалезных вякоў былі дадзены В.М. Мельнікоўскай у даследаваннях культуры мілаградскіх плямён; В.П. Пятровым, Э.А. Сымановічам, П.М. Траццяковым, Л.Д. Побалем у даследаваннях культуры зарубінецкіх плямён на тэрыторыі сучаснай паўднёвай і паўднёва-ўсходняй Беларусі. У выніку гэтых даследаванняў былі ўведзены ў навуковы абарот звесткі аб адкрыцці шкляных майстэрняў у час жалезнага веку на тэрыторыі ўсходніх праславян: на тэрыторыі сучаснай Беларусі (II–III стст. н.э.) [2, с. 6]. Археалагічныя раскопкі сведчылі, што славянскае насельніцтва таго перыяду шырока карысталася ўпрыгожваннямі са шкла – пацеркамі (VIII–XII стст.), большая частка якіх была знойдзена, галоўным чынам, у курганах каля паселішчаў сельскага тыпу [2, с. 4–5]. Усе тыпы каляровых шкляных пацерак, знойдзеных на тэрыторыі Старажытнай Русі, уключаючы пацеркі знойдзеныя на тэрыторыі сучаснай Беларусі, даследаваліся навукоўцамі М.А. Безбародавым і А.Ул. Фехнер і па саставу шкламасы былі аднесены да тыпова славянскіх упрыгожванняў [2, с. 41–42]. Тэхналогія і характар вытворчасці шкляных вырабаў сведчаць аб тым, што вырабам шкляных пацерак займаліся не толькі кіеўскія рамеснікі, але і майстры іншых буйных эканамічных і палітычных цэнтраў Старажытнай Русі, такіх, як Полацк, Тураў, Навагрудак.

У IX–XII стст. назіраецца працяг развіцця мастацкага шкларобства на тэрыторыі Беларусі, што пацвярджаецца знаходкамі шкляных пацерак і нізак рубленага бісеру на ўсёй тэрыторыі пахаванняў, асабліва на тэрыторыі Гомельскай вобласці, дзе ўпершыню на тэрыторыі сучаснай Беларусі ўзнікла вытворчасць шкла [2, с. 35]. Паводле характару размяшчэння яго ў пахаваннях, існуе меркаванне, што ён выкарыстоўваўся ў якасці аздаблення адзення. У XI–XIII стст. вытворчасць пацерак і бісеру была наладжана ў Мінску, Ваўкавыску, Гродна, Друцку, Мсціславе, Навагрудку, Оршы, Пінску, Полацку, Тураве. А на тэрыторыі Русі развіццё шкларобства на доўгі час было спынена татара-мангольскім нашэсцем (1240 г.).

У X ст. пачынаецца росквіт венецыянскай бісернай вытворчасці, дзе ў XIII ст. складаецца першая цэлавая карпарацыя майстроў-бісершчыкаў, якія падзяліліся на групы ў залежнасці ад вытворчасці таго або іншага віда пацерак. Цягам часу з'явіліся бісершчыкі, якія ў 1604 г. аб'ядналіся з вытворцамі крышталя ў Карпарацыю майстроў-вытворцаў бісеру і каляровых пацерак. Венецыянскі бісер вельмі высока цаніўся і набыў сусветную вядомасць. Пасля адкрыцця Амерыкі і ўстанаўлення марскога шляху ў Індыю шкляныя майстэрні замянілі гуты, якія будаваліся ў XVI–XVII ст. у Іспаніі, Партугаліі, Нідэрландах, Англіі і Францыі. Менавіта ў Францыі ў XVII ст. вынайшлі шклярус – мадыфікацыю бісеру падоўжанай цыліндрычнай формы.

Што тычыцца Беларусі, то на базе традыцый мастацтва XV–XVIII стст. на шкляных мануфактурах рабілі бісер, шклярус і разнастайныя бліскаўкі, якімі потым упрыгожвалася літургічнае адзенне рымска-каталіцкага духавенства. Яскравым прыкладам гэтага з'яўляюцца далматыкі сярэдзіны XVIII ст., вышытыя перламутрам, каляровым шклярусам і металічнымі бліскаўкамі. Таксама да нашых часоў захаваліся некалькі арнатаў XVIII–XIX стст., упрыгожаных бісерам і бліскаўкамі. Шмат увагі шыву і ткацтву надавалася ў манастырах – манахіні ўвесь вольны час адводзілі стварэнню прадметаў для царкоўнага богаслужэння. У XIX ст. ва многіх гарадах Беларусі нараўне з мужчынскімі навучальнымі ўстановамі існавалі жаночыя – пансіёны, дзе абавязкова выкладалася рукадзелле. Сёння немагчыма выявіць месца стварэння большасці вырабаў культывага прызначэння. Але можна выказаць думку, што іх асноўная

частка была зроблена ў манастырскіх майстэрнях, якія славіліся сваім рукадзеллем. Так, вядома, што ў некаторых манастырах выконвалі бісерныя работы толькі для сябе, бо вытворчасць свецкіх рэчаў строга забаранялася. Адметную ролю ў звалючымі беларускага бісернага мастацтва адыграла бісернае шывто Веткаўшчыны. Багата вышыванья аправы ікон заўсёды займалі пачэснае месца. Упрыгожваць іконы вышыўкай пачалі яшчэ ў XVII ст., і працягвалася гэтая традыцыя да рэвалюцыі. Для гэтага амаль заўсёды выкарыстоўвалі розныя матэрыялы: жэмчуг, пацеркі, шклярус, фольгу і імітацыі каштоўных каменяў. Акрамя разнастайных царкоўных рэчаў, у розных музеях нашай краіны захоўваюцца рэчы утылітарнага прызначэння: вышытыя сумачкі, пано, нацюрморты і кісеты.

Нягледзячы на цесныя сувязі Беларусі і Расіі, на тэрыторыі Расіі пасля татара-мангольскага нашэсця шкларобства пачало аднаўляцца толькі ў 1635 г. Была адчынена першая руская гута ў сяле Духаніна, пад Масквой, дзе працавалі ўкраінскія майстры. У 1668 г. будуюцца другі – Ізмайлаўскі завод, які належаў цару Аляксею Міхайлавічу. Менавіта да гэтага часу адносіцца першая спроба вытворчасці бісеру на тэрыторыі Расіі, якая не мела поспеху. Вялікую ўвагу развіццю шкларобства ў Расіі надаваў Пётр I, які скасаваў падаткі на шкляныя вырабы; для падрыхтоўкі рускіх майстроў запрашаў замежных шкларобаў; адпраўляў за мяжу вучыцца шкляной справе і, у прыватнасці, мастацтва вырабу пацерак. Яшчэ адной няўдалай спробай наладзіць бісерную вытворчасць у Расіі было адкрыццё М.В. Ламаносавым у 1752 г. Усць-Рудзкіцай фабрыкі пад Араніенбаумам, якая выпусціла першую партыю бісеру. Спроба не мела поспеху – пасля смерці вучонага ў 1765 г. фабрыка была зачынена. На працягу XVIII–XIX стст. у Расіі існавалі невялікія казённыя і прыватныя заводы па вырабу разнастайных рэчаў са шкла, але няма ніякіх пасведчанняў аб масавай вытворчасці пацерак. На сённяшні дзень у шматлікіх музеях Расіі захавана вялікая колькасць разнастайных утылітарных рэчаў, адзення, упрыгожанага шклярусам і пацеркамі, а таксама царкоўных рэчаў. Аднак, хутчэй за ўсё, бісер выкарыстаны ў якасці аздаблення быў прывезены ў Расію з Венецыі і Германіі.

У канцы XVIII ст. пачалася вытворчасць караляў і пацерак у Германіі. Шліфавалі бісер у Багеміі (Паўночная Чэхія), дзе здаўна існавала вытворчасць шкла. Тэхніка шкларобства трапіла сюды з суседніх краін. У 1548 г. у гарадку Мшэна-на-Нісе была заснаваная першая гута, а ў 1760 г. у Яблынец-на-Нісе прыбылі першыя замежныя купцы [5]. Асаблівай папулярнасцю чэшскае шкло карысталася ў кан. XVII – пач. XVIII ст. Нараўне з буйнымі вырабамі тут выраблялі каралі, штучныя каштоўныя камяні (стразы), крышталёвы, шкляны бісер і шклярус. Калі венецыянскі бісер выраблялі з каляровага ці эмалевага шкла, то чэшскія майстры пачынаюць выкарыстоўваць розныя спосабы фарбавання. Найвялікшага росквіту бісерная вытворчасць дасягнула ў першай чвэрці XIX ст., калі дзякуючы саперніцтву Венецыі і Чэхіі бісер стаў больш разнастайны і па памерам, і па падборы колераў і адценняў.

У 2-й палове XIX ст. былі зроблены машыны для вырабу пацерак, дзякуючы чаму значна знізілася яго вартасць і ўпрыгожванні сталі даступныя шырокім колам насельніцтва. На змену вертыкальным дыскам для разразання шкляных трубак у 1890 г. прыйшоў вырубны прэс у выглядзе гільяціны, што дало магчымасць апрацоўваць адначасова вялікую колькасць трубачак [5, с. 9]. Гэта спрыяла распаўсюджанню багемскага бісеру ў розных краінах свету. Цэнтры шкларобства ў Цюрынгіі і Францыі не вытрымалі канкурэнцыі з таннай чэшскай прадукцыяй, якая з канца XIX ст. становіцца лідэрам у гэтай галіне. Танны фарбаваны бісер, зроблены пры дапамозе машын, выціснуў таксама і венецыянскі з еўрапейскага рынку.

Гандаль пацеркамі не спыняўся на працягу ўсяго XX ст. Сёння, як і шмат гадоў назад, асноўным пастаўшчыком пацерак у краіны Еўропы і Азіі застаецца

Чэхія. Вядомае супольніцтва «Ябланэк» экспартуе бісер і разнастайныя ўпрыгожванні з яго ў шматлікія краіны свету. Вытворчасць таннага бісеру наладжана ў Японіі і на Тайвані. Сучасныя мадэльныя выкарыстоўваюць бісер, шклярус, пацеркі не толькі для ўпрыгожвання адзежы, але і вытворчасці аксесуараў. Сучасныя дызайнеры асвойваюць новыя матэрыялы, вынаходзяць тэхналогіі, але ў пошуках дасканаласці ўсё часцей звяртаюцца да мінулага.

У апошнія дзесяцігоддзі народныя промыслы адраджаюцца і пачынаюць уваходзіць у нашае жыццё. Пры Беларускам дзяржаўным універсітэце культуры і мастацтваў створана навукова-творчая лабараторыя беларускага народнага і сцэнічнага касцюма, дзе выпускнікі універсітэта пад кіраўніцтвам дацэнта кафедры народнага дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва Л.У. Дамнянковай ўпрыгожваюць бісерам і шклярусам сцэнічныя касцюмы для студэнтаў-выканаўцаў свайго універсітэта. На сучасным этапе развіцця беларускага бісернага дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва сярод работ майстроў бісерапляцення і вышыўкі бісерам даволі часта сустракаюцца як разнастайныя утылітарныя рэчы, так і рэчы культывага прызначэння. Пры некаторых манастырах існуюць майстэрні, дзе ствараюцца непаўторныя бісерныя шэдэўры. Яскравым прыкладам гэтага з'яўляецца майстэрня Свята-Елісавецінскага манастыра ў Навінках. Цікавыя па выглядзе ўпрыгажэнні, бісерныя яйкі і іконы ствараюць мастакі Саюза народных майстроў Беларусі: А.Г. Артынская, І.У. Кірыкава, А.М. Яраш, Е.У. Едэмская. Вялікая колькасць зацікаўленых людзей наведвае гурткі і курсы вышыўкі, бісерапляцення ў розных гарадах Беларусі. У гэтым прасочваецца непарыўная сувязь духоўных традыцый мінулых часоў.

Такім чынам, можна зрабіць наступны вывад: усе бісерныя вырабы падзяляюцца на тры ўмоўныя віды. Па-першае, бісер выкарыстоўваўся для ўпрыгожвання адзення і розных прадметаў ўбірання. Па-другое – гэта вялікая колькасць разнастайных утылітарных рэчаў і прадметаў дэкаратыўнага ўбірання інтэр'еру. І нарэшце, трэцюю частку складаюць шматлікія вырабы, якія прызначаліся для царкоўнага ўжытку. Шкларобства на тэрыторыі Беларусі цалкам лаўтарыла сусветнае развіццё шкловытворчасці. Тэхніка выканання і арнаментыка бісерных вырабаў у значнай меры падпарадкоўвалася традыцыйным законам. Нягледзячы на тыповую «старажытнарускасць» беларускай вышыўкі бісерам, улічваючы цяжнейшыя сувязі Беларусі з Кіеўскай Руссю, Візантыяй, Заходняй Еўропай на працягу шматлікіх стагоддзяў, беларускае бісернае мастацтва, пры наяўнасці некаторых тыпова агульных рыс, захавала сваю самабытнасць. Дзякуючы сваёй эстэтычнай прыродзе, бісерапляценне прадстаўляецца як адзін з перспектывных накірункаў у развіцці дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі*: у 5 т. – Т. 1. Акапэла – Габелен, рэдкал.: *І.П. Шамякін* (гал. рэд.) і інш. – Мн., 1984. – С. 450–451.
2. *Яніцкая М.М.* Вытокі шкларобства Беларусі. – Мн., 1980. – С. 3.
3. *Либин Н.* Бисер и челночное плетение // Декоративное искусство СССР, 1988, № 8. – С. 32.
4. *Котова И.Н., Котова А.С.* Школа современного бисероплетения. – СПб., 1999. – С. 4.
5. *Бисерное рукоделие*: [Сб.] / Авт.-сост. *О.Г. Жукова*. – М., 2004. – С. 8.

S U M M A R Y

In the article the author considers the evolution of Belarusian glass beads weaving. The glass manufacture is rooted in the ancient tradition coming from ancient Egypt and Venice.

Поступила в редакцию 12.10.2005



В.В. Гричик, В.В. Ивановский

Географическая изменчивость ястреба-тетеревятника (*Accipiter gentilis* L., 1758) в Беларуси

Разделение средневропейских и восточноевропейских популяций тетеревятников на подвиды разными систематиками трактуется довольно противоречиво. В большинстве ревизий и сводок первой половины – середины XX века [1; 2] в качестве несомненных признавались два подвида: *Accipiter gentilis gentilis* L., 1758 (более крупный, с буровато-серой окраской оперения взрослых птиц) и *A.g. gallinarum* Brehm, 1931 (более мелкий и рыжеватый). Ареал первого из них включает Скандинавию, Прибалтику, возможно, также север и среднюю полосу Европейской части России; на зимовках эта форма встречается как в пределах гнездового ареала, так и южнее, вплоть до Украины. Второй подвид гнездится в странах Центральной Европы на восток до Западной Украины.

Кроме того, птицы из Прибалтики были описаны в качестве подвида *A.g. tischleri* Kleinschmidt, 1938. По своим характеристикам эти популяции промежуточны между *A.g. gentilis* и *A.g. gallinarum*. Хотя в свое время было показано, что отличия *A.g. tischleri* как от *A.g. gentilis*, так и от *A.g. gallinarum* вполне реальны [3; 4], все же подвидовой статус этой формы обычно не признавался. П.П. Сушкин [5] и Б.К. Штегман [6] выделяли в качестве особого подвида *A.g. moscoviae* Menzbieg, 1895 в популяции тетеревятников, гнездящиеся в северной и средней полосе Европейской части России. В более поздних сводных работах российских и европейских авторов [2; 7; 8] эта форма считается синонимом *A.g. gentilis*.

Для территории Беларуси подвид *A.g. gallinarum* приводился для окрестностей г. Гродно [5], Беловежской пуци [9] и г. Пинска [10]. Ястребов, добытых в Витебской области, последний автор нашел более сходными с птицами из Прибалтики (*A.g. tischleri*), а птиц из Гомельской и Могилевской областей обозначил как переходных между *Accipiter g. gentilis* и *A.g. gallinarum*.

Во второй половине XX столетия путем кольцевания были получены данные, которые дают основание утверждать, что в осенние и зимние месяцы на территории Беларуси, наряду с местными птицами, встречаются молодые особи из Финляндии, Прибалтики, севера и северо-запада лесной зоны России, т.е. принадлежащие к подвиду *A.g. gentilis* [11]. Это обстоятельство диктует необходимость исследования таксономической принадлежности гнездящихся в Беларуси тетеревятников, первым этапом которого является выявление реальных морфологических различий между популяциями, предположительно относящимися к разным подвидам.

Исследованный материал: 39 коллекционных экземпляров из всех областей Беларуси, в том числе 24 экземпляра – взрослые птицы местных (гнездящихся) популяций, добытые в весенние и летние месяцы, отчасти

у гнезд (Зоологический музей МГУ, Зоологический музей БГУ, сборы В.В. Гричика). Для сравнения использованы более 120 экземпляров из других регионов Европы, в том числе 7 типичных *A.g. gallinarum* из Германии, Австрии и Венгрии и 4 *A.g. gentilis* из Швеции, а также около 110 экземпляров из разных областей Европейской части России (Зоологический музей МГУ). Для сравнительного анализа размеров птиц использованы данные по промерам яиц тетеревятников из разных областей Беларуси, основанные на коллекционных сборах кладок и промерах, снятых непосредственно в природе (материалы авторов и Зоологического музея БГУ).

Результаты и их обсуждение. Проанализированы как морфометрические характеристики тетеревятников, гнездящихся в Беларуси, так и особенности их окраски. В соответствии с особенностями ареалов подвидов *A.g. gentilis* и *A.g. gallinarum* белорусские птицы сравнивались с выборками из Центральной Европы и Европейской части России. Из числа основных промеров наибольшую диагностическую ценность при определении подвидов у тетеревятника имеют длина крыла и длина хвоста. Размеры этих показателей по выборкам из пяти регионов отражены в табл. 1.

Таблица 1

Промеры тетеревятников, гнездящихся в различных регионах Центральной и Восточной Европы

| Регион | Длина крыла (мм) | | Длина хвоста (мм) | |
|---|------------------------------------|-------------------------------------|------------------------------------|-------------------------------------|
| | самцы | самки | самцы | самки |
| Вост. Германия и Чехия – типичные <i>A.g. gallinarum</i> (по литературным данным) | 313,8 (300–325) n = 53 | 353,5 (341–365) n = 44 | 223,5 (215–235) n = 13 | 254,0 (238–266) n = 19 |
| Беларусь: Брестская обл. | 320,8 ± 2,44 (313–325) n = 6 | 362,3 ± 3,26 (347–378) n = 10 | 225,8 ± 2,60 (220–239) n = 6 | 262,9 ± 3,70 (250–273) n = 10 |
| Беларусь: Витебская и Минская обл. | 330 и 333 n = 2 | 367,5 ± 3,36 (360–380) n = 6 | 230 и 238 n = 2 | 255,3 ± 2,20 (245–260) n = 6 |
| Московская обл. – <i>A.g. gentilis</i> (= <i>A.g. moscoviae</i>) | 334,8 ± 4,53 (321–358) n = 7 | 370,8 ± 1,72 (357–375) n = 10 | 238,0 ± 8,12 (218–270) n = 7 | 266,1 ± 4,49 (246–295) n = 10 |

Из табл. 1 видно, что длина крыла взрослых восточноевропейских тетеревятников постепенно увеличивается в направлении с запада на восток. Этот параметр положительно коррелирует с общими размерами и массой тела птицы. Однако малые размеры выборок по птицам из центральной и северной Беларуси не позволяют убедительно подтвердить их отличие в размерах от птиц из юго-запада Беларуси, которые, очевидно, по морфометрическим характеристикам сближаются с подвидом *A.g. gallinarum*. В связи с этим мы привлекли к оценке размерных различий белорусских популяций тетеревятников элементарные ооморфологические характеристики – большой и малый диаметры яиц. Как известно [12], размеры яиц у видов рода *Accipiter* довольно жестко коррелируют с массой тела самки.

Сравнительные данные по размерам яиц тетеревятников различных популяций Центральной Европы приведены в табл. 2. При этом отличия выборки из Витебской области от выборок из других регионов Беларуси высоко достоверны: $t = 4,60$ по большому диаметру яиц и $2,98$ по малому при сравнении

выборок из Витебской и Минской областей (p в обоих случаях $> 0,99$). Различия средних величин по Минской и Брестской областям недостоверны ($t = 1,69$ и $1,28$, $p > 0,90$ и $0,79$). Эти данные согласуются с данными предыдущей таблицы и подтверждают морфометрическую неоднородность популяций ястребов, населяющих территорию Беларуси, и более мелкие размеры птиц из западных и центральных областей.

Таблица 2

**Оологические характеристики тетеревятников
из различных регионов Центральной и Восточной Европы**

| Регион | n | Большой диаметр яйца $M \pm Sx / (lim.)$, мм | Малый диаметр яйца $M \pm Sx / (lim.)$, мм | Источник информации |
|--|-----|--|--|------------------------------------|
| Германия (<i>A.g. gallinarum</i>) | 161 | 56,87 (50,1–64,5) | 44,49 (38,8–47,5) | Makatsch, 1974 |
| Беларусь: Брестская обл. | 19 | 56,75 \pm 0,46 (53,2–60,4) | 44,32 \pm 0,19 (43,0–46,2) | Данные В.В. Гричика и Зоомузея БГУ |
| Беларусь: Минская обл. | 39 | 57,67 \pm 0,29 (53,7–62,0) | 45,32 \pm 0,24 (42,3–47,7) | Данные В.В. Гричика и Зоомузея БГУ |
| Беларусь: Витебская обл. | 64 | 59,64 \pm 0,38 (50,4–64,6) | 46,14 \pm 0,19 (42,2–49,3) | Данные В.В. Ивановского |

Исследованный коллекционный материал был подвергнут сравнительному изучению также на предмет особенностей окраски оперения. При этом выяснилось, что для сравнения выборок целесообразно разделять птиц не только по возрасту (молодые особи имеют более выраженный рыжий тон окраски не только нижней, но и верхней стороны), но и по полу (взрослые самцы сверху в целом несколько темнее самок, а бурый тон в окраске оперения верхней стороны у них выражен в меньшей степени). С учетом этого было установлено, что оперение верхней стороны тела взрослых самцов и самок, добытых в период гнездования на территории Брестской области, имеет явно выраженный буровато-серый (7 экземпляров) либо серовато-бурый (8 экземпляров) тон. Этот же тип окраски имеют и 6 взрослых особей из Брестской области, добытых в осенние и зимние месяцы. Единственное исключение в просмотренном коллекционном материале – взрослый самец из Беловежской пуши от 17.02.1947 в Зоомузее МГУ (инв. № R75942). Оперение верха у него сизо-серое без каких-либо оттенков бурого. Длина крыла этой особи 320 мм, т.е. средняя для выборки из региона. Можно предполагать, что это – местная птица, а не откочевавшая на зиму с севера.

Из числа 8 взрослых экземпляров, собранных в период гнездования на территории Минской и Витебской областей, 5 имеют серовато-бурый тон окраски верха, а 3 – серый с буроватым оттенком. 17 взрослых птиц из Московской области, собранных в период гнездования, распределяются следующим образом: серовато-бурая окраска верха у 5, буровато-серая у 6, серая с буроватым оттенком у 5, серая без оттенков бурого у одного. Таким образом, исследованный материал отражает явно выраженную тенденцию усиления бурых тонов в окраске оперения верхней стороны взрослых птиц у популяций, населяющих юго-запад Беларуси.

Что касается молодых птиц первого года жизни, то все особи, добытые в летние месяцы в Брестской области Беларуси, имеют явственно сероватобурое оперение верха и охристо-рыжую окраску нижней стороны тела. Экстремально сильный охристый тон нижней стороны тела развит у молодой самки из Беловежской пуцци, добытой 21.07.1947 (№ R72997 в Зооузее МГУ). У молодых же птиц, добытых в осенние и зимние месяцы, охристый тон окраски оперения развит далеко не всегда. Например, у молодого самца из Беловежской пуцци от 29.11.1950 (Зооузее МГУ, № R76114) он выражен только в виде примеси рыжеватых перьев на зашейке, а основная окраска нижней стороны тела чисто-белая. Очевидно, часть молодых птиц, добываемых в осенние и зимние месяцы, представляют особи, прикочевавшие из более северных регионов (т.е. *A.g. gentilis*).

Из числа молодых птиц, добытых в летние месяцы в Минской, Витебской и Могилевской областях, наиболее выраженный бурый тон оперения верха и явственно охристую окраску низа имеет особь без определения пола (судя по крылу в 342 мм – самка) от 26.07.1924 г. из Шумилинского района Витебской области (Зооузее МГУ, № R93119, сборы А.В. Федюшина), но и она далеко не достигает такой интенсивности охристого тона, которую демонстрируют большинство экземпляров из Беловежской пуцци. Кроме того, молодые птицы из северных и восточных районов Беларуси имеют более светлую окраску верхней стороны, чем молодые особи из Брестской области. Несколько менее явственна, но при сравнении серий заметна эта особенность и у взрослых птиц. Большинство взрослых птиц с территории Беларуси имеют гораздо менее отчетливую белую надглазничную полосу («бровь»), нежели у птиц из Скандинавии и средней полосы Европейской части России (эта особенность отмечена еще А.В. Федюшиным (1928)).

Для суждений о возможной ширине зон интерградации подвидов внутри видового ареала крайне полезной оказывается информация о размахе постгнездовой дисперсии, присущей конкретным популяциям. В отношении молодых птиц, окольцованных В.В. Ивановским еще птенцами в гнездах, мы располагаем сообщениями о 5 возвратах колец (табл. 3). В этой подборке обращает на себя внимание тот факт, что самые дальние возвраты колец (170 и 370 км) были получены от молодых птиц первого года жизни, а обе точки возврата от половозрелых птиц, погибших в период размножения (летом), удалены от мест кольцевания всего на 20 и 22 км. Удаленный же на 70 км возврат из Сенненского района тоже относится к взрослой птице, но погибла она в феврале. Если на основе этих данных предположить, что молодые тетеревятники, разлетаясь на первом году жизни на большие расстояния, затем возвращаются и гнездятся уже недалеко от места появления на свет (т.е. радиус репродуктивной активности лежит в пределах 30–70 км), то зоны интерградации подвидов у этого вида не должны быть особенно широкими. Анализ данных кольцевания в Центральной и Восточной Европе также свидетельствует о довольно широкой дисперсии молодых птиц в течение первого года жизни – в среднем 57,5 км от места кольцевания при максимуме в 506 км [13]. С другой стороны, дальние миграции здесь предпринимает сравнительно небольшая часть птиц. Возвратов же от птиц, окольцованных птенцами и погибших или отловленных уже взрослыми в местах размножения, пока явно недостаточно для установления точной величины радиуса репродуктивной активности для средневропейских популяций.

**Возвраты колец от тетеревятников, окольцованных птенцами
в гнездах на территории Витебской области**

| Дата кольцевания | Место кольцевания | Дата отлова | Место отлова | Расстояние смещения (км) | Направление смещения |
|------------------|-------------------------------------|-------------|---|--------------------------|----------------------|
| май 1981 | Шумилинский р-н, окр. д. Козьяны | 07.08.1981 | Могилевский р-н, д. Ильинка | 170 | Ю.Ю.-В. |
| 11.06.1988 | Миорский р-н, болото «Ельня» | 01.02.1989 | Гомельский р-н | 370 | Ю.-В. |
| 07.06.1990 | Льозненский р-н, окр. д. Добромысль | 04.02.1993 | Сенненский р-н, д. Моссоры | 70 | Ю.-З. |
| 13.06.1992 | Витебский р-н, окр. пос. Яновичи | 10.07.1995 | Смоленская обл., Велижский р-н, д. Верховье | 22 | С.-В. |
| май 1997 | Витебский р-н, окр. д. Калиново | июнь 1999 | Витебский р-н, д. Копти | 20 | В. |

Приведенные данные позволяют, таким образом, достаточно убедительно обосновать следующие выводы:

I. Тетеревятники, гнездящиеся в западных областях Беларуси (Брестской и, видимо, Гродненской), по комплексу характеристик, включающих размеры и окраску оперения, относятся к подвиду *A.g. gallinarum*.

II. Остальную часть территории республики населяет подвид *A.g. gentilis*, понимаемый здесь в широком смысле, т.е. с включением форм «*A.g. tischleri*» и «*A.g. moscoviae*».

Провести более точную географическую границу между подвидами *A.g. gallinarum* и *A.g. gentilis* на территории Беларуси либо более детально охарактеризовать зону их возможной интерградации пока не представляется возможным по причине недостаточности коллекционных материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Hartert E.* Die Vogel der paläarktischen Fauna. – Bd. 3. – Berlin, 1921. – S. I–XII, 1765–2328.
2. *Дементьев Г.П.* Отряд Хищные птицы / Птицы Советского Союза, т. 1. – М., 1951. – С. 70–341.
3. *Bährman U.* Das Totalgewicht des Hühnerhabichts *Accipiter gentilis gallinarum* (Br.) und seine Bedeutung als Hilfsmittel zur Unterscheidung der Habichtstrassen // Vogelwelt. – Bd. 71, 1950. – S. 177–184.
4. *Bährman U.* Über das Variieren des Habichts // Zool. Abhandl. Mus. Tierkunde Dresden, 28, 1965. – S. 65–94.
5. *Sushkin P.* Notes on systematics and distribution of certain palaeartic birds: second contribution // Proceedings of the Boston Society of Natural History. – Vol. 39, № 1, 1928. – P. 1–32.
6. *Штегман Б.К.* Дневные хищники / Фауна СССР. Птицы. – Т. 1, вып. 5. – М.–Л., 1937. – 293 с.
7. *Vaurie Ch.* The birds of the palearctic fauna. Non Passeriformes. – L., 1959. – 762 с.
8. *Степанян Л.С.* Конспект орнитологической фауны СССР. – М., 1990. – 726 с.
9. *Голодушко Б.З.* О систематическом положении канюка и тетеревятника Беловежской пушчи // Материалы 6-й Прибалтийской орнитол. конференции. – Вильнюс, 1966. – С. 50–51.

10. **Федюшин А.В.** Материалы к изучению птиц восточной Белоруссии // Труды БДУ, 1928, № 17/18. – С. 251–304.
11. **Долбик М.С.** Ландшафтная структура орнитофауны Белоруссии. – Мн., 1974. – 309 с.
12. **Schönwetter M.** Handbuch der Oologie. – Bd. 1. Lg. 2. – Berlin, 1960. – S. 65–128.
13. **Фишер В., Рандла Т.** Тетеревятник / Миграции птиц Восточной Европы и Северной Азии: Хищные – Журавлеобразные. – М., 1982. – С. 37–45.

S U M M A R Y

*Size and coloration characteristics of nesting and wintering goshawks have been studied in different regions of Belarus. As it has been shown birds in populations nesting in the south-west of the country (Brest region) are in general smaller-sized than the ones from the northern areas (Vitebsk region). The former population is presumed to belong to the subspecies *Accipiter gentilis gallinarum*, while the latter – to *A.g.gentilis*. In autumn and winter individuals of *A.g.gentilis* are found all over the territory of Belarus.*

Поступила в редакцию 25.08.2005

УДК 634.738(476):581.19

**Ж.А. Рупасова, В.А. Игнатенко, Н.П. Варавина
Р.Н. Рудаковская, Н.Н. Рубан, А.П. Яковлев**

Особенности накопления углеводов, органических кислот и терпеноидов в плодах голубики высокорослой на фоне внесения минеральных удобрений в разных агроклиматических областях Беларуси

Общеизвестно, что питательная и витаминная ценность плодов ягодных растений в значительной степени определяется почвенно-климатическими условиями районов их возделывания. Указания на это применительно к объекту наших исследований – голубике высокорослой – встречаются в работе американских коллег [1]. В связи с интродукцией и введением данного вида в культуру в Белорусском регионе особый научный и практический интерес представляет исследование влияния географического фактора на накопление в его плодах одних из наиболее ценных компонентов биохимического состава – углеводов, органических кислот и терпеноидов на фоне внесения минеральных удобрений.

В этой связи в предполагаемых районах культивирования голубики высокорослой в южной, центральной и северной агроклиматических областях Беларуси (соответственно в Малоритском и Ганцевичском районах Брестской об-

ласти, а также в Сенненском районе Витебской области), находящихся на удалении друг от друга на расстоянии 190 и 320 км, что в совокупности составляет 510 км, в 2001 г. были заложены идентичные полевые опыты с классической 8-вариантной схемой внесения N_{60} , P_{60} , K_{60} (кг/га д.в.) при густоте посадки опытных растений $2,0 \times 1,0$ м.

Опытные растения были высажены в заранее вырытые ямы размером $60 \times 70 \times 50$ см, заполненные смесью минеральной почвы (легкосуглинистой в северном, супесчаной – в центральном и песчаной – в южном районах исследования) и верхового торфа в соотношении 1:1. Минеральные удобрения – суперфосфат двойной и сульфат калия вносили однократно в начале вегетации (апрель), сернокислый аммоний – в 3 приема: 50% – в апреле, 30 – в мае и 20% – в июне. Способ внесения удобрений – поверхностный вразброс, с последующими заделкой на глубину 3–4 см и поливом. Повторность опыта – пятикратная.

В качестве объектов исследований были использованы растения 3-х модельных сортов голубики высокорослой – Дюк (из раннеспелых), Блюкроп (из среднеспелых) и Нельсон (из позднеспелых).

В период съемной зрелости плодов голубики в их усредненных пробах по-вариантно определяли содержание растворимых сахаров, пектиновых веществ, целлюлозы, свободных органических, аскорбиновой, бензойной, фенолкарбоновых и тритерпеновых кислот, жирных масел и каротиноидов, в том числе β -каротина и ксантофиллов по общепринятым методам [2–5]. Все определения выполнены в 3-кратной биологической повторности и обработаны статистически [6]. При этом среднеквадратичная ошибка среднего не превышала 1,5–2%.

В результате проведенных исследований было установлено, что в зависимости от сортовой принадлежности растений среднее в рамках полевого опыта содержание основных фракций углеводов в сухом веществе плодов голубики (в %) в южной, центральной и северной агроклиматических областях Беларуси составляло соответственно: растворимых сахаров – 24,0–27,1; 24,0–25,5 и 19,5–23,4, в том числе глюкозы – 6,5–9,5; 7,3–9,2 и 4,2–7,6; фруктозы – 16,0–16,2; 15,4–15,8 и 14,9–15,4; сахарозы – 1,1–1,4; 0,5–1,0 и 0,4–0,6. Для пектиновых веществ аналогичные диапазоны выглядели следующим образом: 3,0–4,1; 3,0–4,8 и 4,0–5,3, в том числе для гидропектина – 1,0–1,2; 1,0–1,6 и 1,2–1,8; протопектина – 2,1–2,9; 1,8–3,2 и 2,8–3,5. Для целлюлозы они составляли – 7,0–8,0; 6,1–6,3 и 6,0–6,5. При этом наблюдались соответствующие подвижки в соотношениях отдельных компонентов углеводного комплекса плодов, а также в значениях их сахаро-кислотного индекса, обусловившие следующие диапазоны изменений последнего: 5,4–10,0; 2,6–4,0 и 3,1–5,6.

Анализ статистически значимых межрегиональных различий приведенных показателей, относительную степень которых отражают материалы табл. 1, выявил весьма выразительный характер данных различий. В пуле растворимых сахаров, к примеру, они проявились, главным образом, между северным и двумя более южными районами исследований, тогда как между южным и центральным они обозначились намного слабее, причем степень различий в содержании в плодах отдельных фракций сахаров нарастала от раннеспелого к позднеспелому сорту голубики.

С продвижением последней в северные районы республики наблюдалось существенное обеднение ее плодов преимущественно глюкозой и в большей степени сахарозой, при наиболее выраженных межрегиональных контрастах, достигавших соответственно 56 и 64%, у среднеспелого сорта. Наряду с этим было показано и незначительное снижение содержания в них фруктозы, не превышавшее 4–8%. Различия темпов данного снижения у отдельных фракций растворимых сахаров обусловили заметное усиление в пуле этих веществ роли моносахаридов. Наряду с этим было отмечено снижение на 43–60% величины сахарокислотного индекса плодов, связанное с уменьшением их общей сахаристости

на 8–28% при параллельном увеличении в них содержания титруемых кислот, показанном ниже. Отмеченные изменения в углеводном комплексе плодов голубики, обусловленные влиянием на него географического фактора, сопровождались также снижением содержания в них целлюлозы на 11–22%.

В отличие от растворимых сахаров и целлюлозы, для параметров накопления которых были показаны исключительно отрицательные тенденции при продвижении культуры в северные районы республики, для пектиновых веществ, напротив, преобладающими являлись позитивные тенденции. Это подтверждалось превышением на 36 и 58% суммарного уровня их накопления в плодах раннеспелого и позднеспелого сортов голубики в северном районе исследований относительно южного при аналогичных по знаку различиях на 31% для плодов среднеспелого сорта, но только между северным и центральным районами. При этом и для раннеспелого, и для среднеспелого сортов голубики в центральном районе исследований было показано отставание от южного района на 22–25% в накоплении в плодах пектиновых веществ, что нарушало ход выявленной закономерности. Обращает на себя внимание, что степень выразительности межрегиональных различий в содержании в плодах модельных сортов голубики растворимых сахаров и пектиновых веществ имела противоположный характер. К примеру, для среднеспелого сорта с его наибольшими межрегиональными контрастами в накоплении сахаров показана наименьшая выраженность подобных контрастов в накоплении пектинов.

Неадекватный характер ответной реакции испытуемых сортов голубики на изменение местоположения района исследований нашел свое отражение в несходстве проявления в них сортовых различий в содержании в плодах отдельных компонентов их углеводного состава (табл. 2). При этом между южным и северным районами исследований улавливалось определенное сходство в характере этих различий, заключавшееся либо в их общей направленности, либо в сопоставимости размеров (в пределах 5–45%) у большинства показателей. Для центрального же района исследований установлено существенное усиление по сравнению с предыдущими районами сортовых различий преимущественно в пектиновом комплексе плодов голубики до 57–78% и более, сопровождавшееся сменой вектора их направленности на противоположный.

С продвижением голубики высокорослой в северном направлении в плодах раннеспелого сорта наблюдалось заметное увеличение в рамках полевых экспериментов вариабельности абсолютного большинства исследуемых параметров, свидетельствующее об усилении их зависимости от эдафического фактора (табл. 3). Аналогичная закономерность отмечена и у характеристик пектинового комплекса плодов средне- и позднеспелого сортов голубики, тогда как для пула растворимых сахаров, напротив, было характерно преимущественное ослабление зависимости от состояния минерального фона. При этом контрасты в уровне данной зависимости у раннеспелого и позднеспелого сортов для абсолютного большинства показателей имели наиболее выраженный характер между южным и центральным районами исследований (до 2,9 и 5,2 раза соответственно), тогда как у среднеспелого – между южным и северным районами (до 3,5 раза).

В зависимости от сортовой принадлежности растений, среднее в рамках полевого опыта содержание органических кислот в сухом веществе плодов голубики в южной, центральной и северной агроклиматических областях Беларуси составляло соответственно: свободных органических (в %) – 2,9–4,7; 6,0–9,6; 4,6–7,2; аскорбиновой (в мг %) – 579,2–923,5; 647,6–843,5; 610,3–1414,8; бензойной (в мг %) – 295,1–347,8; 323,5–368,2; 216,6–311,1; фенолкарбоновых (в мг %) – 1671,1–1846,1; 1807,4–1967,2; 1768,0–1847,6. Для соединений терпеновой природы аналогичные диапазоны выглядели следую-

щим образом: для тритерпеновых кислот (в %) – 2,12–2,38; 1,54–2,45; 2,07–2,55; жирных масел (в %) – 3,49–4,34; 2,83–3,67; 3,33–4,0; каротиноидов (в мг %) – 3,1–5,0; 2,6–4,1; 2,2–4,1, в том числе β-каротина – 0,5–1,0; 0,3–0,5; 0,3–0,4, ксантофиллов – 2,6–4,3; 2,3–3,6; 1,8–3,8.

Несмотря на определенное сходство приведенных диапазонов сортовых различий параметров накопления в плодах голубики перечисленных соединений в районах исследований, межрегиональные различия при этом проявились достаточно отчетливо. Ориентируясь на статистически значимые различия, относительную степень которых характеризуют материалы табл. 4, нетрудно убедиться, что наиболее выразительными они были у ранне- и позднеспелого сортов. К примеру, в плодах только этих сортов при их продвижении из южных в северные районы республики отмечено снижение на 10–16% содержания сухих веществ и на 11–27% бензойной кислоты, сочетавшееся с активизацией на 53–60% накопления аскорбиновой кислоты. Вместе с тем в плодах всех испытуемых сортов голубики при этом наблюдалось увеличение содержания свободных органических кислот, однако относительные различия по данному показателю между южным и северным районами исследований оказались примерно вдвое меньше таковых между южным и центральным районами и составляли 38–59% против 89–109%. В ряду органических кислот наименее выразительные межрегиональные различия (в пределах 6–12%) отмечены у фенолкарбоновых кислот, также усиливавших свое накопление при продвижении голубики в северном направлении, но лишь в плодах позднеспелого сорта. При этом, как и в предыдущем случае, расхождения в их накоплении между южным и северным районами оказались меньшими, чем между южным и центральным.

Что касается соединений терпеновой природы, то смещение к северу ранне- и среднеспелого сортов голубики приводило к обеднению их плодов на 10–14% тритерпеновыми кислотами. При этом у позднеспелого сорта снижение их содержания в плодах ограничивалось только центральным районом, и при дальнейшем продвижении к северу был отмечен обратный эффект. Аналогичная картина у данного сорта наблюдалась и в отношении жирных масел, причем у среднеспелого сорта снижение их содержания в плодах относительно южного района исследований на 15% имело место только в центральном районе. С продвижением голубики к северу происходило также обеднение плодов ее ранне- и среднеспелого сортов на 32–42% каротиноидами, но обогащение ими таковых позднеспелого сорта на 32–58%. При этом наиболее выразительный характер имело снижение содержания в плодах уже всех без исключения сортов голубики β-каротина, достигшее 40–70%. Что касается ксантофилов, то характер изменения параметров их накопления в плодах изучаемых сортов голубики при их продвижении к северу полностью дублировал таковой каротиноидов в целом.

Как следует из материалов табл. 5, географический фактор оказал определенное влияние на сортовые различия усредненных в рамках полевых экспериментов показателей накопления в плодах голубики рассматриваемых здесь соединений. При относительном подобии по знаку и величине данных различий в южном и центральном районах в отношении аскорбиновой и бензойной кислот, жирных масел и каротиноидов, составлявших соответственно 19–37, 10–15, 13–24 и 18–38%, отмечено их заметное усиление соответственно до 16–95, 29–30, 20–24 и 54–86%, на фоне изменения вектора направленности, в северном районе исследований. В центральном и северном районах оказались более выразительными, чем в южном районе, сортовые различия в содержании в плодах сухих веществ и тритерпеновых кислот. Вместе с тем географический фактор не оказал сколь-либо значительного влияния на характер и степень сортовых различий в накоплении в плодах голубики свободных органических и фенолкарбоновых кислот, составлявшую соответственно 41–62 и 4–10%.

Таблица 1

Межрегиональные различия усредненных в рамках полевого опыта характеристик углеводного комплекса плодов голубики высокорослой, %

| Сорт голубики | Сравниваемые районы исследований | Глюкоза | Фруктоза | Сахароза | Сумма сахаров | Глюкоза | Фруктоза | Монозы | Дисахарид | Гидролектин | Протолектин | Сумма лектин. веществ | Протолектин | Гидролектин | Сахарокислотный индекс | Целлюлоза |
|---------------|----------------------------------|---------|----------|----------|---------------|---------|----------|--------|-----------|-------------|-------------|-----------------------|-------------|-------------|------------------------|-----------|
| Дюк | цент./южн. | — | — | — | -5,3 | — | — | — | — | — | -28,6 | -21,8 | -26,9 | -60,0 | -12,0 | |
| | сев./южн. | -8,2 | -3,7 | -62,7 | -7,7 | — | +167,7 | +68,8 | +23,6 | +36,2 | -26,9 | -44,0 | -11,0 | — | — | |
| | сев./цент. | — | — | -58,2 | — | — | +142,3 | +76,9 | +73,0 | +74,3 | — | +40,0 | — | — | — | |
| Блюкроп | цент./южн. | — | — | -63,9 | -5,8 | — | +134,4 | — | -37,8 | -25,2 | -41,7 | -53,8 | -17,2 | — | — | |
| | сев./южн. | -56,3 | -8,3 | -60,9 | -27,8 | -50,0 | +58,8 | — | — | — | — | -50,8 | -22,2 | — | — | |
| | сев./цент. | -54,9 | -5,9 | — | -23,4 | -50,0 | -32,3 | — | +54,2 | +31,0 | +57,1 | — | -6,0 | — | — | |
| Нельсон | цент./южн. | +22,8 | -3,9 | -56,9 | — | +25,0 | +211,4 | +66,3 | +54,4 | +58,6 | — | -51,8 | -23,0 | — | — | |
| | сев./южн. | -14,5 | -4,6 | -61,1 | -10,7 | — | +157,0 | +42,9 | +64,6 | +57,6 | — | -42,6 | -18,0 | — | — | |
| | сев./цент. | -30,4 | — | — | -10,9 | -20,0 | — | — | — | — | — | +19,2 | +6,5 | — | — | |

^{*)} Примечание: здесь и далее в табл. 2, 4, 5 прочерк означает отсутствие статистически достоверных различий при $P < 0,05$.

Таблица 2

Сортные различия усредненных в рамках полевых опытов характеристик углеводного комплекса плодов голубики высокорослой в разных агроклиматических областях Беларуси, в %

| Агроклиматич. область | Объекты сравнения | Глюкоза | Фруктоза | Сахароза | Сумма сахаров | Глюкоза | Фруктоза | Монозы | Дисахарид | Гидропектин | Протопектин | Сумма пектин. веществ | Протопектин | Гидропектин | Сахарокислотный индекс | Целлюлоза |
|-----------------------|-------------------|---------|----------|----------|---------------|---------|----------|--------|-----------|-------------|-------------|-----------------------|-------------|-------------|------------------------|-----------|
| | | | | | | | | | | | | | | | | |
| Южная | Блюкроп/Дюк | +15,2 | — | — | +6,7 | +20,0 | — | — | — | — | — | — | — | — | -35,0 | +9,4 |
| | Нельсон/Дюк | -20,9 | — | +30,9 | -5,3 | -20,0 | -31,0 | -10,1 | -26,4 | -21,8 | -19,2 | -46,0 | +13,7 | — | — | — |
| | Нельсон/Блюкроп | -31,4 | — | — | -11,2 | -33,3 | — | -18,3 | -28,5 | -25,7 | -12,5 | — | — | — | — | — |
| Центральная | Блюкроп/Дюк | +26,0 | — | -51,0 | +6,1 | +20,0 | +120,6 | +22,1 | — | — | — | -26,3 | -25,0 | — | — | — |
| | Нельсон/Дюк | — | — | -36,7 | — | — | +94,5 | +56,7 | +59,0 | +58,6 | — | -35,0 | — | — | — | — |
| | Нельсон/Блюкроп | -12,9 | — | — | -5,5 | -16,7 | — | +28,3 | +77,6 | +57,5 | +42,8 | — | — | — | — | — |
| Северная | Блюкроп/Дюк | -45,2 | — | — | -16,6 | -40,0 | -38,3 | -32,1 | -20,2 | -24,3 | — | — | -42,9 | — | — | — |
| | Нельсон/Дюк | -26,4 | — | — | -8,3 | -20,0 | -33,8 | -23,9 | — | — | +31,6 | -44,6 | — | — | — | — |
| | Нельсон/Блюкроп | +34,4 | — | — | +9,9 | +33,3 | — | — | +22,8 | +19,4 | — | — | — | — | — | +9,6 |

Таблица 3

Средние в рамках полевых опытов значения коэффициентов вариации характеристик углеводного комплекса плодов голубики высокорослой в разных агроклиматических областях Беларуси, в %

| Агроклиматическая область | Глюкоза | Фруктоза | Сахароза | Сумма сахаров | Глюкоза фруктоза | Монозы Дисахарид | Гидропектин | Протопектин | Сумма пектиновых веществ | Протопектин Гидропектин | Сахарокислотный индекс | Целлюлоза |
|---------------------------|---------|----------|----------|---------------|---------------------|---------------------|-------------|-------------|--------------------------|----------------------------|------------------------|-----------|
| Южная | 8,2 | 2,3 | 18,9 | 2,6 | 8,7 | 25,1 | 10,1 | 8,2 | 6,7 | 12,3 | 35,6 | 4,8 |
| Центральная | 22,5 | 3,0 | 25,6 | 4,7 | 25,5 | 32,0 | 5,4 | 20,6 | 12,2 | 25,7 | 14,1 | 3,7 |
| Северная | 7,6 | 3,3 | 32,7 | 3,6 | 7,5 | 34,1 | 13,5 | 16,2 | 12,9 | 19,9 | 33,8 | 5,2 |
| Южная | 7,1 | 2,6 | 38,0 | 2,5 | 9,0 | 62,6 | 17,4 | 7,8 | 7,9 | 17,3 | 35,9 | 5,2 |
| Центральная | 6,6 | 3,7 | 28,9 | 3,6 | 7,5 | 29,9 | 21,6 | 21,1 | 16,5 | 25,8 | 24,5 | 6,4 |
| Северная | 12,4 | 4,9 | 21,4 | 6,0 | 9,6 | 19,4 | 11,1 | 26,5 | 17,2 | 34,4 | 28,3 | 5,5 |
| Южная | 14,4 | 4,8 | 13,8 | 5,9 | 15,2 | 10,2 | 6,0 | 9,2 | 6,6 | 11,4 | 24,7 | 5,8 |
| Центральная | 13,7 | 2,1 | 50,6 | 4,3 | 14,0 | 53,0 | 24,3 | 11,2 | 11,4 | 21,8 | 17,8 | 3,4 |
| Северная | 10,6 | 3,0 | 33,9 | 4,5 | 10,6 | 27,7 | 14,5 | 12,4 | 7,8 | 21,4 | 19,5 | 7,4 |

Таблица 4

Межрегиональные различия усредненных в рамках полевых опытов показателей накопления сухих веществ, органических кислот и терпеноидов в плодах голубики высокорослой, в %

| Сорт голубики | Сравниваемые районы исследований | Сухие вещества | Органические кислоты | | | | | Жирные масла | Каротиноиды | | | |
|---------------|----------------------------------|----------------|----------------------|--------------|-----------|-----------------|---------------|--------------|-------------|-----------|-------------|------------------------|
| | | | свободные | аскорбиновая | бензойная | фенолкарбоновые | тритерпеновые | | сумма | β-каротин | ксантофиллы | ксантофиллы: β-каротин |
| Дюк | цент./ложн. | -18,9 | +106,9 | — | — | — | — | — | — | -60,0 | — | +81,4 |
| | сев./ложн. | -16,1 | +58,6 | +53,2 | -10,6 | — | -10,5 | — | -42,1 | -70,0 | -35,7 | — |
| | сев./цент. | — | -23,3 | +67,7 | -15,5 | -2,2 | -13,1 | — | -31,2 | — | -35,7 | — |
| Блюкроп | цент./ложн. | — | +89,4 | — | — | +6,6 | -13,9 | -15,4 | — | — | — | — |
| | сев./ложн. | — | +38,3 | — | — | — | -12,7 | — | -32,0 | -42,9 | -27,9 | — |
| | сев./цент. | — | -27,0 | — | — | -6,1 | — | — | — | -20,0 | — | — |
| Нельсон | цент./ложн. | -10,5 | +108,7 | — | +12,4 | +12,2 | -27,4 | -25,1 | — | -40,0 | — | — |
| | сев./ложн. | -9,8 | +56,5 | +59,5 | -26,6 | +8,5 | +20,3 | — | +32,3 | -40,0 | +46,2 | +133,3 |
| | сев./цент. | — | -25,0 | +45,5 | -34,7 | — | +85,6 | +41,3 | +57,7 | — | +65,2 | +86,7 |

Таблица 5

Сортовые различия усредненных в рамках полевых опытов показателей накопления сухих веществ, органических кислот и терпеноидов в плодах голубики высокорослой в разных агроклиматических областях Беларуси, в %

| Агроклиматическая область | Объекты сравнения | Сухие вещества | Органические кислоты | | | | | Жирные масла | Каротиноиды | | | |
|---------------------------|-------------------|----------------|----------------------|--------------|-----------|-----------------|----------------|--------------|-------------|-----------|-------------|------------------------|
| | | | свободные | аскорбиновая | бензойная | фенолкарбоновые | три-терпеновые | | сумма | β-каротин | ксантофиллы | ксантофиллы: β-каротин |
| Южная | Блюкроп/Дюк | — | +62,1 | -37,3 | — | — | — | +24,4 | +31,6 | — | +53,6 | +72,1 |
| | Нельсон/Дюк | — | +58,6 | -19,3 | -15,2 | — | -10,9 | — | -18,4 | -50,0 | — | — |
| | Нельсон/Блюкроп | +10,1 | — | +28,6 | — | -9,5 | -10,5 | -12,9 | -38,0 | — | -39,5 | — |
| Центральная | Блюкроп/Дюк | +14,7 | +48,3 | -23,2 | -12,1 | +8,8 | -16,7 | — | — | — | — | — |
| | Нельсон/Дюк | +18,1 | +60,0 | — | -9,9 | — | -37,1 | -19,6 | -18,8 | — | -17,9 | — |
| | Нельсон/Блюкроп | — | — | +26,0 | — | — | -24,5 | -22,9 | -36,6 | -40,0 | -36,1 | — |
| Северная | Блюкроп/Дюк | +13,3 | +41,3 | -56,9 | — | +4,5 | — | +18,6 | +54,5 | — | +72,2 | — |
| | Нельсон/Дюк | +15,0 | +56,5 | -16,0 | -30,4 | — | +19,7 | +20,1 | +86,4 | — | +111,1 | +84,2 |
| | Нельсон/Блюкроп | — | — | +94,6 | -29,2 | — | +23,2 | — | — | — | +22,6 | +57,3 |

Таблица 6

Средние в рамках полевых опытов значения коэффициентов вариации (в %) показателей накопления сухих веществ, органических кислот и терпеноидов в плодах голубики высокорослой в разных агроклиматических областях Беларуси

| Агроклиматическая область | Сухие вещества | Органические кислоты | | | | | Жирные масла | Каротиноиды | | | |
|---------------------------|----------------|----------------------|--------------|-----------|-----------------|---------------|--------------|-------------|-----------|-------------|------------------------|
| | | свободные | аскорбиновая | бензойная | фенолкарбоновые | тритерпеновые | | сумма | β-каротин | ксантофиллы | ксантофиллы: β-каротин |
| Сорт Дюк | | | | | | | | | | | |
| Южная | 11,8 | 40,4 | 17,2 | 8,9 | 3,5 | 11,5 | 14,5 | 22,8 | 50,4 | 36,7 | 77,0 |
| Центральная | 5,1 | 11,3 | 13,0 | 9,5 | 1,9 | 4,2 | 7,5 | 13,6 | 23,1 | 15,9 | 38,8 |
| Северная | 13,0 | 30,3 | 15,5 | 7,4 | 1,5 | 8,9 | 18,7 | 20,3 | 41,0 | 29,5 | 74,2 |
| Сорт Блюкроп | | | | | | | | | | | |
| Южная | 8,2 | 34,5 | 4,6 | 8,0 | 7,7 | 5,9 | 14,0 | 18,9 | 48,7 | 19,0 | 46,4 |
| Центральная | 6,4 | 23,5 | 17,2 | 10,8 | 4,5 | 10,5 | 9,0 | 34,6 | 35,1 | 43,5 | 64,8 |
| Северная | 8,1 | 24,5 | 9,4 | 15,9 | 3,7 | 10,5 | 9,6 | 23,1 | 26,8 | 23,6 | 20,0 |
| Сорт Нельсон | | | | | | | | | | | |
| Южная | 7,3 | 21,9 | 7,1 | 14,1 | 8,7 | 4,8 | 15,4 | 17,7 | 27,9 | 18,5 | 26,5 |
| Центральная | 8,1 | 15,1 | 11,2 | 5,8 | 5,5 | 10,1 | 16,7 | 18,4 | 37,8 | 19,8 | 36,6 |
| Северная | 9,8 | 19,3 | 11,0 | 8,2 | 3,8 | 7,9 | 8,0 | 19,2 | 36,2 | 20,1 | 29,4 |

Подобно рассмотренным выше углеводам, для параметров накопления в плодах голубики органических кислот и терпеноидов также было показано заметное влияние географического фактора на их изменчивость при варьировании минерального фона в рамках полевых экспериментов, указывающую на степень влияния на них эдафического фактора. С продвижением голубики в северные районы республики обнаружено ослабление данного влияния на содержание этих соединений в плодах раннеспелого сорта, при более выраженных контрастах между южным и центральным районами исследований (до 3,6 раза), нежели между южным и северным (до 2,3 раза), табл. 6. У средне- и особенно позднеспелого сортов голубики изменение степени зависимости параметров накопления рассматриваемых веществ от вариабельности минерального фона при изменении местоположения района исследований в большинстве своем было не столь выразительным, как у предыдущего сорта. При этом для аскорбиновой и тритерпеновых кислот, а также ксантофиллов в плодах этих сортов, равно как и для бензойной кислоты в плодах сорта Блюкроп, а также сухих веществ и β -каротина в плодах сорта Нельсон, было показано не ослабление, а напротив, усиление степени зависимости параметров накопления от эдафического фактора в 1,1–3,7 раза. Примерно для половины рассматриваемых показателей изменение степени данной зависимости в центральном районе исследований было более выразительным, нежели в северном.

Таким образом, в результате проведенных исследований было установлено, что с увеличением географической широты местности в углеводном комплексе плодов голубики высокорослой происходило существенное снижение содержания преимущественно глюкозы и в большей степени сахарозы, при наиболее выраженных межрегиональных контрастах, достигавших 56 и 64%, у среднеспелого сорта, что, на фоне незначительного снижения на 4–8% уровня фруктозы, обеспечивало заметное увеличение (на 59–168%) долевого участия моносахаридов в пуле растворимых сахаров и снижение на 43–60% величины сахарокислотного индекса. Данные изменения в углеводном составе плодов голубики под влиянием географического фактора сопровождалось снижением на 11–22% содержания в них целлюлозы, на фоне активизации биосинтеза пектиновых веществ, обусловившего увеличение на 36–58% суммарных параметров их накопления в северном районе исследований по сравнению с южным, при противоположном характере проявления межрегиональных различий в накоплении пектинов и растворимых сахаров, наиболее выраженного у среднеспелого сорта.

Продвижение голубики в северные районы республики сопровождалось усилением в 1,1–3,5 раза зависимости от эдафического фактора в рамках полевых экспериментов большинства показателей углеводного состава плодов раннеспелого сорта и пектинового комплекса плодов средне- и позднеспелого её сортов, на фоне ослабления в 1,2–2,5 раза уровня данной зависимости для характеристик пула растворимых сахаров, при наибольших контрастах в ее проявлении у ранне- и позднеспелого сортов между южным и центральным районами исследований, у среднеспелого – между южным и северным.

Для большинства показателей углеводного состава плодов голубики отмечено сходство сортовых различий по знаку и величине между южным и северным районами исследований, по сравнению с которыми в центральном районе наблюдалось усиление в 1,5–2 раза данных различий преимущественно в их пектиновом комплексе.

Наиболее выразительный характер межрегиональных различий в накоплении органических кислот и терпеноидов на фоне однотипной схемы внесения минеральных удобрений установлен у ранне- и позднеспелого сортов голубики, обнаруживших при продвижении к северу снижение на 10–16% содержания в плодах сухих веществ и на 11–27% – бензойной кислоты. Это сопровождалось обогащением плодов всех модельных сортов голубики на 38–109% свободными органическими, а у позднеспелого сорта также на 6–12% фенолкарбоновыми кислотами, наиболее выраженным в центральном районе исследований, что сочеталось с усилением на 10–14% накопления в них тритерпеновых кислот, при одновременном снижении на 15–25% содержания жирных масел и на 32–42% – каротиноидов, в том числе на 40–70% – β -каротина. С продвижением голубики в северные районы республики отмечено ослабление (в 1,1–3,6 раза) зависимости параметров накопления органических кислот и терпеноидов, главным образом, в плодах раннеспелого сорта, от состояния минерального фона, тогда как у двух других ее сортов для каротиноидов, аскорбиновой, бензойной и тритерпеновых кислот показано преимущественное усиление в 1,1–3,7 раза данной зависимости при более выраженных контрастах для половины показателей в центральном районе исследований. С увеличением широты местности отмечено значительное усиление сортовых различий в накоплении в плодах голубики сухих веществ, терпеноидов и органических кислот, за исключением титруемых и фенолкарбоновых, при изменении в большинстве случаев вектора направленности данных различий.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Kushman L.J., Ballinger W.E.** Effect of season, location, cultivar, and fruit size upon quality of lightsorted blueberries // J. Amer. Soc. Hortic. Sci, 1975, 100, № 5. – P. 564–569.
2. **Ермаков А.И., Арасимович В.В., Ярош Н.П. и др.** Методы биохимического исследования растений. – Л., 1987. – 430 с.
3. **Завадская И.Г., Горбачева Г.И., Мамушина Н.С.** Количественное определение углеводов резорциновым и анилинфталатным методами с помощью бумажной хроматографии // Методика количественной бумажной хроматографии сахаров, органических кислот и аминокислот у растений. – М.–Л., 1962. – С. 17–26.
4. **Мжаванадзе В.В., Таргамадзе И.Л., Драник Л.И.** Количественное определение хлорогеновой кислоты в листьях черники кавказской (*V. arctostaphylos* L.) / Сообщ. АН Грузинской ССР, 1971. – Т. 63, вып. 1. – С. 205–210.
5. **Оганесян Э.Г.** Урсоловая кислота из *Rhododendron luteum* Sweet // Растительные ресурсы, 1966. – Т. 2, вып. 4. – С. 516–517.
6. **Лакин Г.Ф.** Биометрия. – М., 1980. – 293 с.

S U M M A R Y

Interregional and varietal differences in the content of soluble saccharums, pectic substances, cellulose, ascorbic, phenolcarbonic, benzoic and triterpenic acids, as well as fatty oils and carotenoids in fruits of early-, mid-, and late-maturing species of the highbush blueberry against the background of applying mineral fertilizers in austral, central and boreal agroclimatic areas of Belarus have been determined for the first time. The impact of the geographical factor on a degree of dependence of the parameters of accumulation of the listed compounds on a state of mineral background is shown.

Поступила в редакцию 5.10.2005

Г.В. Заборовская

Организация мониторинга пресных подземных вод на территории нефтяных месторождений Беларуси

В Беларуси единственным нефтегазоносным регионом является Припятский прогиб. Здесь в девонских и верхнепротерозойских отложениях открыты 64 месторождения нефти, включающих 185 залежей, залегающих главным образом на глубине более 2000 м. Общая площадь нефтеносных площадей составляет около 372 км². По состоянию на 2005 г. на территории разрабатываемых РУП «ПО «Белоруснефть» нефтяных месторождений было пробурено более 1500 глубоких скважин, проложены сотни километров трубопроводов и дорог, построены десятки газозамерных и нефтеперекачивающих установок и других сооружений.

На рассматриваемой территории пресные подземные воды имеют повсеместное распространение и приурочены к отложениям антропогена, палеоген-неогена, мела и юры. Вне зоны влияния техногенеза подземные воды по составу гидрокарбонатные кальциево-магниевого с минерализацией 0,1–0,5 г/л [1].

В настоящее время в РУП «ПО «Белоруснефть» в соответствии с программой Национальной системы мониторинга окружающей среды Республики Беларусь ведутся работы по развитию системы мониторинга окружающей среды территории работ, включающей в себя мониторинг подземных вод [2].

Объектом мониторинга являются верхние горизонты гидrolитосферы территории работ РУП «ПО «Белоруснефть».

Цель мониторинга – экологическая оценка и управление качественным состоянием подземных вод.

Основными *задачами мониторинга* подземных вод являются:

- проведение наблюдений за техногенными факторами, оказывающими влияние на качество и режим подземных вод как объектов нефтедобычи, так и сельского хозяйства, бытовой деятельности населения;
- проведение режимных наблюдений с целью получения информации о показателях, характеризующих подземные воды, как природные, так и техногенно измененные;
- оценка состояния водных ресурсов;
- получение долгосрочных прогнозов изменения гидрохимического режима подземных вод;
- создание инженерно-гидрогеологического обоснования проектов природоохранных мероприятий;
- создание экологической части регламента на строительство разведочных и эксплуатационных скважин.

Одним из главных *методологических принципов* организации мониторинга подземных вод является его модельная ориентированность [3]. Эффективную программу природоохранных мероприятий невозможно создать без модели воздействия на среду проектируемых источников загрязнения. При этом очевидно, что чем лучше модель будет отражать реальный механизм ожи-

даемого загрязнения, тем эффективней будет работать экологическая часть строительного регламента.

Создание постоянно действующих гидрогеологических моделей территорий, учитывающих направление, пути и скорость переноса загрязняющих веществ в подземных водах, позволяет решать следующие задачи:

- организовывать рациональную сеть режимных наблюдений за экологическим состоянием подземных и поверхностных вод;
- оценить и дать долгосрочный прогноз качественного состояния водной среды;
- создать экологическую часть регламента на строительство разведочных и эксплуатационных скважин.

Режимные наблюдения. Работы по изучению качественного состава подземных и поверхностных вод районов нефтяных месторождений республики ведутся Белорусским научно-исследовательским и проектным институтом нефти (БелНИПИнефть) с 1992 года. На начальном этапе для ведения наблюдений за изменением гидрохимического состава поверхностных, грунтовых и межпластовых вод рассматриваемых районов нами была создана режимная сеть, включающая 68 контрольных водопунктов. Режимные водопункты были приурочены к колодцам деревень и артезианским скважинам животноводческих комплексов, расположенных в пределах или непосредственной близости от эксплуатируемых месторождений нефти.

Анализ экологических последствий процессов бурения, обустройства и эксплуатации нефтяных месторождений позволяет считать, что основными индикаторами загрязнения водной среды при разработке нефтяных месторождений могут служить содержания нефтепродуктов и хлоридов в природных подземных водах контролируемых территорий. Попутнодобываемые воды Белорусских месторождений представляют собой высокоминерализованные растворы, общая минерализация которых достигает 350 г/л, а содержание хлор-иона составляет 100–200 г/л. Вследствие большой разницы в содержании хлоридов в пресных водах, с одной стороны, и попутных и сточных – с другой, даже незначительное попадание последних резко повышает концентрацию хлоридов в пресных водах.

Исследование гидрохимического состава грунтовых вод в сельских населенных пунктах, расположенных в пределах нефтеносных площадей, показали, что в 60% случаев грунтовые воды не удовлетворяют требованиям ГОСТа 2874-82 «Вода питьевая». Основными загрязняющими компонентами в них являются соединения азота, хлориды, сульфаты. Высокие концентрации нефтепродуктов встречаются в 17% колодцев. Наиболее часто превышение предельно-допустимых норм фиксируется по содержанию нитрат-иона (ПДК = 45 мг/л) и минерализации (ПДК = 1 г/л). При широком диапазоне содержания хлоридов, от единиц до 575 мг/л, превышение ПДК (350 мг/л) отмечалось только в 2% опробованных колодцев [2].

Следует отметить, что все водопункты режимной сети были приурочены к колодцам и скважинам водоснабжения, расположенным в сельских населенных пунктах, поэтому полученная гидрохимическая информация свидетельствует, прежде всего, о комплексной «антропогенной» нагрузке, приходящейся на подземные воды населенных пунктов. Это, прежде всего, бытовая деятельность населения: приусадебные участки с вносимыми на них минеральными и органическими удобрениями, скотные дворы и животноводческие фермы, и многие другие объекты хозяйственной деятельности человека. На этом фоне выделить возможную составляющую загрязнения подземных вод, связанную с разработкой и эксплуатацией нефтяных месторождений, не представляется возможным из-за трудности учета всех возможных факторов (источников), влияющих на состав подземных вод территорий населенных пунктов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что структура существующей режимной сети имеет недостаточную целевую направленность и не в полной мере учитывает необходимость получения первичной информации для прогнозирования изменения качества подземных вод и планирования природоохранных мероприятий.

Нами предлагается следующая схема проведения режимных наблюдений, которая подразумевает создание двухуровневой сети контрольных водопунктов:

- на первом уровне режимной сети наблюдений изучается качество и режим подземных вод на значительных площадях (территориях водосборов), где их состояние в значительной степени определяется естественными гидрогеологическими условиями, качеством инфильтрующихся осадков, состоянием поверхностных вод и почв, а также комплексной техногенной нагрузкой (сельское хозяйство, бытовая деятельность населения, промышленные объекты), приходящейся на рассматриваемые территории. Точки наблюдений выбираются таким образом, чтобы охватить все водоносные горизонты, перспективные для хозяйственно-питьевого водоснабжения;
- второй уровень режимной сети – специализированная сеть, предназначенная для выявления локального загрязнения подземных вод непосредственно в местах расположения потенциальных источников загрязнения подземных вод.

Первым этапом при планировании и создании специализированной режимной сети должна стать типизация (районирование) изучаемой территории по геологическим и гидрогеологическим условиям. Это позволит выделить участки, характеризующиеся общими и существенными признаками гидрогеологических условий и близкой реакцией среды на техногенное воздействие. Проведение такой типизации (районирования) рассматриваемых территорий позволит:

- 1) целенаправленно и обоснованно проводить экстраполяцию полученных данных на однотипные территории;
- 2) наиболее целесообразно размещать сеть наблюдательных скважин;
- 3) разрабатывать мероприятия по снижению отрицательного воздействия техногенных процессов.

Основным признаком типизации районов нефтепромыслов (при однородном геолого-литологическом строении) может стать интенсивность водообмена в грунтовом водоносном горизонте, определяемая глубиной залегания уровней грунтовых вод, геоморфологическим положением участка, расчлененностью рельефа, проницаемостью пород зоны аэрации и водоносного горизонта, величиной инфильтрационного питания. Очевидно, что чем выше время водообмена, тем меньше подвижность загрязненных вод в пласте и, следовательно, тем меньше возможные масштабы загрязнения подземных вод.

В качестве примера на рис. 1 приведена схематическая карта времени водообмена в грунтовом водоносном горизонте бассейна реки Ведрич, расположенного в восточной части Припятского прогиба и в пределах которого находится наибольшая часть интенсивно эксплуатируемых месторождений нефти [4].

Как показатель интенсивности водообмена используется время водообмена t , представляющее собой отношение объема воды V в расчетном элементе к расходу потока подземных вод Q в этом элементе:

$$t = V/Q.$$

В качестве расчетного элемента нами рассматривался рабочий блок геофильтрационной модели бассейна р. Ведрич «WEDRICH».

В бассейне р. Ведрич рассчитанное время водообмена для грунтового водоносного горизонта характеризуется весьма низкими значениями. В первом приближении можно выделить три зоны: с периодом водообмена менее 5 лет, 5–15 лет и более 15 лет. Каждая из выделенных зон характеризуется

определенными гидрогеодинамическими условиями и степенью уязвимости грунтовых вод рассматриваемой территории. Очевидно, что чем выше время водообмена, тем меньше подвижность загрязненных вод в пласте и, следовательно, тем меньше возможные масштабы загрязнения подземных вод.

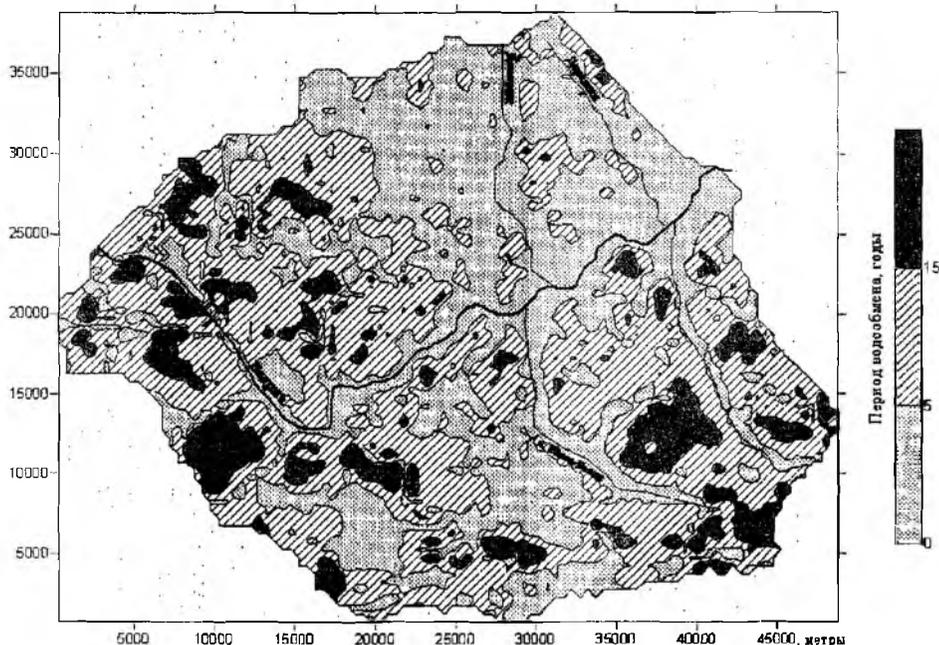


Рис. 1. Схематическая карта времени водообмена в грунтовом водоносном горизонте водосбора р. Ведрич.

При планировании специализированной сети наблюдений необходимо учитывать основные направления фильтрации подземных вод, что является определяющим фактором в переносе загрязняющих веществ. На этом уровне достаточно использовать карту гидроизогипс для самого верхнего водоносного горизонта. При создании геофильтрационной модели такая карта была построена для грунтового водоносного горизонта бассейна р. Ведрич (рис. 2), которая непосредственно может быть использована при организации полигона наблюдательных скважин.

Прогнозные оценки. Геофильтрационная модель подземных вод бассейна реки Ведрич, где расположена значительная часть интенсивно эксплуатируемых нефтяных месторождений Припятского прогиба, была создана в 1998 г. в Гомельском государственном университете им. Ф. Скорины по договору с БелНИ-ПИНефть. В дальнейшем на базе созданной модели была выполнена оценка естественных ресурсов подземных вод и структуры водного баланса в бассейне р. Ведрич, составлена карта защищенности грунтовых вод от поверхностного загрязнения, проведены расчеты миграции соли от погребенных шламовых амбаров буровых площадок в зоне интенсивного водообмена [5].

По результатам моделирования нами впервые для данной территории были даны прогнозные оценки качественного состояния подземных вод для пяти водоносных горизонтов как на настоящее время, так и на перспективу (рис. 2).

Проведенные исследования позволили установить следующее.

1. Большое количество участков загрязнения грунтовых вод с концентрацией Cl^- 1,0–5,0 г/л и более формируется в период массового строительства глубоких скважин на нефть. В это время происходит слияние локальных оча-

гов загрязнения в единые ореолы загрязненных грунтовых вод. В настоящее время идет процесс снижения масштабов загрязнения грунтового водоносного горизонта. В перспективе ожидается почти полное восстановление качества грунтовых вод. За счет выноса соли в нижележащие водоносные горизонты и ее рассеивания по площади в грунтовом водоносном горизонте должны остаться лишь локальные очаги загрязнения.

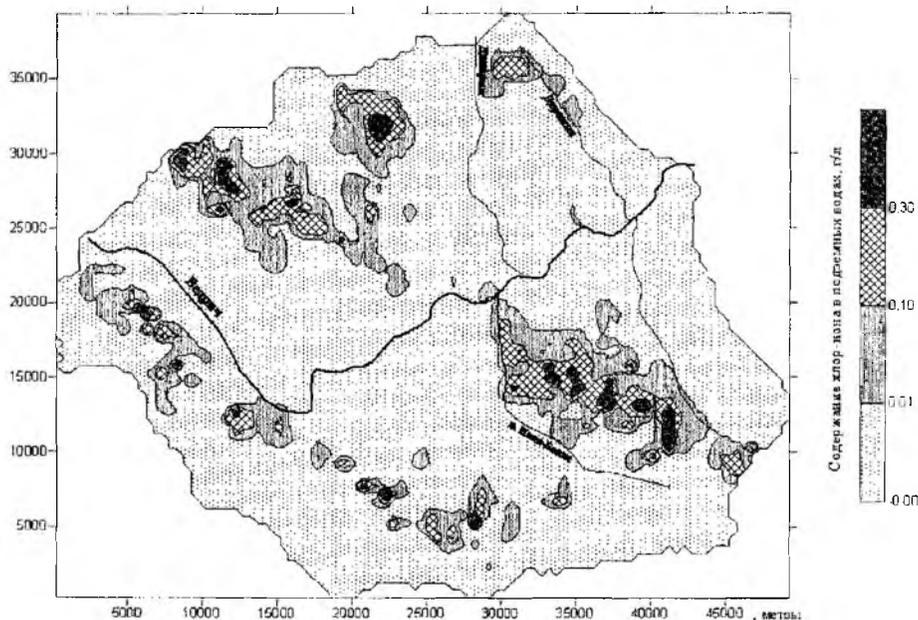


Рис. 2. Прогнозная карта на 2050 год промышленного загрязнения грунтовых вод хлоридами в бассейне р. Ведрич.

2. В результате нисходящей фильтрации подземных вод происходит загрязнение ниже-среднеплейстоценового водоносного горизонта. На отдельных участках шламовые амбары попали в зону высоких значений инфильтрационного питания грунтовых вод и нисходящей межпластовой фильтрации. Здесь концентрация Cl^- достигает 3,0 г/л и более. В последующем следует ожидать улучшения качества подземных вод ниже-среднеплейстоценового водоносного горизонта.

3. В настоящее время на отдельных участках фронт загрязнения (по результатам моделирования) достиг палеогенового водоносного горизонта.

4. Появление признаков загрязнения в турон-маастрихтском водоносном горизонте в течение расчетного периода не выявлено.

5. Юрско-нижнесеноманский водоносный горизонт, залегающий в основании зоны активного водообмена, хорошо защищен толщей мергельно-меловых пород. Поэтому в течение расчетного периода данный водоносный горизонт не загрязняется.

Сопоставляя концентрации хлоридов в подземных водах, полученные по результатам моделирования и по фактическим замерам в точках режимной сети территории водосбора р. Ведрич, следует сделать вывод о значительном превышении расчетных значений над фактическими данными, что предполагает определенный инженерный запас в расчетах. Из этого следует, что созданная геомиграционная модель требует своего дальнейшего совершенствования и развития, с целью наиболее максимального приближения к действительности прогнозных оценок. Для этого необходимо наполнение чис-

ленной модели натурными данными, уточнение численных значений основных расчетных параметров, усовершенствование расчетной схемы поступления загрязнителя из шламового амбара в грунтовый водоносный горизонт, а также уточнение исходных концентраций загрязняющего вещества.

С целью получения ответа на эти вопросы и должна создаваться специализированная режимная сеть наблюдений, охватывающая районы непосредственного влияния потенциальных источников загрязнения подземных вод.

Управление качественным состоянием подземных вод. В соответствии с современными взглядами на охрану окружающей среды, способность природной среды противостоять или переносить техногенные нагрузки рассматривается как ключевой природный ресурс, а показатели качества окружающей среды – как орудие экономического управления. Из этого следует, что мероприятия по охране окружающей среды не обязательно должны быть одинаковыми, поскольку всегда целесообразно принимать во внимание способность конкретной локальной природной среды к разбавлению или выведению загрязняющих веществ [6].

В проектах на строительство скважин заложены мероприятия по ликвидации последствий буровых работ. Планируемые мероприятия представляют собой набор последних достижений в области ликвидации последствий бурения и предполагают реальность их применения в условиях работ РУП «ПО «Белоруснефть». Однако, как показывает опыт, планируемый комплекс работ выполняется не всегда полностью, что обусловлено, с одной стороны, значительной стоимостью природоохранных мероприятий, с другой – недопониманием производителями опасных последствий влияния отходов бурения на окружающую среду и, прежде всего, на подземные воды.

Использование постоянно действующих гидрогеологических моделей изучаемых территорий и, следовательно, получение прогнозных оценок возможного влияния на подземные воды как проектируемых, так и уже действующих источников загрязнения дает возможность сконцентрировать меры и средства по борьбе с загрязнением там, где они крайне необходимы и могут дать высокий экологический и экономический эффект.

Выработка рационального комплекса по рекультивации буровых площадок и утилизации отходов бурения, по нашему мнению, должна выполняться непосредственно для каждой скважины еще на стадии проектирования и основываться на результатах моделирования различных вариантов инженерной защиты подземных вод от загрязнения и различных способов утилизации отходов бурения.

Для принятия управленческих решений по хранению отходов бурения на территории нефтяных месторождений необходимо сформулировать требования (правовые, экологические, экономические и т.д.) к условиям их хранения. После этого на базе созданных постоянно действующих гидрогеологических моделей территорий можно ответить на вопрос о возможности, целесообразности и последствиях хранения отходов бурения в любой точке рассматриваемой площади.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Геология Беларуси / А.С. Махнач, Р.Г. Гарецкий, А.В. Матвеев и др.* – Мн., 2001.
2. *Химуля Г.В.* Результаты многолетних наблюдений экологического состояния природных вод на территории работ ПО «Белоруснефть» // Стратегия-2015: Материалы научно-практической конференции. – Гомель, 1999. – С. 419–423.
3. *Шестаков В.М.* Принципы геофизико-экологического мониторинга // Геоэкология, 1999, № 4. – С. 25–29.

4. **Заборовская Г.В., Ковалева А.В.** Гидродинамические условия водосбора р. Ведрич как фактор, контролирующий уязвимость грунтовых и межпластовых вод // Проблемы водных ресурсов, геотермии и геоэкологии: Материалы Междунар. науч. конф. – Мн., 2005. – С. 91–92.
5. **Жогло В.Г.** Система численных геофильтрационных моделей верхнего этажа гидролитосферы юго-востока Республики Беларусь. – Мн., 2001.
6. **Войтов И.В., Самусенко А.М., Высоченко А.В., Капилевич Ж.А.** Национальная система мониторинга окружающей среды как основа для принятия управленческих решений // Сборник пленарных докладов «Европа – наш общий дом: Экологические аспекты». – Мн., 2000. – С. 65–75.

S U M M A R Y

The chief principles of organization and further developments of underground waters monitoring on the territory of RUE «PA "Belorusneft"» are formulated. An example of oil-field territory type-design based on hydrogeodynamyc conditions, as well as the results of prognostic monitoring the qualitative state of underground waters for five water-bearing horizons are presented.

Поступила в редакцию 28.06.2005

УДК 581.5

И.С. Казимиров

Использование *Cissus rhombifolia* Vahl в озеленении производственного интерьера

В.В. Снежко [1] выделяет следующие типы интерьеров: бытовой, замкнутый, оранжерейный, парадный, производственный, санационный, служебный и спортивно-зрелищный. К настоящему времени накоплено большое количество материала по озеленению бытового и служебного типов интерьера [2–6]. Однако, научная проблема введения растений в производственный тип интерьера изучена недостаточно. Это можно объяснить разнообразием экологических факторов в производственной среде (кроме микроклиматических факторов необходимо учитывать целый ряд факторов производственной среды).

Использование растений для озеленения цеховых помещений промышленных предприятий способно эффективно оптимизировать санитарно-гигиенические параметры производственной среды. При этом оздоровление условий труда происходит как по линии положительного психоэмоционального воздействия с фиксируемым повышением производительности труда, так и по линии биологической фильтрации, естественно-биологической санитарно-гигиенической эффективности растений со снижением заболеваемости и устранением производственного микроклиматического дискомфорта [7]. Следует отметить, что многие виды являются источниками фитонцидов, ионизируют воздух, значительно снижают содержание в нем пыли. Это приводит к повышению производительности труда и резисцентности организма человека к инфекционным заболеваниям.

При подборе ассортимента растений для озеленения промышленных интерьеров с различным типом загазованности воздуха рабочей зоны необходимо обращать внимание на их ответную реакцию. Различные фитотоксиканты могут вызвать адаптационные изменения, которые можно использовать

для биоиндикации опасных ситуаций. Некоторые растения могут стать частью биологического мониторинга, который с успехом можно использовать для выяснения степени загрязненности производственной среды [8].

В.Б. Богатырь [9] предлагает для оценки адаптационных возможностей растений, применяемых в фитодизайне, использовать следующие показатели: анатомическое строение листа, качественный и количественный состав пигментов пластид, положение световой компенсационной точки фотосинтеза, параметры водного режима.

На участке лакировки неизбежно загрязнение воздуха различными аэро-поллютантами. Растения в данном случае выступают в качестве адсорбентов этих веществ. Однако, это возможно только при высокой экологической лабильности вида, хорошо развитой побеговой системы.

Подбираемые для озеленения конкретных производственных помещений растения должны соответствовать следующим требованиям:

- высокая эстетичность;
- ярко выраженная адсорбентная активность листовой поверхности относительно загрязняющих веществ;
- устойчивость самих растений к этим загрязняющим факторам;
- быстрый рост побегов.

Для озеленения интерьера любого типа, особенно производственного, имеет целый ряд преимуществ вертикальное размещение растений. Поэтому для этих целей наиболее пригодны лианы. Они мало занимают места в прикорневой зоне, а значительную вегетативную массу образуют на вертикально поднятых побегах [10].

Цель: изучить возможность использования Циссуса ромболистного в озеленении производственного интерьера участка лакировки; его экологическую лабильность в конкретных производственных условиях.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования служили растения Циссуса ромболистного (*Cissus rhombifolia Vahl*). Растения опыта были размещены на участке лакировки РУПП «Витязь». В воздушной среде участка содержатся следующие вещества: бутилацетат, ацетон, у-спирит, бензин, ксилол, толуол. Контрольные растения размещались в фойе того же здания, удаленном от производственных помещений и характеризующимся такими же микроклиматическими условиями.

В листьях определяли содержание суммы хлорофиллов *a* и *b*, суммы фенольных соединений, водорастворимого белка и растворимых сахаров по общепринятым методам [11]. Интенсивность фотосинтеза и интенсивность дыхания определялись с помощью газоанализатора «TESTO» (точность определения 10 ppm). Учет нарастания побегов и увеличения числа листьев осуществлялся по [12]. Исследование анатомических характеристик листа проводилось по [12] с помощью микроскопа «Биолам Р-15».

Полученные данные обработаны статистически с использованием рекомендаций Г.Ф. Лакина [13] с помощью табличного процессора Microsoft Excel 2000. Вариационная статистика включала определение среднего арифметического (*M*) и средней ошибки среднего арифметического ($\pm m$) вариационного ряда. Достоверность различий показателей опыта в сравнении с контролем оценена по *t*-критерию Стьюдента при 95%-ном уровне доверительной вероятности.

Результаты и их обсуждение. Характеристика некоторых физиолого-биохимических показателей листьев Циссуса ромболистного представлена в табл. 1, исходя из данных которой можно отметить, что у контрольных растений большее содержание суммы хлорофиллов *a* и *b* отмечается с апреля по сентябрь. Ниже содержание – в I и IV кварталах. В опыте по сравнению с контролем отмечается достоверное снижение содержания хлорофиллов. Максимальное снижение в III квартале (–10,62%). Относительно низкое снижение хлорофиллов характерно для IV квартала (–7,82%).

Сумма фенольных соединений в листьях опытных растений по сравнению с контрольными в среднем достоверно увеличена на 10%, и явной сезонной динамики не отмечается. В то же время у контрольных растений в осенне-зимний период наблюдается несколько повышенное содержание фенолов относительно весенне-летнего периода (I квартал: $3,27 \pm 0,08\%$ АБС; IV квартал: $3,26 \pm 0,08\%$ АБС).

На протяжении всего года в листьях Циссуса ромболистного опытных растений достоверно отмечается более высокое содержание водорастворимых белков в сравнении с контролем. У контрольных растений наиболее низкое содержание последних отмечается в I квартале ($3,69 \pm 0,09\%$ АБС), а максимальное – в III квартале ($4,29 \pm 0,11\%$ АБС).

В содержании растворимых сахаров достоверных изменений в сравнении с контролем не выявлено.

Таблица 1

Изменение некоторых физиолого-биохимических показателей листьев *Cissus rhombifolia* Vahl в производственных условиях

| Показатель | Вариант | Значения показателей по кварталам | | | |
|--|----------|-----------------------------------|--------------------|--------------------|--------------------|
| | | I–III | IV–VI | VII–IX | X–XII |
| Хл.а + хл.б, мг % АБС | Контроль | $34,56 \pm 0,87$ | $35,84 \pm 1,03$ | $35,96 \pm 1,07$ | $34,79 \pm 0,96$ |
| | Опыт | $31,25 \pm 0,79^*$ | $32,53 \pm 0,94^*$ | $32,14 \pm 0,91^*$ | $32,07 \pm 0,93^*$ |
| Сумма фенольных соединений, % АБС | Контроль | $3,27 \pm 0,08$ | $3,12 \pm 0,07$ | $3,06 \pm 0,07$ | $3,26 \pm 0,08$ |
| | Опыт | $3,62 \pm 0,09^*$ | $3,42 \pm 0,08^*$ | $3,39 \pm 0,09^*$ | $3,59 \pm 0,09^*$ |
| Белок водорастворимый, % АБС | Контроль | $3,69 \pm 0,09$ | $4,21 \pm 0,11$ | $4,29 \pm 0,11$ | $4,03 \pm 0,10$ |
| | Опыт | $4,12 \pm 0,14^*$ | $4,62 \pm 0,11^*$ | $4,71 \pm 0,12^*$ | $4,36 \pm 0,11^*$ |
| Сахара растворимые, % АБС | Контроль | $4,19 \pm 0,14$ | $4,73 \pm 0,16$ | $4,86 \pm 0,17$ | $4,23 \pm 0,14$ |
| | Опыт | $4,28 \pm 0,15$ | $4,95 \pm 0,17$ | $5,11 \pm 0,18$ | $4,62 \pm 0,15$ |
| I ф-за, мг CO_2 / дм ² *час | Контроль | $18,35 \pm 0,55$ | $21,72 \pm 0,62$ | $19,62 \pm 0,61$ | $17,96 \pm 0,54$ |
| | Опыт | $16,02 \pm 0,48^*$ | $18,15 \pm 0,55^*$ | $17,24 \pm 0,52^*$ | $16,13 \pm 0,46^*$ |
| I дых., мг CO_2 / дм ² *час | Контроль | $5,68 \pm 0,13$ | $6,08 \pm 0,12$ | $5,95 \pm 0,13$ | $5,82 \pm 0,11$ |
| | Опыт | $6,09 \pm 0,15^*$ | $6,51 \pm 0,16^*$ | $6,59 \pm 0,16^*$ | $6,54 \pm 0,15^*$ |

Примечание: * – статистически достоверные различия в сравнении с контролем ($p < 0,05$).

Изменение интенсивности фотосинтеза придерживается такой же динамики, как и изменение содержания хлорофиллов в листьях. У растений опыта по сравнению с контрольными растениями наблюдается в течение всего года достоверное уменьшение интенсивности фотосинтеза и достоверное увеличение интенсивности дыхания. Так, при снижении в листьях содержания хлорофиллов на 9,24% интенсивность фотосинтеза снижается на 16,44%. При этом в опыте отмечается увеличение интенсивности дыхания (+7,07%).

Полученные результаты исследования по особенностям роста Циссуса ромболистного отражены в табл. 2.

**Особенности роста *Cissus rhombifolia* Vahl
в производственных условиях**

| Показатель | Вариант | Значения показателей по кварталам | | | |
|-----------------------|----------|-----------------------------------|-------------|-------------|------------|
| | | I–III | IV–VI | VII–IX | X–XII |
| Нарастание побега, см | Контроль | 3,83±0,18 | 20,14±0,85 | 22,14±1,02 | 4,52±0,16 |
| | Опыт | 2,98±0,10* | 17,82±0,54* | 17,16±0,58* | 3,46±0,14* |
| Число листьев, шт. | Контроль | 3,4±0,48 | 4,9±0,32 | 5,6±0,48 | 3,7±0,42 |
| | Опыт | 1,7±0,42* | 3,5±0,45* | 3,7±0,46* | 2,3±0,35* |

Примечание: * – статистически достоверные различия в сравнении с контролем ($p < 0,05$).

Наблюдения за нарастанием побега и увеличением числа листьев позволяют отметить, что эти показатели непосредственно зависят от соотношения интенсивности фотосинтеза и интенсивности дыхания, а также от продолжительности светового дня.

Так, максимальное нарастание побега отмечается как у контрольных, так и у растений опыта во II и III кварталах (табл. 2). В опыте по сравнению с контролем на протяжении всего года наблюдается достоверное уменьшение нарастания побегов. При этом максимальное отличие в нарастании побегов контрольных и опытных растений отмечается в IV квартале (–23,45%).

Аналогичная зависимость наблюдается в формировании новых листьев. Так, самое интенсивное образование новых листьев в контроле и опыте приходится на II и III кварталы. Максимальное достоверное снижение образования новых листьев относительно контроля у растений опыта наблюдается в I квартале.

Изменение некоторых анатомических показателей листьев *Циссуса ромболистного* в условиях производственной среды отражено в табл. 3.

Толщина листовой пластинки – один из важнейших показателей, по которому можно судить о реакции растения в ответ на воздействие на него неблагоприятных условий среды. На основании анализа табл. 3 можно отметить, что у *Циссуса ромболистного* в контроле максимальная толщина листовой пластинки характерна для листьев, формирующихся в III квартале (132,72±3,12 мкм); минимальная толщина листовой пластинки характерна для листьев I квартала (127,38±2,75 мкм). Для растений опыта характерно по сравнению с растениями контроля значительное достоверное утолщение листовой пластинки. Оно максимально в I квартале (+9,73%). Для листьев, формирующихся во II квартале, интенсивность утолщения несколько ниже (+7,74%). Утолщение листовой пластинки обусловлено как увеличением толщины мезофилла, так и эпидермиса.

Максимальная толщина столбчатого и губчатого мезофилла для растений контроля и опыта характерна для листьев, формирующихся во II и III кварталах. Толщина мезофилла в опыте по сравнению с контролем достоверно увеличена. Так, толщина столбчатого мезофилла увеличивается во II квартале на 9,67%, а губчатого – на 7,93%.

В течение всего года прослеживается тенденция к более выраженной достоверной кутикулизации листовой пластинки. Для верхнего эпидермиса она максимально проявляется в IV квартале (+15,12%). Следует отметить, что утолщение эпидермиса растений опыта обусловлено утолщением кутикулы, а не основных эпидермальных клеток. Толщина указанных клеток практически остается одинаковой.

Для растений опыта характерно достоверное проявление мелкоклеточности столбчатого мезофилла по сравнению с контролем. В то же время губчатый мезофилл в меньшей степени проявляет тенденцию к мелкоклеточности, которая не вкладывается в рамки достоверности. Так, во II квартале отмеча-

ется уменьшение поперечного размера клеток на 7,03%, а продольного на 4,04% по сравнению с контрольными растениями.

Таблица 3

Изменение некоторых анатомических показателей листьев *Cissus rhombifolia* Vahl в производственных условиях (мкм)

| Показатель | Вариант | Значения показателей по кварталам | | | | |
|-------------------|-------------|-----------------------------------|--------------|--------------|--------------|-------------|
| | | I–III | IV–VI | VII–IX | X–XII | |
| Толщина листа | Контроль | 127,38±2,75 | 131,93±2,95 | 132,72±3,12 | 129,24±2,97 | |
| | Опыт | 139,78±3,02* | 142,14±3,11* | 145,21±3,18* | 141,06±3,29* | |
| Эпидермис верхний | Контроль | 5,16±0,12 | 5,23±0,14 | 5,28±0,16 | 5,18±0,14 | |
| | Опыт | 5,86±0,12* | 5,97±0,15* | 5,93±0,19* | 5,96±0,16* | |
| Эпидермис нижний | Контроль | 7,94±0,13 | 8,12±0,15 | 8,35±0,16 | 8,06±0,14 | |
| | Опыт | 8,86±0,14* | 9,02±0,16* | 9,16±0,18* | 9,08±0,16* | |
| Мезофилл | столбчатый | Контроль | 49,51±0,71 | 51,16±0,78 | 54,12±0,67 | 49,86±0,83 |
| | | Опыт | 55,11±0,76* | 56,11±0,89* | 58,72±0,72* | 54,41±0,89* |
| | губчатый | Контроль | 63,56±0,85 | 64,43±0,95 | 64,12±0,97 | 63,18±0,83 |
| | | Опыт | 67,05±0,93* | 69,54±1,05* | 69,97±1,09* | 68,95±0,97* |
| Кутикула верхняя | Контроль | 1,69±0,03 | 1,73±0,03 | 1,76±0,03 | 1,72±0,03 | |
| | Опыт | 1,84±0,04* | 1,89±0,04* | 1,98±0,04* | 1,98±0,04* | |
| Кутикула нижняя | Контроль | 1,05±0,02 | 1,09±0,02 | 1,08±0,02 | 1,04±0,02 | |
| | Опыт | 1,18±0,03* | 1,21±0,03* | 1,19±0,03* | 1,16±0,03* | |
| Клетки мезофилла | столбчатого | Контроль | 14,03±0,18 | 13,85±0,15 | 13,91±0,17 | 13,96±0,18 |
| | | | 24,78±0,35 | 24,76±0,37 | 24,56±0,34 | 24,65±0,35 |
| | | Опыт | 13,49±0,14* | 13,29±0,13* | 13,37±0,13* | 13,43±0,19* |
| | | | 23,62±0,31* | 23,02±0,28* | 22,81±0,31* | 23,15±0,29* |
| | губчатого | Контроль | 15,64±0,26 | 15,18±0,26 | 14,63±0,32 | 15,14±0,28 |
| | | | 15,74±0,27 | 15,68±0,31 | 15,09±0,36 | 15,43±0,39 |
| | | Опыт | 15,34±0,28 | 14,98±0,25 | 14,43±0,29 | 15,11±0,38 |
| | | | 15,35±0,27 | 15,01±0,34 | 14,96±0,27 | 15,28±0,39 |

Примечание: * – статистически достоверные различия в сравнении с контролем ($p < 0,05$).

Впервые получены данные по биохимии, физиологии, закономерностям анатомии листа и особенностям роста в течение года *Cissus rhombifolia* Vahl в условиях производственного интерьера участка лакировки.

Циссус ромболистный в производственных условиях проявляет следующие особенности:

1. Достоверное уменьшение содержания суммы хлорофиллов *a* и *b*, увеличение суммы фенольных соединений, увеличение водорастворимого белка, уменьшение интенсивности фотосинтеза, увеличение интенсивности дыхания.
2. Достоверное уменьшение нарастания побегов и уменьшение числа листьев.
3. Достоверное утолщение листовой пластинки, верхней и нижней кутикулы, верхнего и нижнего эпидермиса, столбчатого и губчатого мезофилла; проявление мелкоклеточности столбчатого мезофилла.
4. Циссус ромболистный является довольно экологически лабильным видом.

На основании вышеизложенного можно рекомендовать *Cissus rhombifolia* Vahl для использования в озеленении участков лакировки промышленных предприятий.

В интерьерном озеленении Циссус ромболистный используют как ампельные формы для настенных и подвесных ваз, вертикального озеленения стены помещения, в зимних садах, холлах [14].

Перспективными направлениями возможных дальнейших разработок данной научной проблемы, на наш взгляд, можно считать следующие:

- разработка мероприятий по повышению устойчивости данного вида к производственной среде путем закаливания и применения микроэлементов;
- изучение устойчивости *Cissus rhombifolia* Vahl в условиях других типов производственного интерьера.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Снежко В.В.** Декоративные и биоэкологические особенности растений в фитодизайне: автореф. дис. ... канд. биол. наук: 03.00.05. – Киев, 1983. – 24 с.
2. **Демидов А.С.** Эколого-географические аспекты интерьерного озеленения / **А.С. Демидов, С.Е. Коровин** // Бюл. Гл. бот. сада АН СССР, 1985, вып. 136. – С. 70–74.
3. **Казимиров И.С.** Тропические и субтропические растения в интерьере // Нетрадиционное растениеводство. Эниология. Экология и здоровье: материалы XIII Междунар. симп., Алушта, 5–12 сент. 2004 г. / Крымский междунар. ин-т нетрадиционного растениеводства, экологии и здоровья; редкол.: **В.П. Головин** [и др.]. – Симферополь, 2004. – Кн. 1. – С. 176–177.
4. **Кутас Е.Н.** Эколого-биологические особенности жизнедеятельности растений в условиях интерьеров. – Мн., 1984. – 120 с.
5. **Burchett M.** Indoor plants and pollution reduction / **M. Burchett, R. Wood** // J. Home and Consum. Hort., 1994. – Vol. 1, № 2/3. – P. 255–264.
6. **Lawrence G.** *Cissus* and *Rhoicissus* in cultivation // *Baileya*, 1959. – Vol. 7, № 2. – P. 45–54.
7. **Никитина М.Р.** Фитофильтры в оптимизации производственной среды / **М.Р. Никитина, И.Ю. Никитин** // Промышленная ботаника: состояние и перспективы развития: тез. докл. респ. науч. конф., посвящ. 25-летию Донец. бот. сада АН УССР, Киев, сент. 1990 г. – Киев, 1990. – С. 211.
8. **Каспари В.М.** Использование видов рода *Vegonia* L. для биоиндикации загрязнения среды // Промышленная ботаника: состояние и перспективы развития: тез. докл. респ. науч. конф., посвящ. 25-летию Донец. бот. сада АН УССР, Киев, сент. 1990 г. / Донец. бот. сад АН УССР; редкол.: **В.П. Тарабрин** [и др.]. – Киев, 1990. – С. 125–126.
9. **Богатырь В.Б.** Адаптация растений, используемых в фитодизайне // Экологические и физиолого-биохимические аспекты антропоэкологичности растений: тез. докл. Всесоюз. конф., Таллин, 3–5 дек. 1986 г. / Таллинский бот. сад; редкол.: **Л. Мартин** [и др.]. – Таллин, 1986. – Ч. 2. – С. 107–109.
10. **Горнищкая И.П.** Интродукция тропических и субтропических растений, ее теоретические и практические аспекты / Под ред. **С.Е. Коровина**. – Донецк, 1995. – 304 с.
11. **Методы биохимического исследования растений** / **А.И. Ермаков** [и др.]; под общ. ред. **А.И. Ермакова**. – 2-е изд. – Л., 1972. – 456 с.
12. **Клейн Р.М.** Методы исследования растений / **Р.М. Клейн, Д.Т. Клейн**. – М., 1974. – 528 с.
13. **Лакин Г.Ф.** Биометрия: Учеб. пособие для ун-тов и пед. ин-тов. – М., 1973. – 343 с.
14. **Якимова Т.В.** Лианы и ампельные растения для интерьера / **Т.В. Якимова, М.М. Шклярова**. – М., 2001. – 166 с.

S U M M A R Y

The possibility of using Cissus rhombifolia Vahl in phytodesigning industrial interiors is studied in the article. The author investigates the changes in some physiological-biological indicators as well as peculiarities of the growth of the given species under the conditions of industrial environment. Some practical recommendations for using Cissus rhombifolia Vahl in phytodesigning a lackuering sector of an industrial enterprise are given.

Поступила в редакцию 27.04.2006



Мотивы сексуального воздержания в старшем юношеском возрасте

За последние 10–15 лет в сексуальном поведении и установках молодежи произошли большие изменения, которые в самом кратком виде можно сформулировать следующим образом:

– у молодых людей произошло отделение сексуального поведения от репродуктивного; они раньше начинают половую жизнь, при этом вступление в половую жизнь не предполагает заключения брака;

– произошло ослабление «двойного стандарта», предполагающего существование разных норм сексуального поведения для мужчин и женщин; рост терпимости в молодежной среде по отношению к необычным и девиантным формам сексуальности, особенно гомосексуальности [1].

Все это не может не привлекать внимание взрослых, особенно родителей и воспитателей, к проблеме добрачной молодежной сексуальности. Этот интерес обуславливается, прежде всего, тревогой за здоровье молодых людей, весьма оправданной в ситуации, когда темпы прироста новых случаев ВИЧ указывают на то, что он вышел в общую популяцию. Кроме того, об этом говорит заведующая отделом эпиднадзора за ВИЧ-инфекцией Республиканского центра гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья О. Ждановская, за последние два – три года отмечают изменения в превалировании путей инфицирования: более половины случаев инфекции распространяется гетеросексуальным путем [2].

Исследования молодежной сексуальности, проведенные в последние годы, прежде всего, интересуются мотивами вступления молодых людей в сексуальные отношения [3]. Вместе с тем, знание мотивов воздержания от сексуальных отношений может быть весьма информативным и полезным в выработке подходов к половому просвещению и сексуальному воспитанию юношей и девушек. В связи с чем, в мае-июне 2004 г. нами был проведен ориентировочный опрос большой группы студентов (г. Витебск; один вуз, три ссуза), 483 юношей и 482 девушки в возрасте 17–21 лет. Выборка пропорционально-квотная по полу и по возрасту; шаг возрастной квоты – 1 год.

Было установлено, что 75,8% юношей и 63,7% девушек, принявших участие в опросе, хотя бы однократно имели опыт сексуальных отношений с партнером, а 24,2% (117 человек) и 36,3% (175 человек) соответственно, наличие такового опыта отрицали.

Респондентам, не имевшим опыта сексуальных отношений с партнером был предложен вопрос *«Если вы не имеете опыта сексуальных отношений с партнером, то, что вас удерживает от этого?»* и варианты ответов к нему, из которых можно было выбрать не более 2-х. Результаты ответов представлены в таблице.

Все предложенные варианты мотивов сексуального воздержания можно организовать в три блока: «технические» (варианты 1 и 2), которые предполагают отсутствие возможности вступать в половые отношения при готовности это сделать; «позитивные» (варианты 3 и 4), предполагающие добровольное внутреннее ограничение сексуальной активности; «негативные» (варианты 5,

6 и 7), смысл которых состоит в том, что отказ от сексуальной активности с партнером происходит под влиянием внешних факторов, причем ориентация на них способствует возникновению стойких негативных эмоций в связи с собственной сексуальностью (чувство страха).

Таблица

Мотивы сексуального воздержания юношей и девушек, %

| Наименование мотива | Юноши | Девушки |
|---|-------|---------|
| 1. Отсутствие подходящих условий | 38,2* | 9,6 |
| 2. Отсутствие партнера | 35,3 | 26,6 |
| 3. По моральным и религиозным соображениям | 32,4 | 40,0 |
| 4. Считаю, что еще не готов к сексу | 14,7 | 44,4* |
| 5. Страх оказаться сексуально несостоятельным | 14,7* | 2,0 |
| 6. Страх заболеть | 2,9 | 13,5* |
| 7. Из страха, что узнают родители | 2,2 | 7,7 |

Примечание: знаком «*» отмечены достоверные различия между группами.

Из приведенных данных видно, что доминирующими мотивами сексуального воздержания юношей являются мотивы «технические»; на этот мотив указал каждый третий юноша и только одна из четырех девушек. Для девушек ведущим мотивом сексуального воздержания явились мотивы «позитивные»; их отметили почти половина девушек и только треть юношей. Достоверные различия между юношами и девушками обнаруживаются в таких мотивах, как «отсутствие подходящих условий» (достоверно преобладает у юношей) и «считаю, что еще не готова к сексу» (достоверно преобладает у девушек).

Наименее представленными оказались мотивы, вошедшие в группу «негативных»; на них указали только каждый десятый юноша и девушка. Вместе с тем, достоверные различия все же были обнаружены в таких из них, как «страх оказаться сексуально несостоятельным» (достоверно преобладает у юношей) и «страх заболеть» (достоверно преобладает у девушек).

Полученные данные позволяют сделать несколько выводов: во-первых, у студенческой молодежи существует определенное разнообразие мотивов воздержания от сексуальной жизни, а следовательно, отсутствует какой-то единый мотив, общий для всех; во-вторых, существуют гендерные различия в представленности таковых у юношей и девушек: так, у юношей преобладают мотивы, связанные с «технической» невозможностью вступить в половые отношения, а у девушек – мотивы, связанные с внутренним моральным ее ограничением; в-третьих, в психолого-педагогической и санитарно-просветительной работе, направленной на оптимизацию сексуального поведения молодежи, следует избегать моментов, эксплуатирующих страх перед последствиями сексуального поведения в связи с тем, что мотивы страха последствий сексуального поведения присутствуют лишь у незначительного числа юношей и девушек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кон И.С. *Подростковая сексуальность на пороге XXI века.* – Дубна, 2001. – С. 12.
2. *Белорусская газета*, 4 октября 2004 г. – С. 4.
3. *Социология*, 2001, № 2.

S U M M A R Y

The article contains the results of the sociological research into the sexual behaviour of the youth and presents the motives for sexual abstinence of young people.

Поступила в редакцию 29.08.2005



Бібліяграфія

ПАТРИОТИЗМ И ИДЕОЛОГИЯ (Теоретико-методологический подход): Монография для научных работников по специальности 22.00.01 – теория, методология и история социологии / **Л.А. Гащенко, А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий, Е.А. Капитонова.** – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. – 203 с.: ил. Тир. 100 экз.



Монография посвящена методологическим проблемам идеологии и ее разновидности – патриотической идеологии. Анализируется прогностическая природа последней, детерминанты патриотической активности субъектов на уровне общественного и обыденного сознания. Рассматриваются теоретико-методологические аспекты процесса социализации личности и его ключевая составляющая – патриотическая социализация, которая подается в исторической социодинамике, исследуется патриотическая культура современной молодежи.

Монография предназначена студентам, кураторам академических групп, магистрантам, аспирантам, соискателям, научным сотрудникам, социальным работникам и педагогам, а также преподавателям смежных дисциплин, прежде всего, философии, поли-

тологии, истории, культурологии, психологии, социальной психологии.

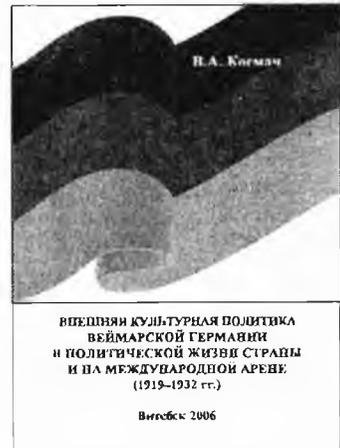
В.А. Уткевич

ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ И НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ (1919–1932 гг.): Монография / **В.А. Космач.** – Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. – 391 с.: ил. Тир. 55 экз.

В монографии освещаются основные этапы истории, реформирования поиска новой модели германской внешней культурной политики в годы Веймарской республики. Показаны позиции ведущих правящих и оппозиционных партий, дискуссии в рейхстаге и прусском ландтаге, а также деятельность правительственных кабинетов Веймарской Германии в этой области. Проанализированы региональные особенности практической деятельности Берлина по реализации в жизнь планов и замыслов в области германской внешней культурной политики в рассматриваемый период времени.

Книга написана с привлечением богатого архивного материала, неопубликованных документов, разнообразной литературы.

Предназначается для научных работников, преподавателей, студентов, всех, кто интересуется историей Германии новейшего времени.



Г.Н. Яковлева



В.И. Пушкин **(к 60-летию со дня рождения)**



15 сентября 2006 года исполнилось 60 лет со дня рождения декана юридического факультета, доцента кафедры гражданского права и гражданского процесса Вячеслава Ивановича Пушкина.

Вячеслав Иванович родился в Смоленской области Российской Федерации. В 1961 году семья Пушкиных переехала в г. Витебск в связи с переводом отца на работу в Витебское отделение железной дороги в качестве ведущего инженера.

С 1964 года после окончания 10 классов школы рабочей молодежи № 5 г. Витебска началась трудовая деятельность Вячеслава Ивановича на различных объектах народного хозяйства. Работая в качестве

строителя, токаря, шлифовщика, а также активно участвуя в работе комсомольских организаций, В.И. Пушкин приобретал богатый социальный опыт и гражданскую зрелость.

В 1965 году был призван на срочную службу в ракетные войска стратегического назначения, где прошел путь курсанта, рядового, командира отделения, старшины.

После демобилизации в 1968 году он продолжил трудовую деятельность. К этому времени у Вячеслава Ивановича сформировался достаточно устойчивый интерес к гуманитарным наукам и особенно к философии. В 1969 году он поступает в Белорусский государственный университет на философское отделение.

После окончания в 1975 году университета работает в ВГПИ им. С.М. Кирова ассистентом, старшим преподавателем, заместителем декана факультета педагогики и методики начального обучения, деканом факультета начальных классов с изобразительным искусством. В 1991 году решением Министерства образования СССР ему присвоено ученое звание доцента.

В 1989 году В.И. Пушкин избран на ответственную работу секретаря партийного комитета института. Яркие организаторские способности Вячеслава Ивановича, креативность мышления, высокая мобильность и умение принимать волевые решения в непростой социально-политической обстановке в годы перестройки не могли не остаться незамеченными, и с 1990 года он возглавляет кадровую работу в г. Витебске на посту 2-го секретаря горкома КПБ.

В 1997 году он назначен заместителем директора, проректором Витебского филиала Института современных знаний. В этот же период В.И. Пушкин получает второе высшее образование по специальности «Правоведение».

С 1998 года и по настоящее время работает деканом юридического факультета университета, где в значительной мере реализуются его качества как высококвалифицированного специалиста, ответственного и добросовестного воспитателя молодежи, умелого организатора учебного процесса.

Вячеслав Иванович является ведущим преподавателем по научным дисциплинам «Гражданское право (общая часть)», «Семейное право», на высоком теоретическом и методическом уровне проводит лекционные и практические занятия, используя новые педагогические технологии и приемы активизации умственной деятельности, оказывает студентам методическую помощь при написании курсовых и дипломных проектов, всячески способствует молодым преподавателям в их профессиональном росте.

В.И. Пушкин проводит значительную научную и научно-методическую работу. По его инициативе на факультете изданы учебно-методические комплексы для всех шести курсов заочного отделения. Дипломные работы, научным руководителем которых он является, ежегодно получают высокие оценки на государственных экзаменах. Имеет более 50 опубликованных научных работ.

За многолетнюю безупречную работу Вячеслав Иванович Пушкин награжден Почетными грамотами Министерства образования, районного, городского и областного Советов депутатов, медалью «За добросовестный труд», знаком «Отличник образования Республики Беларусь».

Вячеслав Иванович пользуется заслуженным авторитетом и уважением у студентов и сотрудников университета.

Коллеги сердечно поздравляют юбиляра и желают ему доброго здоровья, успехов в педагогической деятельности, счастья в личной жизни.

Коллектив юридического факультета

Ю.В. Трубников (к 60-летию со дня рождения)



18 марта 2006 г. исполнилось 60 лет профессору, доктору физико-математических наук Юрию Валентиновичу Трубникову.

Ю.В. Трубников родился 18 марта 1946 года в г. Ташкенте. В 1964 году окончил с золотой медалью СШ № 18 г. Ташкента. В 1964 году поступил в Воронежский политехнический институт, а в 1965 г. перевелся на математико-механический факультет Воронежского государственного университета. После окончания университета был оставлен на работу в Воронежском университете ассистентом кафедры обыкновенных дифференциальных уравнений. В 1970 г. поступил в аспирантуру, которую успешно окончил с защитой кандидатской диссертации на тему «Монотонные дифференциальные уравнения». С 1974 года по 1980 год работ

стал преподавателем кафедры нелинейных колебаний Воронежского государственного университета, а с 1980 года – в ВГТУ. С 2001 года работает в ВГУ им. П.М. Машерова. Постановлением Президиума Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 13 октября 2004 года Юрию Валентиновичу присуждена ученая степень доктора физико-математических наук.

С 28.04.2004 года по 4.04.2006 г. являлся деканом физического факультета УО «ВГУ им. П.М. Машерова».

Где бы ни работал и какие бы должности ни занимал, Юрий Валентинович всегда был и остается, в первую очередь, педагогом и учителем. По образному выражению одного студента физического факультета: «Если вы хотите увидеть, как читает лекцию или ведет занятия классический профессор – идите на занятия к Трубникову». Всех поражает не только спокойный и уравновешенный характер юбиляра, но и его фундаментальность и спокойствие. Кажется, не существует проблем или вопросов, которые нельзя решить вместе с Юрием Валентиновичем.

В этот юбилейный год хочется пожелать ему оставаться и дальше таким же «классическим» профессором физического факультета, на примере жизненного пути которого необходимо учить и воспитывать наших студентов.

Ю.И. Бохан

В.І. Несцяровіч (да 50-годдзя з дня нараджэння)



Споўнілася 50 гадоў Віктару Іванавічу Несцяровічу – мовазнаўцу, педагогу, дэкану факультэта беларускай філалогіі і культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Нарадзіўся Віктар Іванавіч 1 верасня 1956 года ў вёсцы Макарычы Старадарожскага раёна Мінскай вобласці. У 1973 годзе скончыў сярэднюю школу № 2 г. Старыя Дарогі і паступіў на філалагічны факультэт Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя А.М. Горкага. Пасля заканчэння ВНУ настаўнічаў у сваёй роднай школе, а праз год быў запрошаны на працу ў Віцебскі дзяржаўны педагагічны інстытут імя С.М. Кірава на кафедру пачатковага навучання.

У 1979–1982 г. Віктар Іванавіч вучыўся ў дзённай аспірантуры МДПІ.

Даследчыка зацікавілі моўныя асаблівасці кітабаў – кніг, напісаных на беларускай мове арабскім пісьмом. Яны ствараліся пачынаючы з XVI стагоддзя татарамі, што пасяліліся на Беларусі, і добра адлюстроўвалі асаблівасці жывой народнай гаворкі. Кандыдацкая дысертацыя на тэму «Фразеалагізмы ў беларускіх тэкстах XVII–XIX стст., напісаных арабскім пісьмом» была паспяхова абаронена В.І. Несцяровічам у 1983 годзе. Адразу ж пасля абароны малады кандыдат навук узначальвае кафедру беларускай мовы і літаратуры на філалагічным факультэце Віцебскага педінстытута. З гэтай установай звязаны ўвесь далейшы працоўны і навуковы шлях В.І. Несцяровіча. У 1993 годзе ён становіцца дэканам факультэта беларускай мовы і літаратуры (з 1994 г. – факультэт беларускай філалогіі і гісторыі, з 2001 г. – факультэт беларускай

філалогіі і культуры). На адказнай пасадзе Віктар Іванавіч вядзе вялікую арганізацыйную, педагагічную, выхаваўчую працу сярод студэнцкай моладзі. Пад яго кіраўніцтвам факультэт стаў сапраўдным цэнтрам беларусазнаўства на Віцебшчыне.

В.І. Несцяровіч аўтар звыш 70 друкаваных прац па розных галінах лінгвістыкі. Шырокую вядомасць набылі створаныя ім у сааўтарстве з іншымі даследчыкамі падручнікі па беларускай мове для пачатковай і сярэдняй школы (усяго 11 выданняў). Зацверджаныя Міністэрствам адукацыі, яны сёння актыўна выкарыстоўваюцца ў навучальным працэсе. Асноўным жа аб'ектам навуковых інтарэсаў даследчыка застаецца мова беларускіх кітабаў. У 2003 годзе выйшла манаграфія «Старажытныя рукапісы беларускіх татар», за апошні час з'явіліся шматлікія артыкулы адпаведнай тэматыкі ў айчынных і замежных выданнях. В.І. Несцяровіч – сааўтар вядомага ў беларускім мовазнаўстве «Адваротнага слоўніка беларускай мовы», шэрагу галіновых перакладных слоўнікаў. Пастаянна кіруе навуковымі даследаваннямі аспірантаў і студэнтаў-дыпломнікаў.

За шматгадовую плённую працу на педагагічнай ніве В.І. Несцяровіч узнагароджваўся Ганаровымі граматамі Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, а таксама Ганаровай граматай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь. З'яўляецца выдатнікам адукацыі, у 2003 г. атрымаў падзяку Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь.

Сёння Віктар Іванавіч Несцяровіч поўны энергіі, планаў, творчых задум. Калегі жадаюць яму моцнага здароўя, аптымізму, шчаслівага асабістага жыцця, вялікіх поспехаў у навукова-педагагічнай і грамадскай дзейнасці.

Г.А. Арцямёнак



УДК 316

Юдин В.В. Религиозность и религиозный экстремизм в молодежной среде // *Вестник ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 3–5.

Статья подготовлена на основе социологических исследований молодежи Могилева и Могилевской области, проведенных в 2002 и 2004 годах. Рассматриваются религиозность молодежи и проявления религиозного экстремизма в молодежной среде. Молодежь отличается невысоким уровнем и степенью религиозности, что является одним из факторов, объясняющим отсутствие массовых проявлений религиозного экстремизма.

Табл. – 1. Библиогр. – 2 назв.

УДК 1:316

Половец Д.О. Постструктуралистические концепции инаковости и их прочтение в мультикультурализме // *Вестник ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 6–9.

Проанализированы различные концепции инаковости в постструктурализме. Автором выявлены варианты их прочтения в парадигме мультикультуралистических исследований.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 947.6(476)«1903–1914»:61

Моторова Л.А., Моторова Н.С. Медицинское обслуживание и здравоохранение населения Витебской губернии (1903–1914 гг.) // *Вестник ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 10–13.

Охарактеризованы основные направления организации и развития системы медицинского обслуживания и здравоохранения населения Витебской губернии в 1903–1914 гг. Приведены данные о числе медицинских учреждений, уровне рождаемости и смертности в них, наиболее распространенных заболеваний среди населения региона. Кроме того, охарактеризован уровень подготовки и квалификации медицинских кадров Витебской губернии.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 94(47+57)«1905–1917»

Лавринович Д.С. Деятельность Конституционно-демократической партии в Витебской губернии (1905–1917 гг.) // *Вестник ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 14–18.

Исследуется процесс формирования отделов Конституционно-демократической партии в Витебской губернии, их структура и численность, социальный и национальный состав, особенности идеологии и тактики, взаимосвязи с центральными партийными органами, издательская деятельность, участие в выборах I–IV Государственных дум.

Библиогр. – 13 назв.

УДК 346.26:93(476)

Елизаров С.А. Районы в системе административно-территориального деления Белорусской ССР в 1930–1941 гг. // *Вестник ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 19–24.

Раскрываются вопросы реформирования районного звена административно-территориального устройства Белорусской ССР в 1930-е гг., когда район

рассматривался партийно-советским руководством в качестве основного звена реализации политики форсированного строительства социализма.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 930:94(47+57)«1941/1945»

Здановіч У.В. Аб перыядызацыі вывучэння гісторыі Вялікай Айчыннай вайны // *Веснік ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 25–30.

Разглядаюцца розныя пункты гледжання на этапы развіцця даследаванняў па гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Адзначаецца, што па дадзенай праблеме маецца шырокі спектр меркаванняў і прапаноў даследчыкаў і на сучасны момант не існуе адзінай перыядызацыі гістарыяграфіі Вялікай Айчыннай вайны. Аўтар прапаноўвае свой варыянт перыядызацыі.

Бібліягр. – 12 назв.

УДК 093.3:614.8

Яковчук В.И. Деятельность правительства БССР по совершенствованию организации противопожарной защиты белорусской деревни (1955–1977 гг.) // *Веснік ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 31–36.

Рассматривается деятельность белорусского правительства по совершенствованию организации противопожарной защиты в сельской местности республики в период 1955–1977 гг.; организация нормативно-правового обеспечения борьбы с пожарами в сельской местности, организаторская работа исполнительной власти по профилактике пожаров, созданию и укреплению добровольных пожарных обществ и дружин, совершенствованию их вооружения, что способствовало повышению эффективности деятельности по предупреждению и тушению пожаров.

Библиогр. – 4 назв.

УДК 940.5

Вацилко Г.Г. Культурное сотрудничество Беларуси и Польши в 90-е годы XX в. // *Веснік ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 36–41.

Показан процесс формирования законодательной и договорно-правовой базы культурного сотрудничества Республики Беларусь с Республикой Польша в 90-е годы XX века. Отмечается расширение числа субъектов культурного сотрудничества, в первую очередь за счет общественных организаций. На основе документального материала приводятся примеры многочисленных культурных мероприятий, которые проводились Белорусским общественно-культурным товариществом, Союзом поляков и др. Все это содействовало взаимообогащению национальных культур как Беларуси, так и Польши.

Библиогр. – 15 назв.

УДК 37.013:364.3

Новицкий П.И., Иванова М.В. Волонтерство как актуальная педагогическая проблема в воспитательной работе высшего учебного заведения // *Веснік ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 42–46.

Результаты социологического исследования констатируют, что несмотря на известную в теории и практике воспитания молодежи значимость волонтерской деятельности, у определенной части современного студенчества отмечаются: несформированность адекватной оценки социального статуса волонтерства; позитивное отношение к волонтерской деятельности, носящее декларативный характер, не подкрепленный практической готовностью добровольно принять в ней участие; отсутствие практического опыта в организации

благотворительных дел и акций, проводимых для лиц, нуждающихся в социальной защите государства и поддержке общества.

Табл. – 1. Библиогр. – 6 назв.

УДК 376(091)

Корзунова Т.В. Предпосылки развития специального образования Республики Беларусь в условиях трансформации современного общества // *Веснік ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 46–50.

Изучаются актуальные вопросы развития системы специального образования Республики Беларусь. Анализируются особенности развития современного общества и рассматривается их влияние на развитие системы специального образования.

Библиогр. – 10 назв.

УДК 37.013.42(476)(091)

Андрущенко Н.Ю. Становление и развитие института социальной педагогики в Республике Беларусь (1990–2007 гг.) // *Веснік ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 51–56.

Статья посвящена теоретико-методологическим основам исследования проблемы становления и развития института социальной педагогики в Республике Беларусь (1990–2007 гг.). В частности, автор акцентирует внимание на уровнях, принципах, методах структурно-иерархической модели теоретико-методологических основ исследования вышеобозначенной проблемы.

Рис. – 2. Библиогр. – 6 назв.

УДК 377

Ноздрин-Шлотницкий В.И. Некоторые аспекты исследования понятий «профессия» и «специалист» // *Веснік ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 56–60.

Проводится комплексное исследование понятий «профессия» и «специалист» с учетом требований, которые предъявляет рыночная экономика к качеству подготовки выпускников высшей школы, что в дальнейшем определяет востребованность выпускников в современных условиях.

Библиогр. – 11 назв.

УДК 159.922.7

Волчок В.П. Теоретические подходы бихевиоральной и гуманистической психологии в изучении взаимодействия родителей с детьми // *Веснік ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 61–64.

В современном мире все больше растет понимание семьи как определяющей не только развитие ребенка, но в конечном итоге развитие всего общества. Во второй половине нашего столетия в психологии произошел значительный рост исследований, посвященных проблемам воспитания и развития ребенка в семье. Вопросам, касающимся изучения взаимодействия родителей с детьми, и посвящается статья.

Библиогр. – 12 назв.

УДК 808.2–1/8

Муратова Е.Ю. Терминологические проблемы в теории интертекстуальности // *Веснік ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 65–70.

Исследуются терминологические проблемы в теории интертекстуальности. В работе указываются основные источники современной теории интертекстуальности; освещается широкое и узкое понимание данного термина в лин-

гвистике; анализируются различные определения интертекста, объективно существующие в настоящее время в науке; рассматриваются взгляды на интертекстуальность как с точки зрения порождения текста, так и с точки зрения его восприятия. В статье дается упорядоченный обзор существующих терминов: собственно интертекстуальных знаков (цитата, реминисценция, аллюзия); инотекстовых включений (претекст, предтекст, протекст, первичный текст, текст-донор); итогового текста (посттекст, метатекст, интекст, текст-реципиент); среди них выявляются наиболее единообразные и частотные по своему употреблению; рассматриваются возможные тенденции их использования.

Библиогр. – 16 назв.

УДК 808.2–3

· **Ван Ли.** Спорные вопросы номинации внутригородских объектов // Веснік ВДУ, 2006, № 3(41). – С. 70–74.

Исследуются взгляды русских, белорусских и китайских ономастологов на проблемы номинации внутригородских объектов, делается вывод о тесной зависимости их от духа эпохи и соответствии культурно-историческому и идейно-эстетическому контекстам общественной жизни человечества вообще.

Библиогр. – 9 назв.

УДК 808.2–01

· **Тулинова О.А.** Особенности референции в бэджевых текстах // Веснік ВДУ, 2006, № 3(41). – С. 74–80.

Статья посвящена бэджевым текстам как особому коммуникативному новообразованию и специфической функциональной разновидности текста. Приводятся классификации бэджевых текстов по признаку соотносённости с определенным референтом, референтному/нереферентному употреблению бэджа и известности/неизвестности референта.

Библиогр. – 6 назв.

УДК 882.6(09)

· **Русецкі А.У., Русецкі Ю.А.** «Букварь» з Куцейны // Веснік ВДУ, 2006, № 3(41). – С. 81–85.

У 2006 г. спаўняецца 475 гадоў з дня выхаду ў свет першага на беларускай зямлі «Буквара», выдадзенага С. Собалем у Куцеінскай друкарні пад Оршай. Раскрываецца значэнне гэтай падзеі для нацыянальнай мастацкай культуры Беларусі.

Бібліягр. – 7 назв.

УДК 882–31(091)

· **Киселев К.Л.** К проблеме типологии характеров в творчестве Леонида Леонова (на материале романов 1950–1990-х годов) // Веснік ВДУ, 2006, № 3(41). – С. 85–92.

Работа посвящена проблеме типологии характеров в романах Леонида Леонова 1950–1990-х годов. Характерология послевоенного творчества писателя рассматривается в структурном и типологическом аспектах, формулируются единые принципы типологизации характеров, на основании которых и проводится их классификация, теоретически и эмпирически разрабатывается понятие литературного «сверхтипа».

Библиогр. – 12 назв.

УДК 793.3.038.6.075(476) Поклитару Р.

Улановская С.И. Творческий стиль Р. Поклитару: к вопросу о стилевых инновациях в современной белорусской хореографии // Веснік ВДУ, 2006, № 3(41). – С. 93–99.

Рассматриваются стилевые закономерности творчества молодого белорусского хореографа Раду Поклитару. Обобщения о стиле сделаны на основе анализа ряда хореографических постановок.

Библиогр. – 1 назв.

УДК 746.5.03(476)

Майсяюк А.М. Узнікненне і станаўленне бісерапляцення на тэрыторыі Беларусі: да пастаноўкі праблемы // Веснік ВДУ, 2006, № 3(41). – С. 100–103.

Упершыню ў айчынным мастацтвазнаўстве сістэмна разглядаецца эвалюцыя распаўсюджвання пацерак і бісеру на тэрыторыі Беларусі, навукова абгульняюцца вынікі мастацтвазнаўчага аналізу выяўленчага матэрыялу бісернага дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва. Асэнсоўваюцца мастацкія асаблівасці беларускага бісерапляцення ў гістарычным кантэксце развіцця шкларобства і бісернай вытворчасці.

Бібліягр. – 5 назв.

УДК 591.9 + 598.2

Гричик В.В., Ивановский В.В. Географическая изменчивость ястреба-тетеревятника (*Accipiter gentilis* L., 1758) в Беларуси // Веснік ВДУ, 2006, № 3(41). – С. 104–109.

Исследованы размеры и особенности окраски гнездящихся и зимующих тетеревятников из разных областей Беларуси. Показано, что птицы из популяций, гнездящиеся на юго-западе страны (Брестская область), в среднем достоверно мельче птиц из северного региона (Витебская область). Предполагается, что первые относятся к подвиду *Accipiter gentilis gallinarum*, вторые – к *A.g. gentilis*. Осенью и зимой особи подвида *A.g. gentilis* встречаются по всей территории Беларуси.

Табл. – 3. Библиогр. – 13 назв.

УДК 634.738(476):581.19

Рупасова Ж.А., Игнатенко В.А., Варавина Н.П., Рудаковская Р.Н., Рубан Н.Н., Яковлев А.П. Особенности накопления углеводов, органических кислот и терпеноидов в плодах голубики высокорослой на фоне внесения минеральных удобрений в разных агроклиматических областях Беларуси // Веснік ВДУ, 2006, № 3(41). – С. 109–120.

Приведены результаты сравнительного исследования параметров накопления углеводов, органических кислот и терпеноидов в плодах ранне-, средне- и позднеспелого модельных сортов голубики высокорослой в южной, центральной и северной агроклиматических областях Беларуси в полевых опытах с идентичной 8-вариантной схемой внесения N_{60} , P_{60} , K_{60} .

Показаны сортовые различия параметров накопления рассматриваемых соединений в плодах голубики и изменение степени их зависимости от эдафического фактора при продвижении в северном направлении.

Табл. – 6. Библиогр. – 6 назв.

УДК 504:556.3(476)

Заборовская Г.В. Организация мониторинга пресных подземных вод на территории нефтяных месторождений Беларуси // *Вестник ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 121–127.

Сформулированы основные принципы организации и дальнейшие направления развития мониторинга подземных вод территории деятельности РУП «ПО «Белоруснефть». Приведен пример типизации территории нефтепромыслов по гидрогеодинамическим условиям, представлены результаты прогнозных оценок качественного состояния подземных вод для пяти водоносных горизонтов как на настоящее время, так и на перспективу.

Рис. – 2. Библиогр. – 6 назв.

УДК 581.5

- **Казимиров И.С.** Использование *Cissus rhombifolia* Vahl в озеленении производственного интерьера // *Вестник ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 127–132.

Изучается возможность использования *Cissus rhombifolia* Vahl в озеленении производственного интерьера. Рассматривается изменение некоторых физиолого-биохимических и анатомических показателей, а также особенности роста данного вида в условиях производственной среды. Даются практические рекомендации по использованию *Cissus rhombifolia* Vahl в озеленении участка лакировки промышленного предприятия.

Табл. – 3. Библиогр. – 14 назв.

УДК 159.9

- **Девярых С.Ю.** Мотивы сексуального воздержания в старшем юношеском возрасте // *Вестник ВДУ*, 2006, № 3(41). – С. 133–134.

Содержатся результаты социологического исследования сексуального поведения молодежи, представлены мотивы сексуального воздержания юношей и девушек.

Табл. – 1. Библиогр. – 3 назв.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- Андрушчанка
Наталія Юр'еўна** – выкладчык кафедры сацыяльна-педагагічнай работы ВДУ імя П.М. Машэрава
- Валчок
Валянціна Пятроўна** – выкладчык кафедры псіхалогіі і карэкцыйнай работы ВДУ імя П.М. Машэрава
- Ван Лі** – аспірант кафедры агульнага і рускага мовазнаўства ВДУ імя П.М. Машэрава
- Варавіна
Наталія Пятроўна** – навуковы супрацоўнік лабараторыі хіміі раслін і тэхналогіі лекавай сыравіны ЦБС НАН РБ
- Вашчылка
Генадзій Генадзьевіч** – аспірант кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян БДУ
- Грычык
Васіль Вітальевіч** – кандыдат біялагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры агульнай экалогіі і методыкі выкладання біялогіі БДУ
- Дзевятых
Сяргей Юр'евіч** – старшы выкладчык кафедры філасофіі ВДУ імя П.М. Машэрава
- Елізараў
Сяргей Аляксандравіч** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі і паліталогіі ГДТУ імя П.В. Сухого
- Забароўская
Галіна Уладзіміраўна** – навуковы супрацоўнік Беларускага навукова-даследчага праектнага інстытута нафты РУП ВА «Беларуснафта»
- Здановіч
Уладзімір Васільевіч** – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі Беларусі БрДУ імя А.С. Пушкіна
- Іванова
Марыя Уладзіміраўна** – выкладчык кафедры тэорыі і методыкі фізічнай культуры і спорту ВДУ імя П.М. Машэрава
- Іваноўскі
Уладзімір Валянцінавіч** – кандыдат біялагічных навук, старшыня грамадскага аб'яднання «Ахова птушак Бацькаўшчыны»
- Ігнаценка
Валянціна
Аляксандраўна** – кандыдат біялагічных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік лабараторыі хіміі раслін і тэхналогіі лекавай сыравіны ЦБС НАН РБ
- Казіміраў
Ігар Сяргеевіч** – выкладчык кафедры анатоміі, фізіялогіі і валеалогіі чалавека ВДУ імя П.М. Машэрава

| | |
|---|--|
| Карзунова Таццяна Вітальеўна | – аспірант кафедры педагогікі ВДУ імя П.М. Машэрава |
| Кісялёў Канстанцін Леанідавіч | – аспірант кафедры літаратуры ВДУ імя П.М. Машэрава |
| Лаўрыновіч Дзмітрый Сяргеевіч | – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ўсходнеславянскай і расійскай гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова |
| Майсяюк Алеся Міхайлаўна | – аспірант кафедры беларускай і сусветнай мастацкай культуры БДУ культуры і мастацтваў |
| Маторавы Людміла Аляксееўна | – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры ВДУ імя П.М. Машэрава |
| Маторавы Надзея Сяргееўна | – студэнтка IV курса гістарычнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава |
| Муратава Алена Юр’еўна | – кандыдат філалагічных навук, дактарант кафедры рускай мовы БДУ |
| Навіцкі Павел Іванавіч | – кандыдат педагогічных навук, дацэнт, дактарант БДУ фізічнай культуры |
| Ноздрын-Платніцкі Вячаслаў Іосіфавіч | – кандыдат педагогічных навук, дацэнт, загадчык вучэбна-метадычнага ўпраўлення БДЭУ |
| Полаўцаў Дзясніс Алегавіч | – аспірант кафедры замежнай літаратуры МДЛУ |
| Рубан Мікалай Мікалаевіч | – кандыдат сельскагаспадарчых навук, загадчык лабараторыі інтрадукцыі плодова-ягадных культур ЦБС НАН РБ |
| Рудакоўская Раіса Мікалаеўна | – малодшы навуковы супрацоўнік лабараторыі хіміі раслін і тэхналогіі лекавай сыравіны ЦБС НАН РБ |
| Рупасавы Жанна Аляксандраўна | – доктар біялагічных навук, прафесар, загадчык лабараторыі хіміі раслін і тэхналогіі лекавай сыравіны ЦБС НАН РБ |
| Русецкі Аркадзій Уладзіміравіч | – доктар гістарычных навук, прафесар, рэктар ВДУ імя П.М. Машэрава |
| Русецкі Юрый Аркадзьевіч | – кандыдат гістарычных навук, дырэктар ІПК і ПК ВДУ імя П.М. Машэрава |

Тулiнава
Аксана Анатольеўна

– аспiрант кафедры агульнага i рускага
мовазнаўства ВДУ iмя П.М. Машэрава

Уланоўская
Святлана Iгнатаўна

– аспiрант БДУ культуры i мастацтваў

Юдзiн
Вiктар Вiктаравiч

– суiскальнiк Iнстытута сацыялогii НАН РБ

Якаўлеў
Аляксандр Паўлавiч

– кандыдат бiялагiчных навук, дацэнт, вядучы
навуковы супрацоўнiк лабараторыi экалагiчнай
фiзiялогii раслiн ЦБС НАН РБ

Якаўчук
Вiктар Iванавiч

– кандыдат тэхнiчных навук, дацэнт кафедры
тэорыi i практыкi дзяржаўнага кiравання Акадэміi
кiравання пры Прэзiдэнце Рэспублiкi Беларусь

ПРАВИЛЫ ДЛЯ АҮТАРАЎ

1. «Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта» публікуе вынікі навуковых даследаванняў, якія праводзяцца ў Віцебскім дзяржаўным ўніверсітэце, іншых навуковых устаноў і ВНУ рэспублікі. Асноўным крытэрыем мэтазгоднасці публікацыі з'яўляецца навізна і арыгінальнасць артыкула.
2. У артыкуле паслядоўна выкладаюцца пастаноўка праблемы, метадычныя падыходы, аб'ём выкарыстаных матэрыялаў, вынікі даследавання, вывады ці заключэнне.
3. Артыкулы падаюцца ў рэдакцыю на беларускай, рускай ці англійскай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам не больш за пяць старонак, надрукаваных праз адзін інтэрвал. У гэты аб'ём уваходзяць тэкст, табліцы, спіс літаратуры; колькасць малюнкаў не павінна перавышаць трох. Фатаграфіі ў друку не прымаюцца. Артыкулы павінны быць падрыхтаваны ў рэдактары Word для Windows і падаюцца на дыскетах (3,5"), або перасылаюцца на адрас электроннай пошты ўніверсітэта (rio@vsu.by).
4. Да артыкула, падпісанага аўтарам, павінна быць прыкладзена рэкамендацыя кафедры, рэцэнзія спецыяліста ў гэтай галіне (прафесара, доктара навук), рэфэрат на мове арыгінала (да 0,25 стар.), рэзюмэ на англійскай мове (2–3 сказы), індэкс УДК, звесткі пра аўтара (месца працы, пасада, вучоная ступень, адрас, нумар тэлефона).
5. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ).
6. Па рашэнні рэдакцыі артыкул накіроўваецца на рэцэнзію, затым візіруецца членам рэдакцыі. Вяртанне артыкула аўтару на дапрацоўку не азначае, што ён прыняты да друку. Перапрацаваны варыянт артыкула зноў разглядаецца рэдакцыяй. Датай паступлення лішчца дзень атрымання рэдакцыяй канчатковага варыянта артыкула.
7. Літаратура, выкарыстаная ў артыкуле, друкуецца ў канцы тэксту, а спасылкі ў тэксце азначаюцца парадковым нумарам у квадратных дужках. Спіс літаратуры афармляецца:
для кніг: прозвішча і ініцыялы аўтара, поўная назва кнігі, месца і год выдання, нумар тома, выпуску, агульная колькасць старонак (напрыклад, 300 с.) або спасылка на канкрэтныя старонкі (напрыклад, С. 10–15);
для артыкулаў: прозвішча і ініцыялы аўтара, назва артыкула, назва крыніцы, у якой ён надрукаваны (часопіс, зборнік і т.п.), год, нумар, старонкі (напрыклад, // Веснік ВДУ, 1997, № 1(3). – С. 3–7).
8. Спасылкі на неапублікаваныя працы, дысертацыі не дапускаюцца. Указваецца поўная назва аўтарскага пасведчання і дэпаніраванага рукапісу, а таксама арганізацыя, якая прад'явіла рукапіс да дэпаніравання.

GUIDELINES FOR AUTHORS

1. General notes:

Vesnik of Vitebsk State University publishes issues based on scientific researches carried out at Vitebsk State University and other educational establishments in the Republic of Belarus. The major criterion for publishing is the novelty and authenticity of the issue.

2. Format of the article:

The article is to be typed in Microsoft Word. Computer print-outs of the article should be submitted to the editorial office in Belarusian, Russian or English in duplicate. It is necessary to present also a floppy disk (3,5") or an e-mail version sent to: rio@vsu.by.

a. Paper format: A 4.

b. Length: not exceeding 5 full pages.

c. Page format: 10-point Arial font; 1.0-spaced; margins: T – 2, B – 6, L – 4, R – 4.

d. Structure of the article: text (tables if necessary; no more than 3 pictures if necessary; photos are not allowed); bibliography. All sources are to be marked and listed at the end of the article under the heading BIBLIOGRAPHY in succession as they appear in the text. References in the text are to be given in brackets indicating the ordinal number and the number of the page.

3. Procedure:

The article is to be signed by the author and recommended for publishing by the faculty board. The following papers are to be attached: annotation of an expert in the field of research; summary in the original language (1/4 page), summary in English (2-3 sentences); the author's personal information (place of work, position, degree, address, contact telephone number).

On the decision of the editorial board the article is submitted for annotation. If returned to the author for further consideration, the article shouldn't be accounted rejected. The improved variant is submitted to the editorial board. The acceptance date is the date of submitting the final version of the article to the editorial office.